

СИБИРСКИЕ ОГНИ

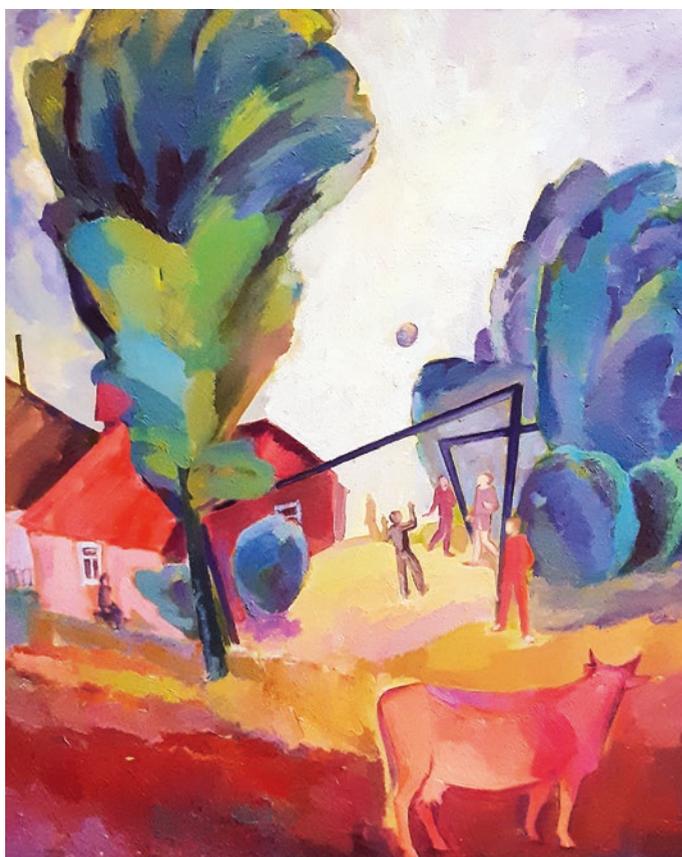

7/2024

На первой странице
обложки:
Петр Кудинов.
Летний день
в нашем городке.
2022

Петр Кудинов.
Пейзаж с колокольней.
2010

Петр Кудинов.
Деревенский футбол.
2019

СИБИРСКИЕ ОГНИ

**Литературно-художественный
и общественно-политический
ежемесячный журнал**

ВЫХОДИТ С МАРТА 1922 ГОДА

И. о. главного редактора:

М. В. ХЛЕБНИКОВ

Редакционная коллегия:

Н. М. Ахпашева (Абакан)
А. Г. Байбородин (Иркутск)
П. В. Басинский (Москва)
А. В. Кирилин (Барнаул)
В. М. Костин (Томск)
А. К. Лаптев (Иркутск)
Г. М. Прашкевич (Новосибирск)
Р. В. Сенчин (Екатеринбург)
М. А. Тарковский (Красноярск)
А. Н. Тимофеев (Москва)
А. Б. Шалин (Новосибирск)
М. Н. Щукин (Новосибирск)

Михаил Косарев
ответственный секретарь

Лариса Подистова
начальник отдела художественной литературы

Марина Акимова
редактор отдела художественной литературы

Сергей Москвитин
редактор отдела художественной литературы

Татьяна Седлецкая
редактор отдела общественно-политической жизни

Корректурa: Л. Р. Юкляева
Верстка: С. В. Колотилов

7/2024

Содержание

ПРОЗА

Николай АЛЕКСАНДРОВ. Золотой огонь Салаира . Повесть.	3
Михаил СОРОКИН. Дед, сарайка и мопед . Рассказы.	74
Екатерина ГОЛОВАНОВА. Мечь . Рассказ.	83
Андрей МАКАРОВ. Золотые рыбки . Рассказ.	105
Вячеслав МОЛЧАНОВ. Рецепт . Рассказ.	123

ПОЭЗИЯ

Александр РАДАШКЕВИЧ. Средиземное . Стихи.	70
Мария ТЕПЛЯКОВА. Воздух молитвы . Стихи.	103
Василий МАТОНИН. На границе прощанья с прощеньем . Стихи.	126

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Ольга УЛЬЯНОВА. Хостел в «Миражах»	130
<i>Литературный конкурс «Иду на грозу»</i>	
Елена АХМЕРОВА. Педагогические наблюдения . Эссе.	137

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Вячеслав ЛЮТЫЙ. «Я пробыл на передовой около трех лет...» <i>Некоторые особенности прозы Владимира Богомолова</i>	148
Геннадий ПРАШКЕВИЧ. Счастливый сказочник . <i>Фрагменты из книги о Юрии Магалифе</i>	152

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Издано в Сибири	180
-------------------------------	-----

КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ

Валерий КОПНИНОВ. Привычка сочинять . <i>Заметки о художнике Петре Кудинове</i>	184
--	-----

Авторы номера	191
---------------------	-----

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы публикаций. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ранее опубликованные (в том числе в газетах и сети Интернет) произведения не рассматриваются. Редакция оставляет за собой право опубликовать присланное произведение в журнальном варианте. При перепечатке материалов ссылка на «Сибирские огни» обязательна.

И. о. главного редактора, и. о. директора ГБУК НСО «Редакция журнала "Сибирские огни"» М. В. Хлебников

Николай АЛЕКСАНДРОВ

ЗОЛОТОЙ ОГОНЬ САЛАИРА

Повесть

Предисловие

Капля проснулась от стремительного полета. Она и еще несколько капель выпали из тяжелой тучи и понеслись что есть мочи вниз. Ее подружки смеялись и визжали от восторга, а Капле было не до смеха, она просто умирала от страха.

— Прощай, мама! — кричали капли, обращаясь к туче. — Здравствуй, жизнь! — кричали они стремительно приближающейся земле.

Скоро Капля со всего маху шлепнулась о березовый лист. Первый, второй и еще десятки ударов, а потом она оказалась на Цветке.

— Доброе утро, — сказал Цветок.

— Какое же оно доброе, если у меня болят бока и я вымазалась какой-то пылью!

— Это не пыль, это пыльца.

— Экая гадость! — Капля попыталась стряхнуть с себя золотые песчинки.

Вдруг Цветок нагнул голову, она сорвалась с белых лепестков и упала на землю. А на земле кругом мусор. Капля осмотрела себя: она была грязной, такой грязной, что даже золотой пыльцы не видать.

Только Капля поспешила прочь от всего этого кошмара, как кто-то вдруг наступил на нее и вдавил в придорожную грязь.

— Да что же это такое! — рассердилась Капля, плюнула вслед и бросилась наутек, только бы подальше от тучи, Цветка и тех, кто не смотрит себе под ноги.

На пути появилось озеро, а в нем миллионы таких же капель. Они плескались, играли с солнечными лучами и все были чистыми. И когда увидели грязную Каплю, позвали ее к себе.

Капля шагнула в озеро, капельки-подружки тут же обступили ее и начали мыть.

— А-а! — завопила Капля. — Мне больно! Идите прочь!

Она вырвалась на берег, с еще большей обидой помчалась куда глаза глядят и не заметила, как налетела на Гусеницу.

— О! Какая красивая капелька! — удивилась Гусеница и лизнула ее своим длинным и шершавым языком.

— Что ты творишь, гадина?! — возмутилась Капля и помчалась дальше.

После ей повстречался Комар. Он долго летал над нею, и Капля даже подумала, что тот влюбился в нее. Но Комар вдруг вонзил ей в бок свой острый нос и напился.

От неожиданности Капля упала без чувств, а когда очнулась, увидела над собой чудесную Бабочку. Бабочка глядела на Каплю, как в зеркало. Потом шепнула: «Какая я все-таки красивая!» — и улетела.

— Какая ты дура! — крикнула ей вслед Капля и вдруг обнаружила перед собой глубокую яму. — Вот где я спрячусь ото всех! — обрадовалась она и полетела с обрыва вниз.

Капля летела долго, потом катилась по какому-то каменному склону и неожиданно оказалась на потолке огромной пещеры. Невидимые капли, покрывавшие ее свод, шептались и спрашивали друг друга:

— Кто следующий в вечность?

И какая-нибудь из них стекала вниз по огромной каменной сосульке, повисала на кончике, и все ждали, когда она окаменеет.

— Я следующая! — закричала изо всех сил Капля.

И, не ожидая согласия, потекла по каменной сосульке, притормозила на самом хвостике и через пару веков окаменела. Она стала вечностью, но ни ее истории, ни ее дел, ни ее красоты никто не помнил. Красота в темноте не видна.

Рябой прапорщик

(Ноябрь 1919 года)

В конце осени, когда только выпавший снег на дорогах укатало плотным настом, а лога накрыло холодным саваном, через Елшанку потянулись отступающие колчаковцы. Первый отряд был мал: все офицеры разместились в большом доме купца Снадина, а солдаты в двух соседних избах.

Белогвардейцы вошли в село тихо, но по-хозяйски. Непуганым жителям все казалось вновь, и они высыпали на улицу, встречая непрошенных гостей. Мужики толпились вместе со старостой по одну сторону дороги, а бабы по иную. Офицеры, не спешиваясь, сдержанно переговаривались, солдаты рассматривали деревенский люд в ожидании приказа. Один из отряда — рябой прапорщик, злой и раздражительный, — сразу заметил Ксению, местную девицу ослепительной красоты, — она стояла в толпе любопытствующих баб.

Доброжелательное настроение сельчан изменилось, когда колчаковцы пошли по домам «реквизировать» продукты. Они запросто входили, бесцеремонно обыскивали дом, брали что хотели, а на вопросы хозяев отвечали, мол, по закону военного времени, еще наживете, а нам, защитникам Отечества, сейчас продукты поважнее будут. Кто протестовал, получал либо зуботычину, либо прилюдную порку прямо во дворе.

Особенно пострадали соседи Ксении, зажиточная и трудолюбивая семья по фамилии Косые. У них колчаковцы забили бычка и двух овечек, освеживали и туши спрятали в розвальнях. Один из двух братьев считался в деревне женихом Ксении — крепкий и очень сильный Андрюша. Но Ксения на его предложения отвечала резким отказом и обидным аргументом: «Это что же, женишок, я после свадьбы Косой буду зваться?» — и смеялась ему в лицо. Андрюша обижался, но терпел. И знала бы Ксения, что именно Андрюша спасет ее от рябого прапорщика.

Встретив девушку у ворот, колчаковец приказал собираться и ехать вместе с ним.

— С чего это? — по привычке дерзко ответила своенравная Ксения.

— Полюбила ты мне, — как приговор, объявил прапорщик.

— А ты себя в зеркало видел? — хохотнула Ксения.

— Артачиться будешь, пристрелю, сука! — коротко пригрозил рябой.

По глазам Ксения поняла — пристрелить может, но характер брал свое.

— Видели мы таких стреляльщиков, и рябых, и ниче себе с виду, здоровых.

Прапорщик ударил ее вскользь, будто пощечиной, но с такой силой, что Ксения упала в снег. Увидел это Андрюша, понял, что с девкой беда, и затеял драку с братом у себя во дворе. И так они орали друг на друга, так бились нешуточно, что все колчаковцы, бывшие на улице, кинулись смотреть мордобою. Не утерпел и рябой прапорщик. А пока он глазел на дерущихся, а потом выяснял что к чему, Ксения шмыгнула в избу к бабке Ангелине Федоровне, которая умирала уже скоро год, но умереть никак не могла. Чудная была бабка, но добрая.

Посреди горницы на табуретах стоял гроб, а в нем лежала Ангелина Федоровна. Лежала давно и просила Господа забрать ее душу грешную в Царствие Небесное.

— Бабушка Ангелина, — взмолилась Ксения, — спрячь меня, роденькая, а не то увезут меня и ссильничают!

Бабка поняла все сразу, буквально выпрыгнула из гроба.

— Лягай на мое место!

— Нет, бабушка, в гробу меня сразу найдут!

И тут старая сообразила, открыла ларь у стены, а там — остатки пшеницы.

— Лезь в ларь, девка, а я тебя пшеницей засыплю!

Кстати сказать, у стены мешок с пшеницей стоял. Спряталась Ксения в ларь, бабка на нее прежде всякой одежды навалила, а потом лихо мешок с пшеницей подняла, будто молодка игривая, и поверх высыпала, а после уже крышку ларя прикрыла. А сама опять в гроб улеглась, лежит в подушках, свечи в изголовье потрескивают, а она читает молитвослов и крестится.

Влетает в избу рябой прапорщик. Увидел бабку в гробу, заорал от неожиданности. А та из гроба приподнялась:

— Чего орешь? Чего надо?

Совсем оторопел прапорщик. Потом пришел немного в ум и спрашивает:

— К тебе девка заскочила? Где она?! — а сам избу оглядывает. А что там смотреть: стол, печь пустая, ларь у стены и гроб посередь горницы.

— Окромья меня, здесь иных девок нету. Изыди, сатана, не видишь — помираю, не мешай душе моей скорбной найти дорогу в Царствие Небесное, — сказала спокойно бабка Ангелина, поправила чепец на голове, улеглась на подушечку и запричитала молитву: — Со святыми упокой, Христе, душу рабы Твоей Ангелины, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная. — Опять повернулась к прапорщику: — Ты уйдешь, сукин сын, али огрею тебя кочергой и с собой заберу?!

Сел прапорщик на ларь, потому как больше не на что, табуреты и те под гробом стоят, а сам думает, где девка спрятаться могла. А Ангелина Федоровна в раж раздражения вошла и орет:

— Ты уйдешь от меня, идол сатанинский, парша гнидина?!

Уцепилась она за края гроба, вроде как силится встать. И видит прапорщик на ее руке палец с кривым ногтем. Подскочил, в ларь глянул — а там пшеницы с верхом, и от греха подальше скоро ушел прочь.

Так и спаслась Ксения от замужества с рябым прапорщиком. А Андрюшу с братом колчаковцы с собой взяли, чтобы те их в Болотное везли на своих же санях. Вернулись братья через несколько дней и в партизаны подались. Так сгинул жених Ксении. Люди говорят, что убили Андрюшу.

Прошел с того чудного случая месяц. Бабка Ангелина счастливо умерла, как хотела, во сне. Весь месяц текли через Елшанку и другие сибирские села обозы отступающей армии адмирала Колчака. Жители научились прятать продукты, фураж и угонять на заимки лошадей. Жизнь жилась тревожно.

Ояшинская трагедия

(15 декабря 1919 года)

К декабрю отряды красных уже сломили белых и стремительно продвигались по Транссибу. С приближением Красной армии активизировались партизаны, которые если не рельсы разберут, то вместо угля в бункер паровоза снег засыпят или из-за угла пальнут. А то и диверсию устроят. Белочехи отправили на помощь колчаковцам в Новониколаевск состав бойцов, но между станциями Чахлово и Чебула партизаны пустили состав под откос, — погибло много людей, но больше осталось увечных. Пришлось хоронить в одной братской могиле и погибших, и тяжелораненых, пристреленных своими же солдатами. Злоба росла, накалялась. Но как ни бились белые, 14 декабря 1919 года пришлось им покинуть Новониколаевск и пятиться на восток.

Теплый декабрь сыпал крупными хлопьями, покрывая округу ослепительно-белым шелком легкого снега. Оттепель гуляла по кривым улицам и унылым крышам сельских домов и сараев, стекала по голым веточкам берез весенней капелью, а под соснами ведьмиными кругами проявилась опаленная солнцем трава. Ветерок не обжигал ледяной стужей, а только освежал уставшие лица. Природа жила своей жизнью, будто не замечая, что идет война.

В тот день карательный отряд колчаковцев разместился в селе Ояш на короткий отдых. Именно от Ояша расходилась древняя сибирская тропа, ветки которой шли через Карасево, Зудово и Большечерное в Томск, по Сибирскому тракту через Елбак, Турнаево, Елшанку в Болотное и по железной дороге через Чахлово и Чебулу до самого Владивостока.

Ояш — село большое, многие работали и на строительстве «чугунки», а после там же путейцами. По ней же приходили все новости. Прежде о войне с немцами, потом об отречении царя и о Временном правительстве, скоро и о большевиках. А колчаковцы пришли сами, без новостей. Досужие старики ворчали, мол, не было бы «чугунки», глядишь, и без горя пожили бы. Но без горя среди людей жить трудно, а без людей и вовсе жизни нет.

В избе, приспособленной под тюрьму, колчаковцы собрали местных партизан из отряда Уткина. Потом еще купец Ипполит Рындин сдал всех сельчан, которые к большевикам склонность имели. Душ пятнадцать собрали, да поняли, что самим пора бежать, пока красные не настигли. И уже на закате вывели на берег реки арестованных, поставили на восток лицом и пальнули в спины. Упали разом, да один стоит, еще раз стрельнули, а он не шелохнется. Тогда поручик Алексей Левашов, обладавший небывалой силой удара, подъехал на лошади и секанул саблей по его шее. И ведь отсек голову, упала та на грудь и повисла на коже. А партизан стоит. Отер поручик саблю о плечо убитого, уперся в его спину острием и толкнул. Только тогда и рухнул мужик.

— Добить шашками, — приказал полковник Потапов, и пошла рубка. Секли всех подряд, а тут новый приказ: — Засыпьте снегом!

А снега-то чуть-чуть насыпало, да небо вычистило, будто от страха все облака разбежались. Висит одна луна на небе, круглая, бледная и немая. Посыпали сверху на казненных сколько собрали снега, а сквозь снег кровь проступает. Опять сыплют, а она все равно наружу лезет.

— По коням! — приказал полковник, и вот карательный отряд уже нагнал главный обоз, и потянулись все молча в неизвестность. Кругом Сибирь, белая, холодная, поля круглые, колки пустые, только ельник местами чернеет, тоску наводит. Едет отряд, ползет по снегу, а луна яркая, и от света ее тени тех убитых на дорогу ложатся.

Иван Николаевич Шелковников упал вместе со всеми, хотя пуля прошла мимо. Он лежал среди мертвых и видел, как расправлялись с остолбенелым партизаном из уткинского отряда, огромным и непокорным мужиком, как смахнул с него голову белый офицер. Но Шелковников не дрогнул от ужаса, а лежал чуть дыша, будто мертвый. Потом колчаковцы начали добивать расстрелянных. К нему тоже подошел солдат и ударил шашкой по голове, но он вытерпел боль и не показал, что жив, а уже после второго удара потерял сознание.

Он очнулся, когда услышал шум удаляющихся всадников, а потом уже вылез из-под снега. Сел, пощупал голову, и первая мысль: «Не треснула!» Спас войлок, который сибиряк подшил в шапку для тепла. В лютую зиму пригодилась, а теперь получилось, что и жизнь ему спасла эта хитрая подкладка.

Шелковников разгребал снег над убитыми одной рукой, второй придерживал голову, которая норовила упасть на плечо. Живых больше не было.

Идти в село Иван Николаевич побоялся и шагнул по старой дороге к эстонским хуторам, там жили друзья. Восемь верст он шагал всю ночь, часто садился на валежник, ел снег. Голова кружилась, боялся потерять сознание. Но Бог милостив, в Эстонке его приняли и помогли по свету доехать до Болотного, которое уже заняли красноармейцы. Так люди узнали о зверстве карательного отряда под командованием полковника Потапова.

Встреча

(16 декабря 1919 года)

Левашов ехал, чуть покачиваясь в седле. Под шинелью у него телогрейка из тонкой овечьей шкуры — купил у ояшинского крестьянина за десять рублей и не жалеет теперь. Шарф, плотный и сухой, как небритый подбородок, защищал шею, грел, будто печь в доме. Да только печаль на душе осталась от того стойкого партизана, и не просто осталась, а томила в груди, будто в костре огоньком тлела, и не давала задремать. Понимал Алексей, что не нужна была ему в зачет эта еще одна жизнь. Пятнадцать человек извели. Понятно, что красные, но ведь люди! — терзался думами поручик. У кого-то жены теперь одиноки, у кого-то дети теперь сироты. Да и баба среди партизан была, и ту не пожалели. Зачем? Что изменят эти убитые в проигранной борьбе с красными? Ничего, только ненависти прибавят к ним, к тем, кто два года защищает Отечество. От кого защищает? От этих крестьян и рабочих? Что же им там, намазано в этой «красной» жизни? Почему вдруг взялись за оружие против власти? Много вопросов, а ответов нет.

Алексей вынул платок, уже не белый, а одичавший в кармане шинели, потемневший от пыли и просыпанного пороха. Вынул из ножен саблю, и та сверкнула белой сталью. Белой и мертвой, будто не из железа, а из кости кована. Протер лезвие платком, зачем-то посмотрел на тряпку и подумал: сколько же его сабля за эти годы выпила человеческой крови, сколько душ нанизала, как баранки, на свое лезвие?

Он бросил платок под ноги лошади, вернул саблю в ножны и попытался задремать, думать больше не было сил.

Карасево проехали молча. Село вымерло, даже собаки попрятались, будто от волков. И вот этот холод от теплых, дымлевых и нагретых особенно ощущался сейчас в ночи и под палящей мертвым светом луной.

Отряд колчаковцев шел всю ночь, от Ояша через Елбак и Турнаево, на рассвете его путь пролегал через село Елшанку. Петухи уже сорвали голоса, а край неба зажегся багрянцем, когда первые конники ступили по центральной улице села, а сани заскрипели натруженными полозьями. Над избами клубился теплый дым, сдобренный хлебным духом и наваристым борщом. Но, заслышав шум на дороге, крестьяне потушили лампы и притаились за вышивными занавесками, молясь

и причитая, чтобы минуло лихо и никому в голову не пришло заглянуть в дом с какой нуждой или просьбой. Отказать вооруженным людям считалось плохой приметой.

Только молодая девушка, Ксения, дочь местного кожемяки, мастера обувку шить, вышла на пруд за водой — мать послала. И, уже обернувшись, с полными ведрами, увидела всадников, а потом и ряд розвальней, плывущих по селу плотной вереницей. Отряд шел угрюмо, устало, а оттого и безразлично, хотя всякий проезжающий мимо помечал, что девка добрая, красивая и стоит бодро и прямо под коромыслом с двумя бадьями, полными воды. Каждый думал или вспоминал свое: кто про дочку, кто про жену, а кто про не встретившуюся еще любовь.

А Ксения и впрямь была девицей редкой красоты. Круглолица, но с легким овалом, высокий лоб, пухловатые, ярко очерченные губы и румяные щеки, будто от стеснения прихваченные зарею, несколько кокетливых веснушек выдавали деревенское происхождение, нос скромный, кругленький. Но главная красота скрывалась в голубых глазах, и голубизна та была беззастенчива, с бирюзовым отливом по краю зрачков и искоркой то ли озорства, то ли печали. Глаза сияли и жили, обнаруживая быстрый и острый ум, веселый и отзывчивый, но решительный характер. И вся она словно свети-лась добрым нравом, задором в широкой улыбке, силой в стане и открытым взглядом, ясным и бесхитростным, будто живет и замечать не хочет горя на земле.

Неожиданно около Ксении остановился всадник — молодой поручик Левашов. Дремоту с него как рукой сняло, когда увидел красавицу.

— Здравствуй, девица!

Ксения отступила назад, аж холод прошел по спине от страха.

— Проезжай куда ехал! — отчаянно и зло ответила она.

— А что недобро так? А испить водицы не дашь?

— Еще чего! У нас кони после чужих не пьют.

Алексей спешился, накинул уздечку на плетень и подступил к девице, а тут слышит, закричал кто-то из проезжающих бойцов:

— Алексей Павлович! Забирай, девка что надо!

И вдруг он прильнул к ведру, сделал несколько ледяных глотков, утер тонкие усы и спросил:

— Поехали со мной, женой будешь!

— Экой ты, жених, скор на расправу! А еслив я за мужем? — А у самой сердечко забилося: так хорош офицерик этот, лощенный и с усиками, так хорош, что и убежать жалко.

— Нет! Ты меня ждала! Точно меня! Ночами вздыхала и днем думала, что приедет к тебе всадник, изопьет водицы и увезет в свой терем.

Ксения вдруг смутилась и опустила глаза.

— Ну, глянь же на меня! Я здоровый, богатый, все брошу к ногам твоим: и ковры заморские, и изумруды точеные! Верь мне! Царицей сделаю! Что тебе здесь в деревне? Гусей пасти да сор мести? Не трону, клянусь, пока не обвенчаемся. Слово офицера! Клянусь Богом, на руках носить буду!

— Алексей Павлович! — позвал крайний, замыкающий обоз возница. — Не отставай надолго!

— Догоню, — махнул вознице поручик.

— Сладко обещаешь, да жестко потом спать будет, — по-взрослому и будто опытная баба, повидавшая не один обман, сказала девушка. — Не верю я вам, обманщики кругом. Вот если матка с батькой согласятся, тогда пойду. — А сама думает: Андрюша в партизанах, мужики все по заимкам прячутся, и спасти ее некому будет.

— Значит, люб я тебе?! — офицер кинулся обнять Ксению.

— Не тронь! — приказала она, почувствовав уверенность и власть над ним. — Родительского благословения нет.

— Да какие родители?! Жизнь-то твоя сейчас решается! Упустишь миг, и все иначе пойдет. Пойми, такое просто не случается! Бог правит нами, он нас свел, а то ты и не знаешь, что он нас уже обвенчал!

Отряд покинул Елшанку, рассвет выбелил лесную темень, и от света утреннего и румянца стыдливого еще краше стала Ксения, еще смущеннее. И поняла сама, что или сейчас, или никогда.

— Хорошо, — выдохнула она онемевшими губами, — пойдете к бате за благословением. Согласная я!

Снял с девушки офицер коромысло с ведрами, обнял и крепко поцеловал в уста. Да так крепко поцеловал, да так сладко пахло из-под воротника девичьего, что как безумный подхватил он ее и закинул на шею коню одним махом, снял уздечку с изгороди и, будто птица крылатая, вскочил на коня.

Проскакав село, он свернул в поле. Не успело еще намести, — и в этом было для него провидение Божие, и в том, что теплынь текла в лицо вместе с рассветом. Ксения пыталась вырваться, молча и неистово, но он был слишком силен, жилист, из мужиков с ним мало кто справится мог, а тут девка, да еще любимая. Отъехал верст пять, прыгнул с коня, помог и ей встать на землю.

Они стояли напротив друг друга, и вдруг она развернулась и побежала. Он кинулся за нею, сбил с ног, сам упал рядом.

— Жизни мне без тебя больше нет! Пойми ты это! — запыхавшись, пытался говорить, одной рукой держал ее, а другой черпнул снега и утерся. — Судьба ты моя! Не отпущу! Всё!

— Силком мил не будешь! Зарежу! — ответила она, пока Алексей завязывал своим шарфом ей за спиною руки.

— От тебя и смерть приму, как Божью благодать. Поехали в церковь, обвенчаемся, а потом к родителям. Смотри, — Алексей достал из нагрудного кармана сверток. — Все твоим родителям отдам, пусть поживут богато, а я еще добуду, коль ты со мной! Посмотри, здесь много золота! На, возьми себе. — Он свернул тряпочку с драгоценностями и сунул ей в карман.

Ксения молчала. Она была зла и растеряна. Зла, потому что без согласия ее увез, а растеряна, потому что выкуп изрядный. И красив был, стерец, очень красив.

Плен

(17 декабря 1919 года)

Поручик Левашов закинул связанную Ксению на шею коня, взлетел в седло, когда увидел за околицей отряд красноармейцев. Но уйти от погони он не смог.

С зуботычинами и в царское, и в новое время жилось привычно. Так не так, а в морду хошь не хошь, но получи! Пока к плененному подъехал командир отряда, ретивого Алексея успели остудить изрядно.

— Прекратить! — закричал командир красноармейцев. — Позор — вести себя как всякая белая сволочь! Вы — бойцы Красной армии, а занимаетесь избиением пленных!

— Товарищ Ковригин, так он первый начал, выхватил саблю и давай ею махать. Мы ему говорим, прекрати, мил человек, людей пугать, а он как бешеный. Ну и пришлось объяснить господину колчаковцу, шо нельзя так разговаривать с бойцами Красной армии.

Отряд грохнул разом и дружно. Красный командир тоже не удержался и улыбнулся.

— Кто такой? — спросил он пленного.

Пленный молчал. Ковригин принял от красноармейца саблю, вынул ее и прочитал на лезвии: «Алексей Левашов». А с другой стороны витиеватой, но понятной вязью: Pierre Chevalier.

— Так ты кто, господин поручик: русский или француз?

Пленный молчал, только выплюнул сукровицу.

— Откуда вы, девица? — обратился Ковригин к девушке.

— Мы из Елшанки будем, — Ксения смотрела командиру в глаза.

— По своей воле бежала с колчаковцем?

— Товарищ командир, — пояснил все тот же красноармеец, — дамочка была связана, силком вез.

— Понятно. Надругаться хотел. Товарищи! Мы — красноармейцы, а не колчаковская сволочь, а потому пленного доставить в Болотное, завтра будем судить. Помните, что мы здесь власть, а власть поступает только по закону, и чтоб никакого самосуда не было.

Командир Ковригин приказал двум бойцам доставить Левашова и девушку в Болотное, а сам с отрядом отправился дальше — искать отступающих колчаковских карателей.

Ксению посадили на офицерскую лошадь, а поручика пустили следом на привязи, мол, пусть разомнется. В Болотное заехали к полудню. Было ясно, морозец крепчал. На улицах безлюдье, только на вокзальной площади несколько трупов и брошенная полевая кухня. Колчаковцы ушли без боя, потому пожаров не было, да и погибших немного.

Заперли белогвардейского офицера в углярке около багажного отделения до суда и расстрела. Темно в углярке, но тепло, потому как одна стена с кочегаркой соединена окном, закрытым деревянной ставней, и было еще уличное окно, в которое загрузжали уголь. Алексей попробовал его на прочность: ставня даже не шелохнулась, закрыта снаружи. Присел у теплой стены и понял, что это его последние часы,

и так тоскливо стало ему, что хоть волком вой. Собственно, жизни еще и не было, была только война, прежде с персами, после на германском фронте, а теперь в Белой гвардии. Связь с родителями и сестрой потеряна, в Москве хозяйничают голод и большевики.

Мать Алексея — дворянка из древнего рода Мусиных, отец — служака, из мещан, а потому выше подполковника подняться не смог, однако был приглашен в Александровское военное училище готовить офицеров пехоты. Алексей после военной гимназии сразу же поступил именно в это заведение, где преподавал отец, и окончил его в 1908 году. Боевое крещение получил в Персидском походе с 1908 по 1914 год, а потом сразу же война с Германией. Вот и вся биография!

Алексею прочили славную карьеру, потому что более яростного и решительного характера среди юнкеров не было. И еще Алексей отличался внешней красотой. Его выделяли тонкие черты лица, умные, даже печальные, глаза и высокий лоб. Он был строен и длинноног, с большой ловкостью фехтовал, а из седла его нельзя было выбить, ничей конь так не ходил аллюром. Юнкера смеялись, говорили, что Левашову нужно попасть на глаза цесаревнам и тогда, возможно, в России появится русский царь, а не Николашка-немец — сын Марии Софии Фредерики Дагмар, внук Луизы Гессен-Кассельской.

И теперь из этой угольной западни и полной безнадеги смешной казалась юнкерская жизнь. Нелепое, унижительное прозвище «фараоны» для новобранцев. Волнительное ожидание императорского приказа о произведении в чин офицера. Готовность погибнуть за Родину, именно за Родину, а не в войне с «рабочими и крестьянами»...

Сильно болело лицо, стонала выбитая челюсть, при неловком движении начинала кровоточить губа, глаза заплыли так, что щелки остались. Через несколько дней наступит 1920 год, ему исполнится тридцать лет. Не исполнится! Ему даже тридцать лет не исполнится, а хотел жить долго. Оттого и смерти не боялся, что уверен был — жить будет долго!

Что-то заскреблось около уличного окна, Алексей подошел, прислушался. Ставня зашевелилась и начала с трудом подниматься. Он упал на колени, уперся плечом в стену, подsunул пальцы в наметившуюся щель и рванул ставню вверх. Очевидно, его кто-то спасал. И, не раздумывая более, как только ставня позволила пролезть, он, как обожженный уж, выполз на улицу.

— Ты?! — удивился он, увидев Ксению.

Хотел обнять, но из-за угла появился часовой.

Явно не ожидавший, что можно устроить побег днем, часовой замешкался, скидывая с плеча винтовку. Алексей выбил оружие у него из рук, и они покатались по снегу. Красноармеец был силен, и Алексей скоро оказался прижат к земле. Но вдруг солдат обмяк. Алексей спихнул его и увидел Ксению с окровавленным штыком в руках.

— Бежим! — вскочив, приказал он.

— Сюда, — позвала Ксения, и он последовал за ней.

За углом стояли запряженные лошади. Алексей помог Ксении сесть, сам вскочил на вторую лошадь, и они рванули прочь от станции, вглубь Болотного, по тесным улицам, за спасением. Переправились

через железнодорожные пути около станции Тын, и далее опять повела Ксения. Она, очевидно, уже продумала путь побега.

— Вот это девка! — то ли плакал, то ли смеялся Алексей, преследуя свою, уже без сомнения, и спасительницу, и любимую, и жену.

Уходили полями. Проскакав в угаре и волнении около десяти верст, они спешили в колке глубокого падуна, привязали лошадей к березе и только теперь посмотрели друг на друга. Ксения вдруг кинулась к Алексею и зарыдала:

— Я человека убила! Из-за тебя!

Алексей обнял девушку, прижал к себе.

— Но, если бы не ты, он убил бы меня, а потом и тебя! Понимаешь, это война! — Он попытался утереть ей слезы. — Всё, успокойся. Знаешь, сколько жизней на каждом из нас? На том же часовом! Сколько он убил? А меня хотели судить, а потом расстрелять! А ты спасла! Ты спасла меня, дорогая, любимая! На всю жизнь любимая!

— Ой, горе-то какое! — причитала Ксения.

— Откуда у тебя штык? И как ты ловко! А лошади откуда? Что за чудеса!

Ксения все плакала, но утерла глаза и стала рассказывать.

— Меня поселили в дом, около вокзала, к женщине. У нее два сына, черненькие такие, как нерусские. У них я нашла штык и потом пошла тебя выручать. А когда проходила мимо вокзала, увидела лошадей у привязи, я их отвела в сторону, спрятала за оградой, а потом уже к тебе.

— И это, считай, середь бела дня?!

— Ночи я ждать не стала, — а вдруг тебя сейчас стрельнут? — вот и пошла. Штыком поднимаю доски, а они не поднимаются... а тут ты помог... — И вдруг опять завывла: — А потом я человека убила!

— Не убила, а мужа своего спасла! Самого близкого человека. Ты понимаешь, что я твой должник на всю жизнь?!

— А как с этим теперь жить?! Я отцу помогала и свинью колоть, и разделявать, и бычка резать. Но не человека! Я видела кровь, но не человеческую.

— Вот! И нам предстоит преодолеть эту пропасть, потому что я видел кровь только человеческую! И теперь у нас на двоих эта человеческая кровь! Теперь мы вместе и навсегда! Я тебе помогу, вот увидишь, я рядом, а значит, все будет хорошо!

Они обнялись и стояли долго-долго.

— Маму жаль и батьку моего. Мама теперь плачет, думает, что со мною беда.

— А с тобою — счастье! — Алексей попытался поцеловать девушку.

— Нет, со мною горе и счастье вместе. — Ксения отвернулась и посмотрела в потемневший вечерний небосклон.

— Через боль рождается жизнь, как человек рождается с болью матери, — пытался утешить Алексей.

— Но не на чужом горе! — разумно отвечала Ксения.

Алексей радовался ее умению думать и говорить: значит, эта красавица не крынка из-под молока, а умница!

— Любимая моя, скажи наконец-то, как тебя зовут?
— Ксюша, — глянула на него девушка.
— Ксения? Какое милое имя! А меня Алексей.
И вдруг она, смахнув слезу, рассмеялась:
— Алексей?! Ох и добренько же тебя разукрасили! Не лицо, а поле боя!

Дядя Игнат

(18 декабря 1919 года)

Когда Алексей попал в плен к красным, его обыскали, отобрали деньги. А были у него купюры всякой разной масти, на все случаи жизни, даже марки и десять долларов. Но самая большая потеря — сабля прадеда, тот ее у француза еще в Отечественную добыл. А драгоценности сохранились, никому в голову не пришло плененную девушку обыскивать. Вот и пойми эту жизнь, где найдешь, а где потеряешь.

Ксения предложила спрятаться в Коураке, в предгорном селе, у бабки Анисьи, отцовой матери. Дорогу она хорошо знала, потому что еще при царе отец проводывал братьев и родителей каждый год, и Ксению с собою брал.

При бабке Анисье жил сын Иван, он золотишком промышлял на реках Салаира. И была у него заимка на тамошней горе. Вот об этой заимке и подумала Ксения, когда решила помочь молодому офицеру бежать, и тогда же она поняла, что с ним останется. До Коурака верст сто, но и про ночлег Ксения подумала. Ночевать решила у брата отцова под селом Кииком, на хуторе вблизи реки Ини, а до него полдороги будет. Сыновья бабки Анисьи после женитьбы каждый по своим хуторам разъехались, благо в Сибири и места, и леса, и земель пахотных немарено. Вот каждый себе полюбившееся место и нашел: Егор в Елшанке, Игнат на Ине, а Иван в Коураке при матери остался.

Когда Ксения с Алексеем добрались до хутора дяди Игната, что на берегу Ини, уже темно стало. Постучали в ворота. Игнат на стук чуть из ружья не пальнул. Но обошлось. Удивился, но принял.

В доме тепло, овчиной и уютом пахнет. Чисто, дядькина жена тетя Оля на стол еду мечет сноровисто.

Алексей подивился облику Игната: мужик среднего роста, в душегрейке с меховой оторочкой, голова стрижена под горшок, а борода великая, черная и такая густая, что даже на щеках растет. И видно на лице Игната только нос и глаза, будто старовер перед тобой. Нос тоже изрядного размера, а глаза огненные, глядят будто сквозь человека светят. А тетя Оля, напротив, чиста лицом, добра взглядом и сама, как хохлушечка, кругленькая и ладная. Коль такая жена в дому, и щедрот никаких не надо, без печи согреет.

Долго молчали, только сосредоточенно ели, и наконец дядя Игнат спросил:

— И кто же тебя так разукрасил? Красные или белые?
— Красные...

— И за что? За Колчака? Или ограбил кого?

— Я белый офицер, Левашов Алексей Павлович, поручик Русской императорской армии, сухопутные войска.

— А Ксюша почему с тобой?

— Она моя невеста.

— Егор благословил? — повернулся Игнат к Ксении.

Наступила томительная тишина.

— Вот что ты пристал? — не утерпела тетя Оля. — Не видишь, что у них свадьба с убёгом?

— Это так? — опять обернулся Игнат к Ксении.

— Так, дядя, — она покраснела, встала из-за стола и отошла к печи, — я по доброй воле с Алексеем бежала.

— Отлично! Вот тебе белый офицер, когда красные кругом, вот тебе морда будто кусок мяса, а вот тебе и племяшка со всем этим добром и свадьбой с убёгом! Что с вами сейчас бы сделал Егор? И что мне, брату его, с вами сделать?

— Игнат, — опять не утерпела жена, — они к тебе за помощью прибежали, а ты сидишь и кочевряжишься. К кому им еще податься? К своему или чужому дяде?

— Дядя Игнат, я люблю его. И к тебе мы бежали и впрямь за помощью. Больше нам спрятаться негде, только на заимке дяди Ивана! — взмолилась Ксения.

— Что хочешь? — обернулся к Алексею Игнат.

— От красных спастись и с Ксюшей остаться.

— Через Иню уйти?

— Да, на Салаир. Как она сказала, к вашему брату Ивану.

— Ивана нет, помер. Но заимка осталась.

Наступила тягостная тишина.

— Принеси подарки, — обратился Алексей к Ксении. И когда она принесла сверток, положил его на стол и развернул драгоценности.

— Господи помилуй! — охнула тетя Оля, увидев разные кольца, браслеты и иные украшения.

— А не много ли за переправу? Или со страху?

— Половину. А вторая половина родителям Ксюши. Выкуп за нее и покаяние.

— Награблено? — спросил Игнат.

— По-разному, — ответил Алексей.

— У всех по-разному, — задумчиво ответил дядька. — Хорошо, что честно. Что еще?

— Все.

— Вот и дурак. Тебе две лошади не нужны, тебе хорошие розвальни теперь нужны, мука, спички, соль. Понял? Я приготовлю. Я знаю, что нужно на заимке хотя бы на первую зиму. А то и себя голодом заморишь, и девку погубишь. Не чужая она мне, племянница.

— Спасибо вам! — обрадовался Алексей.

— Давай барахло свое сюда. Будет так: половина Егору, брату моему младшему, это, правильно ты рассудил, за Ксюху, а вторая

половина — за переправу, провиант. И довезу я вас до Ивановой заимки сам. Это чтобы к матери моей не появляться. Она уж очень говорливая. Золото на Салаире найдешь, его там хоть ложкой черпай. А молчание наше — бесплатно. Егору же скажу, что у Ксюши все хорошо. Мол, это свадьба с убёгом, но венчались у меня.

— Венчались?! — переспросила Ксения.

— Именно! Венчались! Завтра поеду с местным батюшкой говорить, он мне тут чуток задолжал.

— А пост? Сейчас Рождественский пост идет. Батюшка в пост не обвенчает, — со знанием дела заявила тетя Оля.

— У нас теперь война, брат на брата, некогда пост соблюдать, а они путешествующие, этим вообще все можно.

— Не богохуль, — упрекнула тетя Оля.

— Наши дела, не бабьи. Как я Егору в глаза смотреть буду, если не обвенчаю? В прелюбодействе жить дядька разрешил? Так, что ли? Все будет по-людски.

— А не сдаст красным нас этот священник? — засомневался Алексей.

— Не сдаст. У нас тут не сдают, мы тут друг за дружку еще держимся.

— Спасибо, дядя! — кинулась Игнату на шею Ксения.

— Погодь благодарить. Но к Егору поеду позже, нынче время горячее, чтобы в Елшанку ехать. Переждать надо. А венчаться нынче будем, в пост. Крепче узы будут, когда в пост и поперек времени.

Свадьба с убёгом

(29 декабря 1919 года)

Дядя Игнат не обманул. Готовились к отъезду основательно, вместе управлялись по хозяйству и со скотиной. Тут же лечили Алексея, синяки и желтые разводы сходили на глазах. Но скорый побег, что называется налегке, и полста верст верхом не прошли даром для Ксении. Она тайно пожаловалась тете Оле на саднящую боль внизу живота.

— Приморозили девку-то, до коликов, — чуть позже проворчала тетя Оля своему мужу, будто он тому был виной.

— Так лечи, а то детков не будет, — удивился Игнат.

— Так и лечу. Сегодня, кажись, полегчало, — сказала, будто огрызнулась, тетя Оля.

Спали молодые по разным комнатам, — как и обещал Алексей, близость только после венчания.

Прошло десять дней, до Рождества оставалась неделя. Тетя Оля готовила праздничный стол, дядя Игнат уехал за священником, который красных на дух не переносил, а Ленина звал антихристом.

К обеду в собственной кошевке¹ приехал батюшка, следом за ним — дядя Игнат в розвальнях. И пока Игнат распрягал своего коня, священник вошел в избу. Крупный, высокий, еще молодой, но уже с разъетым брюхом. Скинул шубу на руки тете Оле, поправил тяжелый крест на животе.

¹ Кошевка — легкие сани для выезда.

Со свету с прищуром оглядел горницу, увидел в красном углу иконы и басовито, со вкусом пропел, осеняя себя крестным знамением:

— Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа! Аминь. Господи, помилуй, Господи, помилуй, Господи, помилуй! — Потом повернулся к ожидающим его тете Оле, Ксении и Алексею: — Мир вашему дому!

Тетя Оля подошла к священнику, поклонилась в пояс, коснувшись пола правой рукой, потом сложила ладони лодочкой вверх:

— Благослови, батюшка Феофан!

Священник перекрестил ее голову и положил свою пухлую руку ей в ладони. Тетя Оля поцеловала руку священника и с видимым смирением отошла прочь, давая иным поздороваться с батюшкой. Скоро вошел и хозяин. А батюшка уже готовил обряд исповеди перед венчанием.

И все было достойно и благородно, степенно и с соблюдением чина. Исповедались все, и дядя Игнат тоже, в отдельной комнате при закрытых дверях. Тетя Оля специально шебуршала на кухне: то терла, то мешала квашню, то в печь дров подкидывала, чтобы ни звука не донеслось из комнаты и не нарушилось таинство исповеди. Предусмотрительная женщина.

Последним исповедался Алексей, долго, так долго, что от волнения дядя Игнат налил из четверти полстакана сивухи и жадно выпил, чему крайне удивилась жена. На том неожиданности не кончились. Потом быстрым шагом из комнаты буквально выскочил священник и, не накинув шубы, вышел на улицу, стоял там минут пять в рясе, считай, раздетый. Алексей оставался в комнате. Скоро вернулся священник, прошел к исповедуемому и, не закрывая дверей, сказал:

— Не на земле, а на небе развязывать будешь все узелочки, что завязал здесь.

После накинул на Алексея епитрахиль и начал читать разрешающую молитву.

— Господь и Бог наш, Иисус Христос, благодатию и щедротами Своего человеколюбия да простит ти, чадо Алексея, и аз, недостойный иерей, властью Его, мне данною, прощаю и разрешаю тя от всех грехов твоих, во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь.

Таинство венчания прошло подозрительно быстро, на трапезу Феофан не остался, сослался на дела — кого-то отпевать надо — и сразу же после церемонии покинул дом.

Дядя Игнат посмотрел в окно на спешащего к своей кошевке священника, открыл бутылку, налил чуток, выпил залпом и произнес:

— Действительно, свадьба с убёгом. Ну-с, за стол, молодые!

— Вот сюда, Алексей, Ксюша, седайте! — засуетилась тетя Оля.

— Что мы здесь, пимы сибирские? — продолжил свою мысль вслух дядя Игнат. — Какие тут грехи у нас: своровал, напился, бабу побил. А ты три войны пройди и человеком будь, когда все человеческое вместе с дерьмом и мочой на поле боя осталось! Вот поди потом и исповедуйся! Вот поди потом и стань святым! Слабак Феофан! Мужика исповедь честную услышал и дрисней весь двор загадил! — И вдруг обернулся к Алексею, руку протянул, пожал крепко. — Уважаю. Потому что честен.

Вот потому и Ксюху отдаю с уверенностью, что счастлива будет, потому что при мужике.

Игнат посмотрел на окно и ударил кулаком по столу.

— Завтра повезу вас на заимку. Лед на Ине за эти дни окреп. Проедем!

— А если Феофан все-таки доложит кому о нас? — спросил Алексей.

— Не доложит, знает, что убью. Вот этой рукой. Наливай, зятек, гулять будем.

Выпили изрядно. Говорили мало. А о чем говорить? Все и так понятно. Счастье с горем смешано, как кровь с молоком. Время такое.

— Ну что, Алексей, легче после исповеди стало? — спросил хмельной Игнат.

— Нет. С самогона полегчало, будто вожжи ослабли, будто душу отпустили на волю погулять. А от исповеди — нет. Бог, он, может, и простит, но ведь и самому себя нужно простить, а это уже сложно.

— Вот и у меня такая же канитель, — в ответ вздохнул Игнат. — Поп, он все вынести может, потому что чужое, а как самому быть, никто не скажет. Как с собою в мире жить?

— Верно говорите. Бог-то отпустит, а кто меня от меня отпустит? Кто примирит совесть с душою? — согласился Алексей. — Видно, тяжёлый грех у тебя на душе, дядя Игнат?

— А тут как посмотреть. Грех-то вроде и не мой, а душа у меня болит. И пока бабы свои разговоры разговаривают, расскажу тебе, признаюсь, поскольку ты сам не чище меня, потому что в тебе чую душу сродную-грешную. Даже попу стыжусь о том рассказать. А ты сегодня на исповеди не постыдился о себе поведать, вот и я покаяться хочу.

Жил у нас здесь рядышком, в деревне Кусмень, парень Гришка Заяц. И задумал он жениться на девахе местной, такой же бедной и неприкаянной. За душой у них ни гроша. Вот и приехал ко мне этот Гришка, рухнул в ноги и говорит: «Помоги мне, дядя Игнат, на ноги встать, займи денюжек, с лихвой отработаю». А в меня будто черт вселился. Он слезами пол мает да штанами вытирает, а я ему: нет, и всё тут. Всех сырых, говорю, и убогих не согреть, вон вашего брата сколько расплодилось, и всем дай! Встал Гришка, поклонился и говорит: «Прости, дядя Игнат, что пришел к тебе. Знать, иной у меня путь». И ушел.

Потом узнаю, что Гришка в Новониколаевск подался на заработки, строить Алтайскую дорогу, там изрядно платили, а деваху его в батраки пошла к купцу местному. У того парни подрастали. Что там и как — не знаю, да только пошла та деваху по рукам, купеческие пацаны ею даже приторговывать начали. Короче, срам на всю округу. Вот я и думаю, что я благое дело сделал — спас Гришку от сраму, не то женился бы он на шкуре бессовестной.

Вернулся Гришка через год с деньгами хорошими, а тут такое непотребство. Напился в трактире придорожном у того же купца, а ему его же деваху за деньги предлагают. Порешил он этих двух братьев купеческих в том же трактире и убег. Где он теперь, никто не знает, говорят, на дорогах шалит. Но я не верю, уж очень он добрым был, уважительным. Однако двоих убил! Вот как она, жизнь-то поворачивает.

И я вроде как тут ни в чем не виноват, мое дело и моя воля помочь али нет. А сомнения берут, думаю теперь: помоги я тогда Гришке, и жизнь у него потекла бы иначе, и девка по рукам не пошла бы. Две души убиенных теперь на Гришке висят, а может, уже и более того, рыщет на большой дороге и грабит безвинных людей. Вот я и гадаю теперь, сколько в Гришкиных грехах моего будет? А тут еще одна бабка мне как-то и брякни, на мое же слово, что всех, мол, не обогреть. Она мне и говорит: да, милос, всех не обогреть и не накормить, но стремиться к этому надо. И совсем меня покоя эта старуха лишила. Вот за то, во искупление греха своего несвершенного, повезу вас с Ксенией до самой Ивановой заимки. Может, оттого душу мою грех тот на волю отпустит.

И вдруг бабы шептаться меж собой перестали и чему-то своему громко засмеялись. Потом притихли, а Ксения запела, тоненько и робко, но подхватила тетя Оля:

Домик стоит над рекою,
Пристань у самой реки;
Парень девчонку целует,
Просит он правой руки.

А с припева и Игнат забасил:

Верила, верила, верю,
Верила, верила я.
Но никогда не поверю,
Что ты разлюбишь меня.

Один Алексей молчал. Народных песен он не знал, петь не умел, а убивать больше никого не хотел. Оттого и потекла по его щеке юркая пьяная слезинка. Исповедь все-таки отпустила душу, окаменевшую, осатаневшую, чужой кровью залитую. А Ксения вела своим тонким и чистым голосом, будто залечивая его раненое сердце:

Белая роза свиданья,
Алая роза любви,
Желтая роза разлуки —
Я умираю с тоски.

И все трое — Игнат, тетя Оля и Ксения — уже слаженно и уверенно:

Верила, верила, верю,
Верила, верила я.
Но никогда не поверю,
Что ты разлюбишь меня.

Белую розу срываю,
Красную розу дарю,
Желтую розу разлуки
Я под ногами топчу.

И вдруг Алексей подхватил припев, сорвался, но прилачился вновь к голосу жены, тети Оли и громкому, низкому, будто рычание, вою дяди Игната:

Верила, верила, верю,
Верила, верила я.
Но никогда не поверю,
Что ты разлюбишь меня.

Первый раз пел Алексей, и ведь получилось.

В больнице

(Январь 1920 года)

Долечивался Иван Николаевич Шелковников в Новониколаевске, в железнодорожной больнице на Владимирской. Лежал в хирургическом отделении — отдельном деревянном бревенчатом бараке. Лечили с почетом, как партизана, пострадавшего от колчаковских карателей. Мужики — все с боевыми ранениями — дивились чуду спасения из-за войлочной подкладки, пришитой к внутренней стороне шапки.

— Вывели нас на пустое место, поставили в две шеренги, — рассказывал герой. — Раздалось: «Пли!» Все попадали, как литовкой подкосило. Я тоже упал. Сам не знаю, живой или мертвый. Потом слышу: «Рубите шашками». Я притаился, как мертвый, чуть дышу. Подошел один и рубанул. У меня искры из глаз! Еще раз рубанул — все потемнело... Потом команда: «Загребите снегом!» Это я услышал все равно как во сне, еле-еле. Дальше слышу топот — уезжают. Руки из снега вытащил, голову нащупал. Не раскололи всё же. А все остальные мертвые. Вылез, вышел на тракт — и айда. Ночь была светлая. Холодно. Голова у меня болтается, не держится — шею разрубили. Кровь бежит, а идти ничего, могу. Между трактом и железной дорогой эстонские хутора. Я туда и пошел. Там работники — свои ребята.

— Да, — вздыхали мужики, и у каждого была своя история, своя боль.

— А вот меня изувечили по моей же глупости, — поддержал разговор пожилой крестьянин по имени Тарас, который по больнице в юбке ходил. — Пришли в деревню беляки, забили все избы до отказа. А утром конфисковали у населения много продуктов. Им нужно было дальше отступать. Многих деревенских они мобилизовали в обозы. Попался и я. Пришлось везти на своем коне беляков до станции Тайга. Вез я четверых солдат. А был у меня кобель рыжий с красноватым оттенком и всегда неотлучно со мной. Мы уже подъезжали к Тайге, а тут выскочил заяц. Собака, понятно, за ним. Я сдуру и брякнул: «Смотрите, красный белого погнал». Белякам это не понравилось. На станции меня выпороли плетками, да так, что не мог ни сидеть, ни лежать. Вот теперь, стыдно сказать, с вами, героями, жопу свою лечу, штаны одеть больно, вот юбку теперь ношу. Срамота прям.

И вдруг в очередной раз, собравшись в курилке, мужики начали расспрашивать Шелковникова о расстреле на берегу речки Ояш, о стойком

партизане, который и мертвый стоял, будто скала. В тот момент Иван Николаевич неожиданно и даже как-то не к месту вспомнил, как год назад вез в своей кошевке древнего старика до железнодорожной станции, а тот вместо денег подал ему скуфейку², но из войлока, и посоветовал подшить в шапку, для тепла.

— А не грех, — тогда еще спросил Иван Николаевич, — носить поповское убранство на своей плешивой голове?

— Не грех, — ответил белый старик, — даже опричники Ивана Васильевича такие носили.

— Опричники? А откель знаешь?

— Знаю, — ответил старик. — Глядишь, и в голове твоей почище будет.

— От скуфейки? — удивился Шелковников.

— Нет, от тепла. Если бы скуфейка чистила, все попы святыми бы стали. Пригодится она тебе, голову твою спасет.

И не подумал тогда Иван Николаевич, что старик тот с намеком говорил, даже слегка обиделся на него за священнослужителей, что вроде без уважения к ним. Но скуфейку из плотного и мягкого войлока принял. А теперь понял, что не простой тот старец был, истинно святой, оттого и в попах сомневался. И еще... Шелковников вдруг увидел в этом спасительном случае нечто загадочное. Видно, рано было помирать, что-то еще осталось несделанное на земле. Но вот что, тут надо бы подумать. Без сомнения, теперь знал Иван Николаевич, что ничто на земле не случайно, а дадено по заслугам и во благо, даже горе пережить.

Еще один из заядлых курильщиков по имени Александр Парфенов затеял свой рассказ.

— Не поверите, братцы, я-то был отправлен в Новониколаевск для работы с партизанами. Ну, а как с малолетства имею склонность к лошадям, да и работал в Москве на ипподроме еще с царских времен, то по прибытии в сибирский город напрямик на ипподром³. А куда еще лошадиному податься?

Колчак лютует по всей Сибири, а потому здесь сформировалось два фронта сопротивления ему: одни — убежденные коммунисты, а другие против Колчака, которые из-за его зверств и грабежа пострадали. Они так и говорили, мол, мы за коммунизм без большевиков. Вот я и озабочился, как их перемешать так, чтобы у всех мозги на место встали. А тут незадача: Колчак Омск сдал без боя! И из Омска сюда, в Новониколаевск, прилетают на аэропланах белые авиаторы во главе с полковником Сергеем Аркадьевичем Бойно-Родзевичем. Ипподром — ровное место. Приземлилось пятьдесят восемь аэропланов и около ста пятидесяти авиаторов вместе со штабистами. Говорят, не все долетели, сломались. Что делать, думаю... Диверсию учинить? А технику жаль, у Красной

² Скуфья — остроконечная черная или фиолетовая бархатная шапка у православного духовенства, монахов.

³ Старый ипподром находился на территории Татарской слободы, между современными улицами Гоголя, Ольги Жилиной, Некрасова и Ипподромской. Использовался не только для проведения скачек, но и для демонстрации полетов авиаторов.

армии аэропланов раз-два и обчелся, а они за шестьдесят верст летать могут без остановки и четыре пуда боеприпасов везти. Ценность имеют огромную. И влез я в доверие к полковнику, их благородию. А как влез-то? Они прилететь-то прилетели, а ипподром на окраине, два дома рядом, и те битком набиты обслугой, а на улице зима! Вот я организовал через комячейку на станции Новониколаевск пять буржуек, два воза дров и два диковинного угля. Его-то начали добывать в Судженске всего пятнадцать лет назад. Заняли одну конюшню, почистили, тепла нагнали, разместились обслуга и механики, а прочие офицеры, постарше, в Новониколаевск съехали.

На мою радость, Колчак еще в июне снял Сергея Аркадьевича с должности и перевел в резерв, но авторитет полковника среди подчиненных был совершенный. И начал я потихоньку с бывшим начальником Воздушного флота армии Колчака разговоры, что Колчак проиграл, что Красная армия скоро здесь будет, а когда во Владивосток упретесь, куда полетите? А новой власти и самолеты, и авиаторы нужны, потому как советская власть есть власть народа. И авиация нужна. А как без авиаторов авиацию развивать? Вот, говорю, и подумайте. Так самолеты никуда не улетели, так на ипподроме и остались, и авиаторов около сотни красным сдались, остальные на восток побежали, в Манчжурию в основном. А после сдачи полковник просил помочь уехать в Польшу. Так и случилось.

А сюда я попал случайно. Когда полковник построил авиаторов и предложил остаться с большевиками и служить России, один офицер выстрелил, да в меня угодил. Вот я теперь здесь, но скоро поеду в Москву, аэропланы уже там. Кончилась моя конная служба, я теперь помогать буду аэропланы строить.

После рассказа Парфенова потер Шелковников лоб и говорит:

— Вот же судьба! В тебя стреляли, чтобы ты в землю лег, а ты в небо полетел.

И смеялись все раненые так неумно, что нянечка без стеснения в уборную, где они курили, заскочила да так цыкнула на них, что смеху еще больше стало.

Переправа

(Январь 1920 года)

Отправились в путь — чуть светать начало. Снарядили сани, груженные провиантом и инструментами, запасную лошадь привязали к саням на длинный повод. Дядя Игнат места знал отменно. Спустились на лед Ини.

— Вот здесь островок, лед прочный до него, а там посередине реки проедем немного, там мелко. Потом на той стороне появится берег пологий, там и пойдём через стремнину. Однако на стремнине лед тоньше, подальше друг от друга держитесь.

Переправлялись пешком. Игнат приказал близко друг к другу не подходить, а сам правил лошадкой, запряженной в сани. Лед был крепкий,

даже не прогибался под ногой. Местами под снегом, а местами чистый и прозрачный, но дна не было видно, чернота. На стремнине лед затрещал под санями, и Игнат приказал Алексею с Ксенией остаться на острове, а когда переправился и поднялся на берег, распорядился спуститься по течению и переходить, минуя след саней. Впрочем, было странно видеть связанных между собой длинной веревкой Алексея и Ксению. Когда Игнат привязывал их друг к другу, так и сказал:

— Теперь или жить вместе, или помереть.

— Пугаете только, — засмеялась Ксения.

— Шутит, — согласился Алексей, обнял жену и поцеловал.

— Ну, будет тут телячьи нежности распускать! Скоро надоедите друг другу. На заимке особых развлечений нет. Только топи и жрать готовь, ну и... — задумался, но все ж сказал, — и о потомстве думай.

— А сколько верст до заимки? — спросил Алексей, когда уже пошли полем.

— Семьдесят, пожалуй, будет, — предположил Игнат. — Ксюха, а ну, седай в сани, нечего ноги зазря бить.

— Мы за день не одолеем, — заметил Алексей.

— Конечно, нет. К заимке верст пять, и всё в гору. Заимка-то на горе. Есть у меня по пути на примете избушка охотничья, за Курундусом. Теперь время Рождества, значит, все дома, вот мы и переночуем в ней. Мороз бы не ударил, чтобы лошадок не попортить. Но опять-таки, если что, мы их в домик заведем, как-нибудь поместимся, только бы дверь не помешала. Не помню я про дверь, какая она — низкая или для людей.

Потом шли молча. Ксения лежала в санях, укутанная в дядькин тулуп, а Игнат шел рядом и правил лошадкой, за ним следом шагал Алексей.

— А теперь нам на дорогу выезжать, а на дороге все может быть: и красные, и белые, и разбойники. Обижаются люди, грабежи кругом. А потому вы вроде как тифозные, а я вроде вас везу к Анисье, матери своей, в Коурак, от тифа лечить. Там, в санях, деготь припасен, намажьтесь, чтобы от вас, как от пса смердячего, воняло. Опять-таки, Алексей, ружьишко под рукой держи, но до срока не доставай. Попробуем доехать миром. Ну а если воевать придется, то уж будем воевать.

— Здорово! А вы, дядя Игнат, продуманный. Такие на войне на вес золота.

До избушки добрались, никого по дороге не встретили, но все же, сворачивая в лес, дядя Игнат приказал березку срубить и к саням привязать, чтобы волочилась и след заметала.

Наутро запрягли в сани вторую лошадку, для того и вели, чтобы сберегла силы. Мороз усилился, и в том Игнат видел благо, потому что скоро пересекать большой тракт. А в Рождество да в мороз пройти незамеченными легче.

Легче, но не удалось! Уже на подъезде к тракту — видно его было — вдруг появился отряд конных, человек пятнадцать, красные, потому как один конник скакал с красным вымпелом на высоком древеке.

— В тулуп кутайтесь, — приказал Игнат. — Красные, поди, по тракту уйдут.

Но нет, отряд свернул ровно на Курундус и мчался навстречу Игнату. А тот вправо взял, чтобы отряду дорогу освободить, лошадку остановил, сам с саней соскочил и начал неистово креститься на приближающийся отряд, а потом упал на колени и замер, уткнувшись лбом в снег: мол, сделайте со мной что хотите, ни в чем я не виноват. Конники промчались мимо. Видно, отряд спешил по каким-то важным делам.

— Всё, ушли, — сказал красный от волнения и мороза Игнат. — Бог миловал!

Молодые сели в сани. И тут Алексей начал смеяться.

— Дядя Игнат, ну ты удивил! Как ты крестился и на колени рухнул, это же надо так раболепно и неистово! Ну артист!

— Да я, если честно сказать, думал, что все, не уберег племяшку. По тебе и твоей роже, даже заросшей волосьем, видно, что ты беляк. На лбу написано большими буквами: «Я — белый офицер». А их пятнадцать бойцов!

— Не веришь ты в Бога, дядя Игнат! — возразил Алексей.

— Это почему же? Вчерась попа вам привозил. Сам исповедался, ручку целовал! Как же это не верю?!

— Поп тебе грехи отпустил?

— Ну, допустим.

— Причастил Святых Христовых Тайн?

— Ну, так и что?

— А это прямая дорога в Царствие Небесное тебе открыта? Так или нет? А? Ксюша! Или я неправильно понимаю?

— Да ну тебя, тебе все только смеяться, — прильнула к мужу Ксения.

— Вот я и говорю, если бы в Бога верили, то после исповеди смерти не боялись бы. А мы не верим, у нас все на всякий случай, и Бог, и молитва, и исповедь.

Дядя Игнат только махнул на Алексея и, ничего не сказав, тронул вожжи.

— Но-о! Родимая! Поехали! — Сам сел в сани, чему-то улыбался и сильно был собою доволен.

Проехали чуток по тракту с новой березиной вместо хвоста, съехали в поле и заспешили к наметившимся на горизонте горам.

Заимка

(Январь 1920 года)

Заимку дяди Ивана нашли не сразу. С подветренной стороны снегу намело по горло. Это в полях его мало, а в горах нанесло будь здоров, по самое не хочу. Пробивались хитрыми путями, и опять опыт и знания дяди Игната выручили. А когда добрались, Алексей прямо сказал:

— Дядя Игнат, если бы не ты, никогда бы не сыскать нам этого места.

— Иван, царствие ему небесное, хитрым был, умным, умел тень на плетень навести. А летом тут и сам черт дорогу не найдет, — ответил дядя Игнат, потом подумал и добавил: — От людей уйти легко, но без людей выжить будет трудно. Я живу на своем хуторе, а от людей

не отрываюсь, хотя завтра все может быть: жизнь заставит — сожрать могут. Жизнь, она такая, сожрут и не поперхнутся. И все-таки без людей страшно жить.

Заимка в удивительном месте, вроде в провале склона, но вся округа на виду. С одной стороны бок у горы лысый, нет деревьев, ни береза не растет, ни сосна, ни пихта, и тут же заросли такой плотности, будто кто деревья напугал и с поляны разогнал, и те столпились по сторонам и на злодея смотрят. Домик маленький, спиной к склону, окно деревянное, слюдяное, в четыре глаза, но со ставенькой от ветра и нечистой силы. Когда вошли внутрь, Алексей сказал, показывая на сияющее от солнца окно:

— Смотри, Ксюша, такие только во дворцах бывают!

А выход сбоку, под хозяйственный навес. Под навесом дрова, ларь пустой невесть для чего, сеном угол забит, колода для дров, в ней топор, ржой прихваченный, под крышей пила двуручная с крупными и острыми зубьями, в ящике гвозди граненые, длинные, кованые, — всё на виду и грабежом не тронуто. И гнездо осиное, огромное, как ведро, под потолком висит.

— Убери, а то летом сожрут, — распорядился дядя Игнат.

Пока Алексей разорял гнездо, а потом знакомился с угожьями, дядя Игнат печь затопил. Печь без дверки, огонь виден, — красиво.

— А дверка где? — спросил Алексей.

— А без надобности. Видишь, топка глубокая. Это чтобы бревнышки не пилить и не колоть, просовывай только, как прогорят. Это в Сибири принято. А ну, попили-ка чурками — руки отсохнут.

Ксения ходила кругом, смотрела посуду, постель из шкур в углу, печь и полки. Стол с неровной поверхностью, на котором даже чашка и та стояла криво. Лампа керосиновая, полная керосина, и гасильник для лучины. А по полу рассыпана сушеная полынь и пижма — первое средство от мышей.

— С милым и в шалаше рай! — подбодрил ее дядя Игнат. — Поживете год, все уляжется, красных погонят, и вернетесь к людям с приплодом.

Разгрузили муку, пшено, другие припасы в лабаз. Дядя Игнат проверил наличие ложек, чугунков, ножей и прочей кухонной прихоти, что-то от себя добавил, но без излишеств и баловства.

— Ну, первую зиму вам одиноко-то не будет, а потом, Бог даст, и распогодится. Живите, любите, печь топите, да помните, что среди зверей живете. В сортир без ружья ходить опасно, сожрет еще кто. Медведя здесь нет, спит, а следы рыси видел. Однако и косули много, зайца и лисы просто прорва. Волка видел только у подножия. Короче, жратвы вам тут хватит.

— А вода? Здесь же нет воды. Снег топить? — удивилась Ксения.

— А вот про воду я вам и забыл сказать. Айда со мной!

Они вышли из дома, дядя Игнат зашел за поленницу дров под навесом и позвал:

— Алексей, огоньку захвати!

За поленницей обнаружился вход в скалу. Дядя Игнат запалил на стене факел, и тот осветил грот, похожий на чум, только по земле

текла вода. Она вытекала из стены, попадала в углубление наподобие корыта и другим ходом исчезала под стеной.

— А вот вам и вода, и зимой, и летом. И для себя, и для лошадок, если они нужны будут. Но лошадки вам здесь пока не нужны, они все зверье вам соберут, всю дичь к дому приманят. Потому и Иван от лошади отказался, когда вторую загрызли. Для охраны, Алексей, лучше тебе рысь приручить, даже парочку: одну для себя, а другую для Ксюши. И живите спокойно. С марта по май окотится рысь, подкормит котят, убей матку и заberi приплод. Очень хорошие охранники вырастут.

— Опять убить кого-то надо, — удивилась Ксения.

— Ты людей убивать не можешь, Богом запрещено, а живность всякую для жизни и пропитания в меру бери. Она для того и создана, чтобы человек выжить мог. Тут все справедливо.

Дядя Игнат прожил на заимке три дня, очень важных, без которых молодой чете было бы трудно освоиться. Утром намеченного дня отъезда все вышли из дома. После оттепели ночью ударил мороз, и кругом теперь царила красота белого леса, покрытого толстым слоем инея. Алексей запряг одну лошадку в пустые розвальни, вторую привязал к санному разводу. Игнат уселся в сани, слегка щелкнул языком, и послушная лошадка повезла его прочь.

— Отсажу огород и приеду, — пообещал он.

Алексей с Ксенией шли следом, потом долго стояли на склоне, пока он не исчез в густом лесу. А кругом сказка, у каждого дерева своя пышная белая шуба. Красиво, но в душе появилась какая-то пустота и тревога.

Они вернулись в дом. Печь трубно гудела, Алексей прикрыл заслонку, протолкнул полено поглубже в топку.

— Вот и сбежали мы и от белых, и от красных!

— Да, и от мамы, и от папы, — согласилась Ксения. — Хорошо только, что дядя Игнат сообщит им обо мне, богатый подарок вручит, и старики мои успокоятся.

— Так и будет, любимая. Здесь мы в счастье и спокойствии проживем. — Алексей повернул к себе жену и поцеловал.

Зайчики

(7 января 1920 года)

Игнат прежде поехал напрямки, потому как много петляли, когда искали заимку Ивана, а выбравшись на равнину, встал в свой же след, и дорога пошла веселей.

Дум у Игната было много: и про белых-красных, как бы минуло лихо встретиться что с теми, что с иными; и про Ольгу, все ж таки на неделю, считай, оставил одну на хозяйстве, а тут разбойников развелось... Одно утешало: хутор его вдалеке от глаз людских и нет к нему нынче следа, глядишь, и обойдется. Но не заехать к матери Игнат не мог, не по-людски это, не по-сыновьи — быть рядом и не попроведать мать родную. Тем более матушка его Анисья была охоча до разговоров.

К полудню добрался до Коурака, и напрямки по родным улицам к матушке. А матушка его увидела — и в слезы:

— Жду тебя, сыночек, ой как жду! Давеча Гришка Заяц был, тебя спрашивал. Где, говорит, твой сын? Я ему отвечаю, что на Ине он живет, че здесь-то рыщешь? А он отвечает, что нет тебя на хуторе, мол, значит, здесь, у матки. Ищи, говорю, может, найдешь. Потом только и ушел, окаянный.

— Плохо. У меня, говоришь, был? Поди, Ольгу не обидел. — Игнат разделся, присел к столу. — Покорми, мать, да поеду, чует сердце беду. Ты прости, что не погостил даже. Вот успокоится народ маленько, власть образуется, и порядок придет. Тогда и приедем, может с братцем даже.

— А кака власть-то будет, Игнаша?

— А нам без разницы, мама. Главное, чтобы порядок навели да разбою на дорогах не было.

— Банду эту «зайчиками» среди людей кличут. И белые ловили, и красные по ним стреляли, да все впустую.

— Зайчики, говоришь, — повторил Игнат и начал хлебать щи.

И часа не гостил Игнат, перепряг лошадку и погнал домой. На свертке в сторону Курундуса увидел нескольких всадников: никуда не едут, будто его ждут. А куда деваться, едет Игнат напрямком на них. Подъехал, бородатые мужики спешились.

— Постой, Игнат, не спеши, разговор есть, — сказал один.

И узнал в нем Игнат Гришку Зайца.

— Кто ж сообщил, что здесь я, коль меня ждешь? — удивился Игнат.

— Сорока на хвосте принесла, — в тон ответил Гришка.

— Чего надобно? — пряча в бороде страх, спросил Игнат.

— Глазищи у тебя прямо жгут, но не обжигают. Проси пощады, Игнат, ползай на коленях, как я ползал у тебя, прося о помощи. А не то убью тебя без твоего покаяния.

— Я тебя от бабы худой спас, а ты меня еще и грозишь?

— Худыми бабы становятся от случая. Помог бы мне тогда, и жил бы я сейчас счастливо, хлеб растил и детишек.

— Худая баба бывает от рождения. Родилась потаскухой — так и будет блудить!

— Твоя, что, тоже потаскухой родилась?

— Ты огороды не путай: твоя — и моя.

— Тут заглянул к тебе на хутор, так она никому не отказала, со всеми ласкова была.

— Врешь, сучонок! Врешь же!

— Я тебе и говорю: баба блудней по случаю бывает.

Сдержал гнев Игнат, нащупал рукой ружье под ногой, предусмотрел, и вот пришел тот неведомый всякий случай.

— Смотри, красные скочут! — вдруг мотнул головой в сторону Игнат.

Те, как по команде, головы и повернули, а Игнату то и нужно было. Схватил он ружьишко свое и разок успел пальнуть. Прилетел и ответ от всех «зайчат» разом, но только лежал уже Гришка на спине с разорванной грудью, потому что в упор Игнат стрелял, не промахнешься, да и не дробь на рябчика была в ружье, а пуля на медведя.

Так и нашли потом люди двух покойников рядом. С тех пор банда исчезла, будто и не было. Хоронила мать второго сына уже без слез, не было, не текли по щекам слезы, должно быть от горя, что не на войне сгинули мужики, а от злобы и жадности.

Зимняя радуга

(7 января 1920 года)

К полудню, как уехал с Ивановой заимки Игнат, солнце совсем разыгралось. Вроде и мороз, а тепло.

— Пойдем во двор, посидим, пока мороз под сорок не завернул, — предложил Алексей, любясь красотой слюдяного окна.

— Пойдем, — ответила отчего-то грустная Ксения.

Они вышли из дому. Алексей выкатил из-под навеса высокую колоду, уронил ее набок.

— Трон наш царский! Присаживайся, принцесса моя! А я у ног твоих.

Они уселись на короткий обрубок рядом и обнялись.

— Что это?! — воскликнула Ксения.

— Где?

— На той горе, видишь? Огонь золотой, будто подмигивает. Страшно-то как!

— Вижу. Но отчего тебе страшно?

— Он мигает, будто смотрит на нас!

— Дуреха! Придумала тоже! Ну кто бы на нас смотрел? Да еще с горы, до которой невесть сколько идти. Это какие глаза нужно иметь, чтобы нас видеть? Вот такущие, с колесо? — показал Алексей, вытаращив на нее глаза.

— Не пугай меня!

— И не костер это. Это золото! Вот что там такое! Понимаешь ли, это золото! Точно! Слиток! Вот ей-богу! Чует мое сердце, разбогатеет мы здесь! Алексей встал. Прислонил ладонь ко лбу, сосредоточил взгляд.

— Точно не огонь, дыма нет. Это золото. Ксюша, это значит, мы богаты!

— Это же какой кусок золота должен быть, чтобы так мигать? Это дьявол! Сам сатана! Алеша, пойдем в дом! Я боюсь.

— Ксюша, мы теперь живем в тайге, много чего не знаем. Весной схожу на ту гору, принесу тебе тот слиток, и будешь смеяться над страхом своим. А теперь посмотри, есть там огонь?

— Нет, теперь нет!

— Вот и ответ. Мы просто чего-то не знаем.

Ксения смотрела вдаль, на склон противоположной горы, но золотого огня больше не было, никто не мигал.

— А ты не думала, что это Вифлеемская звезда оповещает нас о празднике?!

— Почему ты так решил?

— Потому что сегодня Рождество! А я и думаю, отчего сегодня радуга светит.

— Радуга? — удивилась Ксения.

— Глянь туда, в долину. Видишь радугу? Вот я все вижу: и огонь твой сатанинский, и радугу. А ты ничего не видишь!

— Где? Почему я не вижу, а ты видишь? Ты, наверное, обманываешь меня, смеешься?

— Любимая, увидь ее, это к удаче. Кто увидел зимнюю радугу, тому счастье придет.

— Не вижу, вот ей-богу, не вижу!

— Смотри, — Алексей поднял руку, — вокруг солнца цветной круг: желтый, синий, красный. А по бокам еще пятна такие же, как солнце. Ты видишь? Сразу пять солнц! Одно большое посередине, а четыре по сторонам.

— Вижу, Лешенька! Вижу! Это сам Бог пришел к нам в гости! — закричала Ксения.

— Как хорошо ты сказала: сам Бог пришел к нам в гости. Так и есть, сегодня Рождество! Это не звезда — это сам Бог пришел, весь в сиянии, как небесный цветок!

— Какое счастье, Лешенька, быть с тобой и видеть Бога! Это нам на удачу, это ты правильно сказал.

— Цветок небесный! Ты этого чуда не боишься?

— Нет, этого не боюсь, а того, что мигает, боюсь.

— Радуга зимой! Здорово!

— Да, Алеша, а тот кусок золота, что мигает, ты потом все же принеси, пожалуйста, чтобы я не боялась.

— Обязательно! Обещаю, какой бы величины он ни был!

Они вновь уселись на обрубок бревна, обнялись и просто смотрели на чудо-радугу.

— Как же мы теперь жить будем? — вздохнула Ксения.

— Счастливо будем жить.

— А как без людей жить счастливо?

— А много ль ты среди людей увидела счастливых? Они же как волки: сильный отбирает у слабого, подлый — у честного, наглый — у робкого, умный — у глупого, богатый — у бедного. И этих людей ты называешь счастливыми?

— Как-то без людей непривычно! Но ты есть у меня, и мне больше никто не нужен!

— И ты у меня есть, и мне никто не нужен. Я хочу жить мирно без людей, а с людьми такого не будет. У людей всегда война.

Радуга остывала, постепенно растворились краски, осталось лишь свечение на небосклоне.

— Что же это такое? Алеша, что за день, посмотри, как теперь светится, будто серебро рассыпали!

— Вчера было тепло, а утром ударил мороз, вот и заледенел пар миллионами искринок. Однажды я уже видел зимнюю радугу, но это было еще в детстве. Посмотри теперь, все, ничего нет. А почему? Потому что солнышко изменилось, оно за горой теперь.

— А как наша гора называется? — спросила Ксения.

— Не знаю, может, и никак. Здесь гор много, не у каждой имя есть.
 — Жаль. — Она опять положила голову ему на плечо.
 — Почему жаль?
 — У прочих, может, и нет имени, а у нашей должно быть!
 — Так у нашей уже есть!
 — Ты же только что говорил, что нет.
 — У нашей горы название есть — Счастливая!
 — Почему Счастливая?
 — Потому что ты живешь на этой горе! — Алексей еще крепче обнял Ксению и вдруг запел хрипловато, но уверенно, правда, он запомнил только припев:

Верила, верила, верю,
 Верила, верила я.
 Но никогда не поверю,
 Что ты разлюбишь меня.

Ксения удивленно посмотрела на поющего Алексея и подхватила тоненьким, слабым, но очень приятным голосом:

Белая роза свиданья,
 Алая роза любви,
 Желтая роза разлуки —
 Я умираю с тоски.

Иванов тайник

(Март 1920 года)

В грот Алексей заходил часто, и не только чтобы набрать воды в ведра. Что-то в этом убежище было таинственное. Во-первых, незамерзающая вода: откуда вытекала, куда уходила — ответа нет. Свод ровный, будто плита, но весь в сталактитах — маленьких каменных наростах. И все сталактиты были целыми. Это значит, что здесь не бывало людей, кроме дяди Ивана. Если бы сюда приходили люди, то среди них обязательно нашелся бы тот, кто отломил бы хоть одну каменную сосульку. Зачем? Да просто так, люди все ломают просто так.

С трех сторон стены неровные, но монолитные — одна скала, и только с четвертой будто осыпь из огромных валунов. Будто из пещеры вытекла не вода, а камни. Вот эта россыпь и манила Алексея. Что было за этими камнями внутри пещеры? И главное, почему грот не наполняется дымом от факела? Значит, есть выход для дыма!

В общем, жизнь на горе преподносила новые загадки.

Дядя Игнат был не прав, говоря, что зимой на заимке работы мало. Утро Алексей посвящал заготовке дров, которые просто улетали в открытую пасть печи, потому что дом плохо держал тепло. Уютно было, пока топилась печь. Ксения готовила еду, штопала свою исхудавшую одежду и пыталась рукодельничать. Кушанья не отличались разнообразием. Спасибо дяде Игнату, что дал немного сушеных грибов, иван-чай

и бруснику с медом. В то же время мяса было много. Косули, зайцы сами лезли в чугунок. Даже на охоту ходить не надо, достаточно выйти из домика и пальнуть в проходящую мимо козулю.

Кроме того, у Алексея появилось еще занятие — Ксения научила его кожевенному ремеслу. Ее отец слыл отменным кожемякой, прекрасно выделывал шкуры и шил обувь, вот Ксения и усвоила его уроки, а теперь стала строгим учителем для Алексея. И Алексей учился не только обрабатывать шкуры, но и шить. А шить кожу — это дело исключительно мужское.

Сверх прочих забот Алексей занялся разбором каменного завала. Долго разбирать не пришлось. Месяц работы окупился с лихвой: Алексей нашел тайник — кожаный мешок с золотым песком и мелкими самородками. Один крупный, почти два с половиной фунта⁴. Такая находка обескуражила Алексея. Он положил мешок на место, заложил, как было, камнями и разбор завала прекратил. Ксении ничего не сказал.

Ксения же не на шутку затосковала по дому. Она начала часто вспоминать подружек, детские случаи, а иногда тихонько плакала. Алексей видел эти перемены, но молчал, знал, что слюбится — стерпится и с такою жизнью. Человек может выдержать все.

Он серьезно задумался о тайном смысле жизни. Он во всем теперь искал тайный смысл. Вот, например, что значило вдруг свалившееся на голову богатство в двадцать пять фунтов рассыпного золота? Почему оно появилось, когда им воспользоваться нельзя? Превратности судьбы или кто-то издевается над ними? Что это? Ведь богатство имеет смысл, если живешь среди людей. Здесь, на горе, золото теряет свое значение. Оно становится таким же бесполезным, как зола в печи. В подобных размышлениях он бродил пару дней, потом отрезал от дерева приглянувшуюся веточку, поставил в доме в воду и, когда веточка ожила, сделал из нее дудочку.

Новоиспеченный миллионер играть на дудочке не умел, но намерения имел самые серьезные. И скоро окрестность ожила нескладной, но тоскливой мелодией. Такого местный лес не слышал никогда, потому что этот дудочный вой не походил ни на гул ветра, ни на призывы сохатого, ни на шипение и мяуканье рыси, ни на рев медведя, ни на шум дождя. Это, как сказала Ксения, было похоже на то, как будто «жилы из меня тянешь». Но около заимки следов зверей стало меньше, а зайцы вовсе разбежались.

Заготконтора

(1920—1922 годы)

В апреле, когда побежали ручьи и вся округа защebetала, зашевелилась, зашуршала, завозилась и ожила, Алексей выследил беременную самку рыси, которая приготовилась рожать. Как и советовал дядя Игнат, он пристрелил мать, когда котятка начали употреблять сырое мясо. Он принес их домой, молока не было, а потому кормили только мясом

⁴ Фунт — старорусская мера веса, равен 409,5 грамма.

зайцев и косули. Рысята росли быстро, очень скоро привыкли к людям и сами определились: один котенок предпочитал общество Ксении, и она назвала его Рос, а второй — Алексея, и тот в поддержку жене назвал своего Рус. Уже в июне Алексей начал брать с собой на золотодобычу своего питомца, а второй оставался охранять Ксению.

Прошло два года, когда, не дождавшись возвращения Игната, Алексей наведлся в базарный день в Коурак. Он узнал и про продналог, и об окончании Гражданской войны, и про зверства колчаковцев и белочехов. В центре села были похоронены сорок два борца за советскую власть, в том числе четыре красноармейца. Ненависть народа к колчаковцам во всей Коуракской волости была неистребимой и, видимо, вечной. А потому особенно появляться на люди Алексей опасался. Однако муку, крупы и соль, патроны, порох, капканы и прочие многие надобности предстояло добывать самому.

На том же базаре Алексей выяснил, что существует заготконтора уездного продовольственного комитета, которая занимается заготовкой картофеля, мяса, яиц, овощей, пшеницы, а также рассчитывается за сданную пушнину не только рублями, но и товарами: например, ту же пушнину меняет на патроны, порох и прочие охотничьи принадлежности.

Алексей набрался решимости и зашел в контору заготовителей. За столом сидел пухлый мужчина с недовольным, похмельным лицом.

— У нас реорганизация, — только завидев Алексея, сообщил он. — Приходите через месяц.

— А может, удастся как-то решить этот вопрос? Мне очень продукты и патроны нужны.

— Вы меня, товарищ, не путайте, мне работать надо, — заявил пухленький сотрудник заготконторы и утер рукавом пот с лица. — А лучше вам от меня уйти, пока я милицию не вызвал.

И тогда Алексей положил перед ним маленький самородок золота. Пухленький глянул на металл и продолжил писать. Потом остановился, взял золото в руку, повертел, потер, рассматривая его на свет, и вдруг сказал, ни к кому не обращаясь:

— Вот это заглотишь! — открыл стол, бросил туда самородок и вынул бланк. — Как фамилия?

— Левашов Алексей Павлович! — обрадовался Алексей и назвал свою настоящую фамилией.

— Работаете?

— Охотник, пушной промысел.

— И золотишко моешь?

— Балуюсь.

— Я тебе билет выписал, по нему пушнину сдавать будешь на складе. Склад за углом. На крестьянина ты не похож, рожа не та, но мне плевать. Санку свою офицерскую поправь, а то стоишь по стойке смирно. Шапку надень, да поглубже на лоб натяни, тогда, может, еще поживешь. Иди. За совет потом считаешься.

Шапки у Алексея не было. Значит, надо сшить, решил он, если даже мелкий торгаш его видит.

Алексей тут же заглянул на склад. Там сидел ровно такой же пухленький мужчина, который ровно так же, на опережение, предупредил:

— Принимаем только по билетам!

— Хорошо, — ответил Алексей и скоро покинул склад, потому как сдавать сегодня было нечего, выделанные шкурки остались дома.

«Выход найден! — ликовал новоиспеченный член кооператива. — Власть новая, а лихоимцы старые!» — и это обстоятельство его очень устраивало. Пока есть воры — легче жить!

Но сегодня Алексей получил недвусмысленное предупреждение, что на люди ему лишний раз лучше не появляться — рожа не та.

Ученье — свет

(Июнь 1922 года)

Ксения совершенно обносилась. Шутка ли, столько времени носить одну и ту же юбку и кофточку. Одежда напоминала уже лохмотья. Да и шубейка потерялась, но взамен ей Алексей сшил нечто похожее на полушубок. Хорошо, тетя Оля отдала Ксении свои новые пимики, беленькие, с незатейливой, но красивой вышивкой на голенище, сапожки кожаные без каблука, но с пряжкой, и ботиночки для лета. Просто счастье, что размер подошел. Однако башмачки Ксения уже износила. Лапти терли ногу. И если супруг смог решить вопрос с заготовкой муки и прочего нужного, то с одеждой вопрос оставался открытым.

Тогда Алексей решился идти в Коурак и выменять на несколько шкурок лисы, белки и рыси необходимую одежду. Однако поменять ничего не удалось, зато удалось добыть набор сапожного и плотницкого инструмента и еще нечто, о чем Алексей говорить Ксении пока не хотел. Обретенные инструменты не произвели на Ксению никакого впечатления. Она требовала одежду и обувь — и для дома, и для улицы.

Алексей сел шить для Ксении ботиночки. Прежде дня два он выстрагивал колодки по размеру, взял заготовки кедровые, потому что древесина у кедра мягкая и легко строгаются. Начался процесс с подошвы из шкуры медведя. Когда обрезал подошву по краю колодки, ему уже понравилось, что было сделано собственными руками. Если медвежью шкуру Алексей выделывал впервые, и она действительно получилась для подошвы или, вернее, не получилась годной больше ни на что, то козья шкура была мягкой и красивой. Шил новоиспеченный сапожник один башмачок несколько дней. Примерили, Ксения одобрила. Второй получился лучше, без морщин. Однако руки Алексей исколол шилом и иглой изрядно.

А безрукавка, тулуп, кожаная юбка, песцовая шуба, меховая обувка и тапочки у Алексея получились отменные. Он даже подтесанную столешницу обеденного стола обтянул шкурой косули. Постепенно утеплил потолок, натаскав мох на чердак, а стены обвешал шкурами медведей, волков и одного сохатого. У постели, под ногами, тоже появилась шкура медведя. Медведей Алексей уничтожал беспощадно и скоро уже не видел их следов вокруг своей заимки. Причина была: он знал и боялся этого

зверя — слишком огромен, силен, быстр и ловок был сибирский медведь. От прочих хищников защищали красивые темно-рыжие Рос и Рус. Они вели себя как обычные кошки, приходили, когда хотели, и уходили, бывало, на целую неделю. Иногда Ксения кормила их остатками разделанного мяса, но медвежатину рыси почему-то так же, как и люди, не ели.

Однако наступил день, когда Алексей решил обнаружить свои главные подарки. После обильного ужина он очистил место на столе и положил на него грифельную доску и несколько мелков в коробочке.

— Что это? — удивилась Ксения, разглядывая доску.

— А догадайся, — засмеялся довольный Алексей.

— Пачкается. — Ксения положила обратно в коробочку мелок.

— Пачкается! Это ученическая доска! Я буду учить тебя читать и писать!

— Меня? А зачем?

— Как зачем? Человек должен быть грамотным. Вот смотри, в Сибири идет борьба с безграмотностью. Называется эта борьба «ликбез» — ликвидация безграмотности.

— Лучше бы книжку какую купил и мне почитал.

— А я и купил! Сборник стихов Пушкина! Вот послушай, я это стихотворение еще в детстве читал, когда влюбился в придворную графиню Дору Лейхтенберг.

— Сейчас по шее схлопочешь!

— Не сердись, мне было пятнадцать, а ей двадцать шесть. И не дерись, лучше послушай Пушкина:

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился, —
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился.

Перстами легкими как сон
Моих зениц коснулся он.
Отверзлись вещице зеницы,
Как у испуганной орлицы.

Моих ушей коснулся он, —
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет...

Ксения слушала внимательно, поставив локти на стол и подперев кулачками подбородок. Алексей читал, практически не заглядывая в книгу, он знал стихотворение наизусть, и это обстоятельство удивляло Ксению более, чем само произведение, которое она слушала.

— Ну, как? — спросил вдохновленный Алексей.

— Хорошо. Только зачем он мужику язык вырвал? Мужика жалко. А это что за книжка? — Ксения показала на вторую книгу, которую привез Алексей.

— Эта книжка — самая главная книжка, которую я купил тебе. Называется она «Приключения Крокодила Крокодиловича», и написал ее некто Корней Чуковский. Вот послушай, мне она самому понравилась:

Жил да был
Крокодил.
Он по улицам ходил,
Папиросы курил,
По-турецки говорил, —
Крокодил, Крокодил Крокодилович!

А за ним-то народ
И поет и орет:
— Вот урод так урод!
Что за нос, что за рот!
И откуда такое чудовище?

Гимназисты за ним,
Трубочисты за ним,
И толкают его,
Обижают его;
И какой-то малыш
Показал ему шиш,
И какой-то барбос
Укусил его в нос, —
Нехороший барбос, невоспитанный...

Алексей прочитал еще, остановился и посмотрел на повеселевшую Ксению.

— И как тебе сие произведение?

— Алешенька, но про крокодила лучше! А что такое трамвай?

— Ну, это когда... потом расскажу. Это целая история.

— Почитай про крокодила еще.

— Понятно все с тобой. Но когда ты научишься читать и писать, я надеюсь, ты изменишь свое мнение о Пушкине, он тебе будет нравиться значительно больше.

— Может быть, — не поверила мужу Ксения. — Но пока почитай про крокодила.

— Хорошо, обязательно почитаю. — Алексей положил на стол еще несколько книг.

— И это все мне? — удивилась Ксения.

— Отнюдь, любезная Ксения, сии книги я приобрел для себя. Хочу понять время, вот и купил себе. Смотри, работы Карла Маркса, Ленина и Плеханова. И еще, — Алексей положил на стол несколько газет. — Это газета «Правда», и ей, оказывается, уже десять лет. А мы не знаем о том. А почему? А потому что не умеем читать. Вот прочитаем газету «Правда» и станем с тобой большевиками, и начнем строить коммунизм. Хотя, мне кажется, мы и так с тобой живем при коммунизме! Представляешь, Ксюша, эта чертова власть закрывает церкви, а рабочих и крестьян пытается

научить читать и писать! Они прям дураки, честное слово! Как из дубины неотесанной можно воспитать человека? Они же всю жизнь в грязи, а их сгоняют за парты в школы. Они сидят и навозом воняют!

— Так я тоже, получается? Я тоже из крестьянской семьи и тоже читать не умею. Ты-то зачем пытаешься меня учить, доску для письма купил?

— Ты, Ксюша, жена дворянина, а значит, сама дворянка!

Вот такой вечер знаний. Но все-таки стихами сыт не будешь и на ногу книжки не обуешь. А то, что шилось, было крайне спорного качества. Сделанные Алексеем башмачки натирали мозоли, и Ксении пришлось приспособиться носить их с портянками. После очередного бурного женского негодования, которое мужчины называют скандалом, Алексей решил идти и добыть для жены нормальную и одежду, и обувь.

Барышня, обождите!

(Июль 1922 года)

В Коураке славился один торговец — нэпман⁵, его магазин занимал видное место на центральной улице. Собственно, это здание и до революции принадлежало местному купцу, который торговал продуктами и готовым платьем, но сбежал вместе с колчаковцами.

Алексей зашел в магазин под вечер, осмотрелся и умело спрятался за колонну, на которой висели женские платья и шубы. Прежде ушла продавщица из соседнего продуктового зала, потом засобиралась галантерейщица. Она попрощалась с хозяином, тот закрыл за нею дверь на засов, а сам уселся в подсобной комнате считать барыши и заполнять какие-то бумаги. Его было хорошо слышно, он сопел, кашлял, причмокивал губами и шелестел бумагой.

Магазин состоял из двух просторных комнат, в каждой по два огромных окна, но в мелкую клетку массивных рам. Алексей не терял времени, он сначала прокрался в зал продуктов, изрядно перекусил, запил соленую рыбу кислым пивом, слегка охмелел, а потом уже занялся делом. Прежде нашел вместительный мешок и начал собирать в него понравившуюся женскую одежду и обувь. Старался выбирать все для лета: и платьица, и туфли. Скоро мешок был полон одеждой всякого цвета и фасона, с тем умыслом, чтобы Ксения смогла выбрать себе по вкусу, а прочее перешить. Однако вот эта мысль, что можно перешить и из большего сделать меньшее, привела его к тому, чтобы более просторные платья надеть на себя.

Когда на улице уже стемнело, Алексей, изрядно вспотевший в бесчисленных нарядах, неожиданно вошел в комнату, где корпел над бумагами хозяин, накинул ему на голову плотную юбку, чтобы тот не увидел его, пригрозил недвусмысленно, а после скрутил руки и ноги. Деньги он вытащил из открытого сейфа, аккуратно связал бечевой и сунул

⁵ *Нэпман* — частный предприниматель, торговец периода НЭП. НЭП — новая экономическая политика, проводившаяся в России в 1921—1928 годах.

в мешок с одеждой. Свое же лицо обмотал тонким шарфиком по самый нос, чтобы бороды видно не было, взвалил мешок на спину и пошел на Счастливую гору к любимой жене.

Выходил он через грузовые ворота, просто скинул засов и оказался во дворе магазина. Улицы, заросшие крапивой, коноплей и лопухами, дикими кленами и акациями, были тихи. Село засыпало рано, но все-таки случайной встречи избежать не удалось. Уже на выходе из села он не заметил, что на скамейке у ворот сидит хмельной мужик.

— Барышня, — позвал мужик, когда Алексей уже прошел мимо.

Алексей не оглянулся, даже не приостановился, а размашисто шагнул дальше. Но мужик, видимо что-то вспомнив или просто из охоты поговорить, заковылял за ним.

— Барышня, обождите!

— Чтоб ты сдох! — ругнулся Алексей.

— Ну, барышня, обождите же! Я одинокий путник! Понимаете? Я готов помочь вам нести вашу непосильную ношу! Барышня, ну куда вы так спешите? Я не успеваю за вами. Барышня, обождите! — Мужик начал нагонять Алексея. — Я сегодня выпил. Да, с устатку! Имею право! — Мужик уже поравнялся с Алексеем. — Хорошо, барышня! Три рубля! Да обождите же вы! Хорошо! Пять рублей!

— Что надо? — нарочито басом спросил Алексей, не поворачивая головы.

— Ой, мама дорогая! — охнул мужик и встал как вкопанный.

А как пришел в себя, бросился бежать прочь. Страшно стало ему, никогда он еще не слышал, чтобы женщина могла говорить мужским голосом.

Уже вдалеке от Коурака Алексей снял с себя все женское тряпье, скрутил, умело накинул на шею, мешок — на плечо и, счастливый, чуть ли не бегом зашагал домой.

Радости Ксении не было предела, когда она увидела все изобилие и ассортимент нарядов. Обувь подошла, но не вся, Алексей тут же пообещал ее поправить и подогнать по ноге. Одно платьице было столь восхитительным и так узорно подчеркнуло фигуру Ксении, что Алексей невольно заключил жену в крепкие объятия. Поняв намеки, Ксения вырвалась и приказала:

— Не сейчас, не мешай! Я так давно не носила нормальную одежду.

— Одежду?! — засмеялся Алексей. — Надо говорить «одежду», а не «одежу».

Но праздник кончился вдруг, когда Алексей, распираемый гордостью от столь удачной охоты за женским платьем, рассказал, как ловко обокрал нэпмана и как уморительно приставал к нему мужик со словами «Барышня, обождите!».

Ксения села на кровать и удивленно спросила:

— Так ты не купил, а своровал?

— Так у нэпмана. У него денег много!

Ксения в новом красивом платье вышла на улицу, села на «трон» и заплакала.

— Ну, что ты плачешь, любимая? Такие у нас обстоятельства. Денег не было, шкурки на одежду не меняют. Как мне быть? А тебе что-то носить-то надо. Я же для тебя старался.

— Я понимаю. — Она шмыгнула носом, как маленькая обиженная девочка. — Только у меня муж — вор! Ты понимаешь? Дворянин — магазинный вор! Это ужасно!

— Это обстоятельства! Понимаешь, обстоятельства непреодолимой силы!

— Но обстоятельства создают сами люди!

— Да, я дворянин, но я люблю тебя больше своего титула. Да, это преступление! Но ради ближнего своего. Это разве не оправдывает грех?

— Не знаю. Я не знаю, может ли любовь оправдать грех.

Партизан Лобанов

(Август 1923 года)

Все лето ушло на заготовку дров и на путешествия до Коурака в заготовконтору. Когда Алексей пополнил запасы пороха, капсюлей, дробы, гильзы и прочего охотничьего снаряжения, понял, что муку, крупы, подсолнечное масло и миллион прочих продуктов и вещей на себе не перетащить. А продукты, заготовленные еще с помощью дяди Игната, кончились совершенно и подчистую. Пришлось купить старенькую лошадку и легкую, изрядно потрепанную таратайку⁶ на двух колесах. Очень выручили деньги «нэпмана». На обычной телеге доехать до Счастливой горы было затруднительно, потому что долина перед горой представлялась сплошной болотиной. Возможно, это и стало главным препятствием для визитов случайных путешественников. В то же время лошадка позволила не мозолить глаза только в одном селе, и Алексей уже побывал в Маслянине и в Егорьевском.

Теперь поездки «в люди» случались только по великой нужде. Одевался он для выезда бедно, даже летом ходил в порванной, но глубокой шапке. Говорил, снабжая правильную речь сибирской словесной смесью: «пошто», «на кой ляд», «бачить», «седайте», «откель», «нехай с ним», «стопарик», «в дышло ему», «едрена корень», «матью так» и другими привычными для местных жителей словечками. Опять-таки Ксения учила говорить «по-деревенски». При ходьбе Алексей сутулился, а в старый сапог подкладывал маленький камушек, чтобы прихрамывать. Сморкался наземь, утирался рукавом, но вот привычку придерживать левой рукой саблю изжить никак не мог.

Минуло три года, а дядя Игнат так больше и не появился. И решил Алексей выяснить, где мать Игнатовна живет, да ненароком узнать про него самого. В тот вечер, как прибыл в Коурак, ночевать остался у самогонщицы.

Начал он бабку спрашивать:

— А не знаете ли вы, Пульхерия Феоктистовна, в Коураке женщину по имени Анисья, у которой три сына — Иван, Игнат и Егор?

⁶ *Таратайка* — легкая двухколесная повозка с откидным верхом.

А та и отвечает:

— Да как же не знаю, их все знают. Так померла она. Как второго сына схоронила, так и померла.

— Какого сына?

— Так первого, Ивана, схоронила давно, уже и не помню когда. А года два-три назад Игната разбойники убили. Так и ушла сердешная после похорон, померла тихо, со смирением. А тебе зачем?

— Знакомых встретил, так они просили её кланяться, когда я в Коураке буду.

— А что за знакомые? Может, я их знаю?

— Нет, не знаете. Из Болотнинской волости они, из деревни Елшанка.

— Ну, если из Болотного, то не знаю.

Раздался стук в дверь, и на пороге появился мужчина, рослый и бородатый.

— Принимай, хозяйка, на постой я к тебе, до утра. Примешь? — он горел энергией и силой.

— Так есть у меня гость уже. Если не побрезгашь с ним в одной комнате ночевать, я вторую постель приготовлю.

— А кто он есть такой? Если купец или нэпман, то побрезгаю, а если человек крестьянского происхождения или шахтер кузнецкий, так он брат мне. С трудовым человеком и выпить не грех. Это, что ль, гость у тебя заморский? — подошел незнакомец к Алексею.

— Почему же заморский? — удивился Алексей, сидевший за столом. Он почувствовал опасность от вѣдливового взгляда неожиданного гостя. — Я из Елшанки Болотнинского уезда, заехал узнать о пропавшем товарище и на ночлег попросился, да первачка пригубить. Люблю я первачок. А ты-то кто будешь, мил человек? Спрос спрашиваешь, а о себе не говоришь, — не стал сдавать позиций и робеть Алексей.

— Я-то? Василий Лобанов, разведчик партизанского отряда славно погибшего командира Вершинина из Егорьевки! Слыхал?

— Слыхал, — поднялся навстречу партизану Алексей. — Слава о вас великая!

— Так узнал про товарища пропавшего?

— Узнал. Убили его бандиты три года назад, здесь похоронен.

— Понятное дело. Ты что-то про первачок говорил? А первачок я тоже уважаю. Это дело полезное. Сгоноши-ка нам, хозяйюшка, первачка, да закусить, а потом уж и постель приготовишь. А в Гражданскую-то что делал? — не терял бдительность партизан Василий Лобанов. Потом обернулся к Пульхерии Феоктистовне: — Ты, мать, поспешай, видишь, гости ждут.

— А я что? Я уже. Будьте любезны. — Хозяйка поставила бутылку, рюмочки и хлеб.

— А это что за библиотека? — указал партизан на стопку книг на столе.

— В избе-читальне забрал. Заказывал, из города привезли работы Маркса и Ленина.

— Похвально! Похвально, когда народ коммунизмом и большевистскими делами интересуется. А я вот как-то больше не по бумажке, а по делу.

— Васенька, грибочков или огурчиков соленых? — вмешалась в разговор хозяйка.

— Да уж чего-нибудь, — махнул партизан, разливая по рюмкам. Рука у него тряслась, и он слегка суетился в нетерпеливом желании выпить.

Алексей поднял рюмку.

— Давай, за знакомство! — и позвал: — Мать, убери в комнату книги, а то как-то нехорошо при товарище Ленине самогон жрать.

Они дружно выпили.

— Как тебя зовут? — Лобанов утер бороду.

— Я, товарищ партизан, блох на печке не давил. — И Алексей неожиданно оголил плечо и грудь, на которых обозначились глубокие шрамы. — Вот это в двенадцатом году турок ударил, подло. Они все такие, подлые. А это уже немец в июне шестнадцатого под Луцком. Потом госпиталь, потом домой отправили гнить, думали, что сдохну, но я выжил, а инвалидом остался. Понял, кто я такой?!

— Так мы на одном фронте с тобой, под командованием генерала Брусилова! Наливай! — зарычал Лобанов. — Ах ты, дело-то какое! Брата встретил!

Он сам наполнил рюмки. Выпили залпом, и вдруг Лобанов содрал с себя рубаху.

— Видишь, это немец под Ковелем, а это, — он повернулся спиной, — нагайкой от Колчака!

— Так ты тоже боевой! — Алексей протянул руку. — Я Алексей Левашов. Давай, солдат, за наше солдатское счастье, что живы остались.

— Брат, — вдруг охмелел Лобанов, — ты мне брат и боевой товарищ! — И партизан ударил кулаком по столу. — У меня знаешь сила какая была! Драться мог весь день. Ох, и много я голов немецких положил. Два Георгия у меня! Понял?

— У меня Георгиев не было, но я мог одним ударом саблей голову снести напрочь! — похвастался охмелевший Алексей.

— Врешь, одним ударом нельзя! Убить можно, но снести напрочь — нельзя. Хотя был такой, слава о нем шла. Поручик один. Мог одним ударом голову отрубить, прям на скаку. Но ты не сможешь.

Пульхерия Феоктистовна любезно наполнила рюмки. Поручик Левашов и партизан Лобанов сидели друг против друга. Молча подняли рюмки и выпили. Не успели закусить, Алексей вдруг вспылит:

— Спорим, одним махом башку срублю!

— Спорим! — мотнул головой Лобанов.

— На что? — решил уточнить Алексей.

— Не знаю.

— Неважно, — согласился поручик. — Пошли.

— Куда? — удивился партизан.

— Голову рубить, — убежденно ответил Левашов.

— Кому? — засомневался партизан.

— Кому? А действительно, кому?

— А некому рубить. Все, нажрались! Давай выпьем и спать.

— Давай выпьем и спать, — согласился Алексей, но, прежде чем лечь, вышел на двор и заставил себя блевать. Он пил воду и промывал желудок. Так нужно было, чтобы не охмелеть совсем и не выдать себя.

Когда Алексей вошел в избу, Лобанов, который сидел понуро опустив голову, сказал:

— Теперь, Леша, ты мой брат. Если что, так и говори: Василь Лобанов — мой брат. Я тебя в обиду не дам. И шрам у тебя, вот этот, на груди, это... Ты понял, что ты герой?! Это же какую мы мясорубку прошли, какое крошево! — Партизан вдруг смахнул слезу. — Брата встретил. Спасибо.

Он встал перед Алексеем, и они обнялись.

Утром проснулись одновременно. Пульхерия Феоктистовна уже приготовила завтрак. Вышли во двор, сполоснулись у бочки, по очереди поплескав на лицо, утерлись одним полотенцем. Прошли за стол. Опохмелились. Все молча.

— Брат, — сказал партизан и обнял Алексея, — спасибо, брат, от души.

— И тебе, брат, — ответил Алексей.

Бывший поручик с трудом запряг свою старую лошадку и поехал. А бывший партизан стоял около ворот и махал ему рукой.

Старатели

(Июнь 1925 года)

Золотодобыча потеряла смысл после находки Иванова тайника. Однако отказываться от увеличения золотого запаса Алексей не хотел и в очередной раз собрался в поход «пошукать золотишко».

— А я? — спросила Ксения.

— И ты, конечно. Что тебе здесь сидеть. Только ночевать в тайге будем. Не боишься?

— А мы где с тобой, не в тайге ночуем?

— В тайге, конечно, но постель наша застлана теплыми шкурами, печь даже в летнюю сырую погоду высушит наши одежды, в леднике ты всегда найдешь кусок вяленого мяса, а в крынке на столе дикий мед к горячему и душистому чаю. Разве не так? Опять-таки в горной речке мы можем поймать хариусов, запечь их в глине, и нет ничего слаще печеной рыбы с запахом дымка. Но до этой речки идти придется пешком, потому что наша лошадка нас не довезет, да и сама, старая, может по горам и бурелому никуда не дойти. А потому, если не боишься переломать себе ноги, пошли.

— С радостью! Я здесь уже одичала, я стала как дикая рысь, готовая порвать любого, кто ко мне приблизится! Мне кажется, что если я ослепну, то не испытаю трудностей, — все под рукой. Я научилась разделять тушу косули за пять минут в полной темноте, я вижу в темноте лучше Роса, я слышу твое приближение за две версты, я ненавижу красоту гор и запах цветов! Я ненавижу елки, пихты, сосны!

— Понял. Собираемся, — согласился Алексей.

Он пошел сворачивать шкуру медведя, потому что это он мог ночевать в тайге на куче веток, но не его «принцесса», у которой и без новых испытаний руки стали от холодной воды и грубой работы красными, как у гусыни лапки.

До шумливой горной речки было верст пять. Там, в смеси песка и глины, Алексей намыл самое большое количество золотых песчинок за один прием. И на той же речке он впервые зашурфился. Место было светлое, первый слой глины и щебня выкинул быстро, а потом только киркой: взрыхлил — выкинул, взрыхлил — выкинул. Глубже полсажени⁷ он не копал. И была у него заветная мечта — найти крупный самородок, фунтов на пять хотя бы. На той речке местами бурное течение, которое помогало промывать деревянный лоток — кстати, Иванов лоток, счастливый лоток. А рядом с речкой рос густой малинник и душица, которые Алексей любил заваривать в котелке, и там же в береговой заводи он ловил хариусов, которых съедал сырыми: просто потрошил, промывал тут же в речке, немного солил нежное и податливое мясо рыбы и с хлебом ел — вкуснятина!

Вышли утром, день намечался пасмурный, но сухой. Основные инструменты — кайла, лопата, лоток — были уже на месте, Алексей прятал все в крайнем шурфе. Но сегодня особая ответственность, он шел на свой прииск с женой, а потому пришлось взять много лишнего: одеяло, деготь, ложку и запасную одежду на случай дождя. Алексей нес снаряжение, а Ксения еду в котелке. Решили пойти на два дня, с одной ночевкой.

Трава выросла чуть ли не в рост человека, кругом каменная россыпь и валежник — черная тайга. К полудню добрались до намеченного места. Ксения сразу же занялась костром, а Алексей выбрал место для нового шурфа чуть выше по течению бурливой реки и сделал первую пробу. Ксения развела костер и подошла к мужу, ей было интересно увидеть, как добывается золото. Алексей тем временем наполнил лоток грунтовой смесью и начал промывать в речке.

— Долго еще? — не терпелось Ксении.

— Скоро, сейчас увидишь. — Алексей черпал новую порцию воды лотком, крутил им, сливал глиняную муть, выкидывал крупные камушки.

— Ты так и золото выплеснешь, — сделала замечание Ксения.

— Золото тяжелее камней, на дне остается, — пояснил искатель.

В лотке оставалось все меньше и меньше породы, и вот, наконец, последняя глиняная муть стекла из лотка, и на дне остались золотые песчинки и два маленьких самородка.

— И все? — удивилась Ксения.

— Да, это лучшая проба за все время, пока я мыл на этой речке! Смотри, два самородка и, наверное, золотник⁸ песка!

— А что, это много? — снова удивилась она.

— Конечно, много!

— Так это сколько же надо мыть, чтобы разбогатеть?

⁷ Сажень — старорусская мера длины, равна 2,13 метра.

⁸ Золотник — старорусская мера веса, равен 4,26 грамма.

- Люди всю жизнь моют. А мы с тобой уже богаты.
- Вот с этого золота?
- Любимая! У нас его уже фунтов двадцать пять этого золота.
- Ты уже столько намыл?
- Не только.
- Украл, что ли?
- Не совсем. Я нашел клад дяди Ивана. Мы с тобой богачи, миллионщики!
- Да как-то не верится, кругом грязь, и дворца я что-то здесь не наблюдаю. — Ксения обвела рукой округу. — Лошадь, правда, есть старая и карета о двух колесах.
- Не «о двух», а «на двух» колесах. Учись, Ксюша, говорить правильно.
- А зачем? С кем мне тут говорить правильно?
- Со мной.
- А ты и так меня понимаешь.

Медведь

(Июнь 1925 года)

Алексей был огорчен, потому что добытое золото не произвело ожидаемого впечатления, а, напротив, напомнило прежние упреки. Они вернулись к костру. Рос и Рус лежали рядом и тревожно секли хвостами.

- Смотри, наша охрана беспокоится, — заметила Ксения.
- Или росомаху чуют, или медведя.
- Медведя? — испугалась Ксения.
- Да, медведя. Ты не бойся, они сейчас сытые — жрут траву, корешки да малину.

И вдруг Рос и Рус подскочили и громко зашипели, их шерсть встала дыбом. На берег, чуть ниже по течению, вышел медведь. Он равнодушно посмотрел на людей, зашел в речку и уселся в воду.

- Он что, мыться собирается? — прошептала Ксения.
- Да черт его знает, может, и мыться.
- Ты так спокойно об этом говоришь, неужели не боишься?
- Я знаю, когда бояться надо. На Счастливой горе я их всех выбил, там нам бояться нечего. И здесь нечего бояться, потому что лето, медведь сыт. А ну, вали отсюда! — закричал Алексей и пошел к мишке. — Вали отсюда, кому говорю!

Медведь посмотрел на Алексея, поднялся и послушно пошел в лес.

Алексей рыбачил ровно на том месте, где только что сидел медведь, и скоро вернулся с рыбой.

- Ты посмотри, какой хариус! — Он бросил улов около костра. — Давай сегодня ушицы сварим? А то я на мясо уже смотреть не могу. Или еще проще — запечем? Выбери!

— Запечем, конечно! — засмеялась Ксения и обняла мужа. — Медведь пришел, посидел и ушел. Умел бы еще по-человечески разговаривать, поговорили бы.

— Так ты со мной все время разговариваешь!

— Вот именно, что все время. Ты мне, наверное, все рассказал о себе, а про военную гимназию три раза. И я рассказала все. Говорить теперь не о чем. А я с людьми хочу разговаривать, и чтоб от меня дегтем не воняло, и не по камням лазать, а по улице ходить, и чтоб у меня подружками были люди, а не рыси. А еще я танцевать хочу! А ты меня в плен заточил! Я здесь как на каторге! Печь, дрова, рысь на кровати, лучина, и все время тебя жду! Жду и думаю: придешь — не придешь, а вдруг что случилось, а вдруг поймали, а вдруг зверь задрал. Это что, жизнь? Где дворец? Где ковры заморские, где слуги? Грязь кругом, холод, тяжеленные ведра с водой... и тоска. Мы искали свободу, а попали в тюрьму!

Вдруг зашевелились кусты, и появилась морда медведя. Видимо, он учуял запах рыбы. Неожиданно и зло Ксения выхватила из костра горящую головешку, и со всею силой кинула в медведя, и заорала что есть мочи:

— И ты еще шляешься здесь! И без тебя тошно!

Медведь ринулся прочь напролом, аж лес затрещал, а Ксения села, опустила голову на грудь и заплакала.

Алексей погладил жену по голове.

— Хочешь, я тебе самогонки налью? У меня есть, я ношу с собой, если что случится — рану промыть или тоска заест. У одной старушки купил, первачок, пьется как вода родниковая.

Алексей достал откуда-то стеклянную бутылку с сивухой и налил в деревянную плошку.

— На, Ксюша, выпей, полегчает.

Ксения приняла плошку и выпила содержимое с каким-то злым наслаждением, будто яд пила, назло судьбе и ему — мужу. Алексей принял из ее рук пустую плошку, черпнул воды из ручья.

— Запей, самогонка горячая! Я ее поджигать пробовал, так она горит синим пламенем, огонь поднести не успеваешь — вспыхивает.

Ксения выпила воду, утерлась и засмеялась.

— Точно, горячая! А медведь где?

— Не знаю, ушел, наверное.

— Ушел? Алексей Павлович, учитесь говорить правильно. «Ушел» — это еще что за слова? Это я тебе в обраточку, ты меня все эти годы шпыняешь, а сегодня мой праздник! Я сегодня гуляю!

— Ксюша, ну ты сегодня и правда разошлась не на шутку... Давай рыбу жарить. Сегодня уже столько событий: и медведь, и ты впервые увидела, как золото моют. И у нас, смотри, какая замечательная рыба!

Ксения задумалась, переставила чашку на плоском камне, приспособленном вместо стола, поправила нож, развернула тряпочку с хлебом.

— Давай, еще налей! Напьюсь сегодня! Напьюсь, золото у тебя отберу и к людям уйду.

Алексей понимал, что устала женщина, что не только ей, а и всякому человеку нужна отдушина или скандал, чтобы не копить в душе, пусть лучше выплеснется, и по себе знал, что жить потом легче. Но что он мог

ей предложить? Большевицкая власть крепла, начали организовывать прежде коммуны, а теперь какие-то колхозы. Потом объявили новую экономическую политику, и опять появились буржуи. Правительство объявило электрификацию страны, всюду строились электростанции, заводы и фабрики. Что будет завтра, никто не знал. Алексей покупал газету «Правда» и всякий раз жадно вчитывался в статьи, пытаясь предугадать будущее. Но в «Правде» писали уверенно, что старого режима уже не будет. А как приспособиться к новому, Алексей не знал. Всякий вариант натывался на его колчаковское прошлое. А Колчака в Сибири люди ненавидели лютой ненавистью. И всему виной кровавый след колчаковцев по всей Сибири, тысячи и тысячи ограбленных и убитых. Даже про белочехов столько не говорили и не писали, сколько о Колчаке, хотя и те творили грабежи и убийства. На каторгу вместе с Ксенией Алексей не хотел.

К вечеру закончили мыть золото. Ксению стал покидать хмель. Алексей нарубил веток, сверху бросил медвежью шкуру. Они укрылись норковым одеялом. На одеяло Алексей пустил негодные для сдачи в заготконтору шкурки, но от этого оно не стало тяжелее или менее теплым.

Ночью Ксения проснулась от шуршания в кустах, и первая мысль — медведь! Она затаилась, напрягая слух. Но вот опять! И опять! Потом тишина, будто кто скребся или подбирался к ним. Она встала, подобрала дрова в угли, тут же в ответ вспыхнул огонек, один, другой, и скоро яркое пламя начало поедать сухие веточки. Все время Ксения слушала ночь, но было тихо. На небе ни звездочки, не было и ветра, кругом стояла мертвая тишина. Она успокоилась и вновь легла около сопящего Алексея. Скоро шорох и поскреб повторился. Да так отчетливо и громко, что Ксения прежде подняла голову, огляделась, а потом прижалась к мужу. И вдруг услышала громкое урчание в его животе. Как?! Это все из-за того, что Алексей под первачок сожрал — не съел, а именно сожрал — три сырые рыбины и теперь эта рыба маялась у него в животе?!

— Боже мой! Я рычание медведя перепутала с урчанием живота! — Ксения отвернулась от супруга и тут же крепко уснула.

Развод

(Июль 1927 года)

В Егорьевском Алексей познакомился с человеком, который скупает золото, что само по себе отраднo. Но в Маслянино он вышел иной дорогой, и причина была. Скупщик очень легко согласился на довольно-таки высокую цену за грамм золота, забрал все, что было у Алексея при себе, ненароком поинтересовался о дальнейшем пути, добродушно угостил рюмкой водки в местном шинке и быстро ушел. Береженого Бог бережет, решил Алексей и вышел в сторону Маслянина в тот же миг, но не коротким путем, а, оставив у знакомого чатского⁹ татарина

⁹ *Чаты* — малочисленная группа сибирских татар, проживавших по берегам рек Обь, Чик, Уень, Чаус с VIII века, в том числе на территории современной Новосибирской области.

лошадку, выпросил у него обласок¹⁰, чтобы сплавиться из Егорьевского по реке Суенге до села с тем же названием.

Нынче Суенга была полноводна и стремительна. Алексей скоро научился умело управлять единственным веслом, похожим на деревянную лопату, которой рачительные хозяйки подают хлебы в печь.

Суенга протекает по дремучим лесам сказочного царя Берендея. Алексей знал такой лес под Москвой, но там не было той дремучести и непроходимости, какую он встретил здесь, на гребнях Салаирского кряжа. Стремительное течение и частые пороги заставляли грести и править легкой долбленкой непрестанно, иначе можно было налететь на скалистый берег или большой валун, выступающий из мутной глубины стремительной речки. Обильные дожди наполнили реку водой и испортили ее нрав весенним паводковым задором. Из береговых скал росли березы и сосны, но то по левому берегу, а справа — густые кусты ивняка, ракит, вербы, черемухи и редкие, но громадные ветлы, нависшие черными стволами над шумливой рекой, которая блистала перекатами и плевалась грязной пеной на порогах. Сказочная красота стремительной Суенги за каждым поворотом открывала новые и неповторимые пейзажи: то крутой бок белой горы, то угрожающий острием выступ скалистой породы, а то многоцветье горных трав, устилающих летним ковром обширный и пологий склон. Сказочная страна Салаира, дремучие просторы сибирского Берендея. Сплав занял около трех часов, так быстра была дорога.

В селе Суенга Алексей оставил легкий обласок у знакомого хозяина, а дальше зашагал напрямки в Маслянино. Как и рассчитывал, попал в воскресный торговый день. Деньги были, но много не купишь, — впереди обратная дорога, с обласком на спине.

В избе-читальне начиналось мероприятие, которое называли «Живая газета», а до спектакля предложили агитлекцию о достижениях Советского Союза. Вот тут-то Алексей и узнал, что в Стране Советов строятся заводы и фабрики, организованы тысячи колхозов, развивается артельное движение. Новониколаевск еще в прошлом году переименовали в Новосибирск. В городе начали строить центральный водопровод и канализацию, заработало радио, недавно открыли первый радиоузел, введены в строй первые мощные агрегаты по пятьсот киловатт на ТЭЦ-1, и жителям города массово проводят свет в жилые дома! От Новосибирска до Мочища начали строить каменную дорогу. Рассказали и о происках капиталистов, которые станки для заводов продают только за пшеницу, потому что на мировом рынке она сильно упала в цене. И положение у Страны Советов безвыходное: страна находится в изоляции, а своих станков пока еще нет. Там же Алексей узнал, что главная задача государства — счастье народа. Так сказал Сталин. И все вдруг встали и запели «Интернационал»¹¹, их никто не заставлял и не подговаривал. Алексей стоял вместе со всеми и не мог понять, что случилось с людьми. За семь лет страна изменилась.

¹⁰ Обласок — легкая сибирская лодка-долбленка.

¹¹ «Интернационал» — международный пролетарский гимн; гимн коммунистических партий, официальный гимн РСФСР (1918—1944 гг.) и СССР (1922—1944 гг.).

Алексей смотрел вокруг, и ему казалось, что люди теперь не живут, а празднуют жизнь. Девушки ходили по Маслянину в красных косынках, дети в красных галстуках нестройно, но старательно маршировали колоннами под бой барабана и хрип медного горна. Он чувствовал себя на обочине дороги, он что-то пропустил, очень важное. И Алексей решил непременно разобраться в том, что же сказала и сделала советская власть, почему люди стали жить и радоваться этой жизни, мечтать и вершить неслыханное.

Обратная дорога заняла много времени, но ни тяжесть покупок, ни обласок на спине не могли испортить Алексею настроение, он был таким же удивленным и восторженным, как и люди в Маслянине.

В Егорьевском он ночевал все у того же гостеприимного татарина, а утром, прикупив необходимое, запряг свою клячу и заспешил на Счастлиую гору.

Вернувшись домой, он, к величайшему удивлению, обнаружил у порога ворох своей одежды. Шуба зимняя, телогрейка, шапка и портянки с сапогами были разбросаны по всему двору, мелочь вроде рубах и подштанников, туго завязанная в два узла, валялась тут же во дворе. По расположению вещей было видно, что их выкидывали из дома с разным, но злобным настроением.

Алексей стоял посередь двора, когда отворилась дверь и на пороге появилась Ксения.

— Ну что, бабник! Вернулся?

— Ксюша, ты о чем? — удивился Алексей. — Какой бабник? Я же в Маслянино за одеждой, за продуктами ездил. И потом, зачем мне женщины? У меня ты есть!

— Видишь ту гору? — показала Ксения. — Она свободна. За лето лачугу себе построишь, а я здесь жить буду.

— Какую лачугу, Ксюша? Что ты выдумала?!

— Лачугу не сможешь, тогда нору рой! Или вообще вали к своим бабам! Гад! — И Ксения с силой пнула по узлу с бельем.

— Точно, в бабу бес вселился! — Алексей посмотрел в небо. — Я пошел, всё. Завтра буду.

— Куда ты пошел? Опять начал!

— За попом пошел, беса из тебя изгонять будем.

— Это из тебя беса изгонять нужно! Бабник! Стервец! Пакостник! Алексей схватил Ксению, прижал к себе и поцеловал в губы.

— Никто не люб мне, кроме тебя. Нет, и не было, и не будет у меня иных женщин, а только ты! Ты и больше никто!

А вечером, сидя на «троне», он утешал ее.

— Это, Ксюша, от тоски, от одиночества. Я понимаю тебя, но взять тебя с собой к людям — это выдать нас. Ты же девушка красоты неписанной, всем запомнишься.

— А ты гулять с чужими бабами не будешь?

— Не буду, клянусь! Никто мне не нужен, только ты.

Вещи Алексея, раскиданные по двору, собирали уже утром, по холодку.

Таинственный огонь

(Август 1927 года)

Срываться, и совсем не по делу, Ксения начала довольно часто, скоро редкий день проходил мирно. Алексей терпел. Он все понимал, но не в его силах было изменить сложившиеся обстоятельства. Быт напоминал борьбу за выживание, которая проходила под страхом разоблачения и расстрела. Всякий выезд в села был событием, и Ксения, провожая мужа, была готова к тому, что это может быть их последнее расставание. И была у них договоренность, что если Алексей не возвращается неделю, то Ксения уходит. На этот крайний случай Алексей показал Ксении тайник с золотом.

В тот день к вечеру они вышли отдохнуть после дневных забот по хозяйству, уселись на «трон» — перевернутую колоду, как вдруг склон противоположной скалы опять загорелся желтым оком.

— Смотри! Он! — закричала Ксения.

— Это огонь, Ксюша. Чего ты боишься?

— Это сам сатана смотрит на нас.

— Нужны мы ему.

— Смотри, он мигает!

— О господи! Завтра же пойду на тот склон, найду этого сатану и приволоку его на привязи к тебе. Хорошо?

— Хорошо, но лучше убей его и закопай!

— Хорошо, закопаю.

— Но только чтобы он больше никогда за нами не следил!

И вдруг огонь исчез.

— Вот видишь, он испугался! Так если он тебя боится, то ты почему его боишься?

— Не знаю, мне страшно, когда он смотрит.

Алексей был снисходителен к женской логике и потому не спорил, а наутро отправился на соседнюю гору выполнять наказ жены. Предстояло прежде спуститься вниз со своей горы, преодолеть болотистую долину, а потом уже карабкаться вверх треть версты, не меньше. Напротив сопка крутая, плотно заросшая пихтачом, осинником и березой, видно две осыпи. Алексей внимательно разглядывал гору, мысленно прокладывая маршрут. В конце концов ему самому было интересно, а что же там могло блестеть или гореть.

В то утро Ксения с особой нежностью и вниманием собирала его в поход к «сатане». Приготовила кусок мяса, хлеба, воды. Ожидать возвращения можно было только к вечеру.

В Сибири осень приходит рано. Прежде лес начинает цвести робкими полутонами, а позже — яркими красками, вобравшими в себя все чудеса лета: и тепло, и жару, и солнце, и влажную пыль хмельного дождя, и раскаты грома, и синь перекормленных туч. В осени расцветает золото березы, черемухи и поникших трав, рядом ярко-желтый клен и красная рябина, янтарем светятся оранжевые кустарники, и все это многообразие и праздник цветов подчеркивает вечнозеленый ельник.

Алексей не хотел брать ружье.

— Ну что я его буду таскать? Если медведь, так я его и так шугану, а от прочих у меня Рус есть.

Но Ксения была непреклонна.

— Не на медведя, на сатану идешь, — говорила она.

Алексей взял-таки ружье, но оставил его, повесив на суку недалеко, но невидимой березы. До места Алексей добрался — солнце еще высоко было. Он облазил намеченный участок, но ничего не увидел. Здесь не ступала нога человека. Трава, кусты — все в девственном состоянии. Что говорить жене, он не знал, прийти с пустыми руками тоже как-то было неправильно. Тогда, спрашивается, зачем ходил?

Он сел на выступающий из земли камень, достал из наплечной сумки еду. Пока жевал, разглядывал округу. Да, напротив Счастливая гора, площадка перед домом, но самой заимки не видно. Грамотно все сделал дядя Иван, умный мужик.

И вдруг Алексей увидел на сосне перед собой, недалеко от камня, на котором сидел, старый затес: он заплыл смолой, его практически не было видно, но затес был. Алексей ножом очистил зарубку на стволе. Зачем она здесь? Понятно, что она метила конкретное место, и, если кто-то, даже пусть тот же дядя Иван, сделал ее, значит, не просто так. Уж точно не дорожку метил, потому что все кругом видать и заблудиться здесь невозможно. Значит, надо искать то, ради чего помечалось это место. Не переставая жевать, Алексей начал обследовать округу. Он встал на камень, на котором только что сидел, и стал осматриваться, но все было безупречно: склон, трава, местами мелкая осыпь и величественные сосны. Чистый сосновый лес! Прозрачный и сухой. Да, склон достаточно крутой, но и все, никаких тебе выступов скал или углублений.

И вдруг еще один затес! Ровно на таком же расстоянии, что и первый, но только с противоположной стороны! Алексей спрыгнул с камня, очистил зарубку от смолы, вновь забрался на камень и стал осматривать сосны, нет ли еще таких же меток. Скоро он очистил еще две.

Итак, лихорадочно соображал он, есть четыре метки, ровно с четырех сторон, четко на север, на юг, восток и запад. Это компас? Зачем компас в лесу, если и так все понятно? Значит, не компас, значит, что-то иное! Но что? Значит, помечалось место. Место со всех четырех сторон, а в центре — тот камень, на котором он стоит!

Алексей спрыгнул с камня, рукавом смахнул с него листья, упал на колени — и увидел свое отражение. Это была выступившая из недр земных слюда, именно та слюда, из которой дядя Иван или тот, кто строил заимку, и сделал окно! И именно эта слюда отражала солнечный луч, и он мигал в отсветах заходящего солнца. Сколько переживаний, страхов, а ответ простой.

Алексей отколол кусок слюды — он разобрался очень просто на тонкие и прозрачные пластины, — положил в мешок и заспешил домой.

Сатана был изобличен.

Неожиданная весть

(Октябрь 1927 года)

Узнав причину таинственного огня, Ксения успокоилась, повеселела и даже перестала затевать разговоры об одиночестве, но Алексей все чаще начал улавливать от нее запах перегара. Он оставлял риски на четвертной и видел, как мутноватая жидкость сивухи ежедневно понемногу, но убывала. И когда попытался поговорить об этом с Ксенией, получил такой отпор, что больше и не помышлял приструнить жену. И даже нашел в том признаки примирения: она не устраивала ему истерик про одиночество, а он не замечал ее пьянства.

Они по-прежнему вечерами садились на колоду, порой на горе напротив вспыхивал огонь, но Ксения уже радовалась его появлению. Иногда они выпивали вместе, и тогда над долиной и многими просторами текла песня:

Домик стоит над рекою,
Пристань у самой реки;
Парень девчонку целует,
Просит он правой руки.

С припева подключался Алексей, и у них получалось очень слаженно:

Верила, верила, верю,
Верила, верила я.
Но никогда не поверю,
Что ты разлюбишь меня.

Но количество выпитого увеличивалось, и теперь Алексею приходилось ездить в Коурак за сивухой к местной бабке и покупать не одну, а три бутылки. В то же время борьба новой власти с самогонварением не ослабевала, и цена на хмельной напиток росла.

Ксения если прежде и причесывала свои длинные и прекрасные волосы, то теперь уже не старалась, а однажды, вернувшись с охоты, он с ужасом увидел ее косу на табурете.

— Зачем? — только и спросил он.

— Надоело, все равно здесь никто меня не видит. — И вдруг заплакала, взяла косу и прижала ее к лицу. — Разве я думала, что моя жизнь так сложится? Ни дома, ни семьи, ни мамы с папой, ни подружек! Один ты — постылый!

Он вышел из дома, сел на колоду. Ему нечего было ответить. Он действительно испортил человеку жизнь. И свою тоже, и ее. Думал — спрятался с любимой, старался, вил гнездо, радовался жизни и свободе! А где она, эта свобода? Правильно Ксения сказала — тюрьма.

Сзади подошла жена, обняла его.

— Прости меня, это от тоски сорвалось. Люблю я тебя.

Она села рядом, прижалась к нему.

— У меня тайна есть, и я не знаю, как тебе об этом сказать. И не знаю, хорошо это или плохо.

— Что за тайна? И какая здесь, в тайге, тайна может у тебя быть? К ним подошли Рос и Рус и улеглись у ног, кисточки на их острых ушах изредка вздрагивали.

— У меня скоро будет ребенок.

Ошарашенный новостью Алексей повернулся к жене, потом встал, взялся за голову и закричал так, что рыси отскочили от него:

— Господи! Ксюша! Почему у тебя? У нас будет ребенок! Вот счастье-то! Ты понимаешь, что сейчас спасаешь не только меня, но и себя!

— Я даже и не знаю, хочу ли я ребенка, — неожиданно призналась Ксения.

— Конечно, хочешь! О чем ты, любимая?!

Алексей начал плясать, притопывая, приседая и приговаривая:

— Я буду отцом! Я буду отцом! — Остановился, запыхавшийся и совершенно счастливый. — Понимаешь, у нас будет самый красивый ребенок в мире! — Он опустил перед нею на колени. — Прости меня, Ксюша, прости! И спасибо тебе, милая! За неблагодарных Бог благодарит.

— А зачем нам дети? — вдруг опять спросила Ксения.

— Как зачем? О чем ты спрашиваешь, я даже не пойму.

— Ладно. Вот смотри, родятся дети. Для чего? Чтобы жить как мы? Как звери лесные? Зачем? Они будут так же, как мы, лазать по сопкам, питаться саранками и черемухой, ловить птиц, охотиться на косуль и зайцев и жрать их! Зачем?

— Но так живут люди!

— Так живут звери! Или ты скажешь, что золото не интересует зверей, а нас интересует и потому мы люди? А зачем нам золото?

— Ксюша, ты не права!

— Почему не права, скажи!

— Потому что не права, и все! Все, что ты говоришь, не так.

— Нет, я говорю так. Все правильно я говорю! У наших детей, как и у нас, нет будущего. Есть только настоящее, мы всегда живем заботами о настоящем. У нас есть прошлое, но у нас и наших детей нет и не будет будущего. Нет главного — ради чего мы живем. Ты мне можешь сказать, ради чего мы с тобою живем? Для чего нам такая жизнь?

— Не сердись, Ксюша, не сердись, пожалуйста. Мы живем ради того, ради чего живут и другие люди.

— А ради чего они живут? Не можешь ответить, потому что боишься сказать правду. А я скажу! Люди живут ради счастливого будущего, а у нас этого счастливого будущего и не предвидится. Нет его даже в мечтах. Ты приносишь газеты, я читаю. Ты научил меня читать, и я читаю. И вижу, что там, в той несправедливой, дикой, жестокой жизни есть счастливое будущее, есть мечта о нем, а у нас — нет.

Алексей молчал, боясь вызвать гнев жены.

— Принеси мне самогону, — сказала она.

Алексей безропотно встал с бревна и ушел в жилище. А Ксения не запела, а завыла громко и почему-то зло:

Верила, верила, верю,
Верила, верила я.
Но никогда не поверю,
Что ты разлюбишь меня.

Когда стемнело, Алексей увел в дом изрядно выпившую жену. Она шла покачиваясь, повисала на его руках и громко смеялась. А когда улеглась, скомандовала:

— Иди ко мне!
— Ксюша, ты бы уже спала, устала же.
— Молчи! — приказала она, и вдруг капризным голосом позвала: — Ле-еша! Ну, иди ко мне!

Первое мая

(1 мая 1928 года)

В тот год весна разлеглась на горных склонах, вскарабкалась на вершины сопок, проникла в долину, погрелась там на солнышке и растопила остатки остекленевшего снега в тайных морщинах Салаирского кряжа. Там, где особенно было уютно, проклюнулась трава, робкая и светло-зеленая, ручьи разлились широко, безбрежно, заглянув во все укромные пределы, а вода блестела, отражая яркое солнце, но бесцветно, потому что еще не пришло время родиться листве.

Доехать до Коурака теперь можно было только за весь световой день, так далек был объезд вокруг заливных лугов и болот. Алексей отправился, когда чуть забрезжил рассвет, но в село прибыл — уже смеркалось, однако вешний путь и болотистые западни запомнил, а значит, обратный путь пойдет веселее. Ночевал у знакомой самогонщицы, утром заехал на базар, затарил оскудевшие за зиму съестные припасы и, стараясь не маячить на глазах воскресного люда, заспешил домой.

Проезжая по селу, заметил большие перемены. Кругом висели плакаты, посвященные празднованию Первого мая — Дня Интернационала¹². На каждом доме красные флажки. Выезжая от базара в сторону заимки через проулок, подъехал к широкой улице, чтобы пересечь ее и уже покинуть село, как вдруг дорогу перегородила колонна людей — они шли в сторону поселкового совета. Впереди, над колонной, возвышался транспарант «Да здравствует 1 Мая!», за ним шли дети в красных галстуках с барабанами и горном. Горн гудел, барабаны били: тра-та-та-та, тра-та-та-та! За пионерами люди с красными флагами, тут же над ними транспаранты с лозунгами: «Выполним заветы Ильича!», «Мир! Труд! Май!» и совсем непонятный: «Долой империалистов из Китая!» При чем тут Китай, китайский империализм и жители Коурака? Кто услышит? Империалисты Китая? А если услышат, то уйдут? От страха? В панике,

¹² До 1972 года в СССР праздник Первого мая носил название День Интернационала, затем был переименован в День международной солидарности трудящихся. В современной России отмечается как Праздник Весны и Труда.

что приедут коуракские мужики и набьют им морду? Эти вопросы мелькали в голове Алексея, пока он смотрел на колонну идущих мимо людей.

Потом в толпе демонстрантов Алексей увидел мужика с гармошкой, тот шел и играл задорную мелодию, а люди вокруг него плясали. Чуть поодаль, под красной растяжкой с надписью «Сельхозартель “Красный партизан”» пели «Интернационал».

— Что это? — спросил удивленный Алексей другого мужика, такого же невольного зеваку, как и он сам.

— Демонстрация! — авторитетно заявил тот. — Живешь в своей деревне, лапоть, и ниче не знашь.

Народа шло много, наверное, тысяча, а то и две тысячи человек. Дорога была еще свежая, ее размесили, но все шли в сапогах, и грязи никто не замечал. Когда демонстрация прошла мимо, мужик по-деловому сказал:

— Айда! Теперь ехай куды хошь.

Будет что рассказать Ксюше, думал Алексей, новостей море.

Еще вчера от самогонщицы узнал, что «Сталин — отец народов и защитник всех обиженных». Что идет первая пятилетка, началась индустриализация и коллективизация, а кулаков отправляют «за болото». На полях появились трактора, а в Коураке собираются построить МТС — машинно-тракторную станцию. При царе, понимал Алексей, такого бы никогда не случилось. Что-то пошло не так, советская власть устояла, более того — страна развивалась и строилась. И никогда он не видел столько улыбок, люди много улыбались и чувствовали себя счастливыми. И вот это ощущение праздника витало в воздухе, и не только сегодня — в день непонятого праздника Первого мая. И еще, вот этот лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Зачем и для чего, Алексей понять не мог.

Смерть не жалуется никого

(1—2 мая 1928 года)

К заимке Алексей подъехал уже потемну. Ксения не вышла его встречать, не вышел и Рос. Он распряг лошадь, пустил к воде и овсу, вошел в дом. Горела лучина, Ксения лежала на кровати. Он подошел к ней.

— Ксюш, приболела?

— Да, Лешенька.

— Ты вся горишь!

— Леша, я, кажется, дитя не уберегла.

— Почему? С чего взяла?

— Вчера я упала, а он теперь не шевелится. Я, наверное, мертвого рожу.

— Да ну что ты такое говоришь! Ты поспи, успокойся, и все будет хорошо. Усни. Я не буду тебе мешать, на лавке лягу. Спи, родная, все будет хорошо.

— Обними меня, Лешенька. Какой ты хороший. Я так благодарна судьбе, что мы вместе. Ты такой заботливый, ты такой добрый. Я посплю и проснусь, и дитя наше проснется.

Алексей не стал тушить лучину, оставил гореть на всю ночь. Приготовил плошку с водой и поставил на табурет у кровати.

— Ксюша, ты водички больше пей, при температуре это первое средство.

— Хорошо, любимый.

Это были ее последние слова. Утром Алексей нашел ее мертвой. Она лежала, сложив руки на груди, глаза закрыты, а губы сжаты, будто понимала, что умирает, и подготовила себя к приходу смерти.

Алексей убрал с табурета плошку воды, выплеснул ее на пол. Сел, осмотрелся, глянул на Ксению, будто чего ждал. И замер бездумно, просто замер в непонимании, как теперь ко всему этому относиться: к себе, к мертвой жене, мертвому ребеночку, которого он так и не увидел, но который был здесь, вместе с ним, в этой комнате. Их было трое!

К полудню он взял кирку и лопату, остановился на площадке около колоды. Здесь же он определил восток и начал копать могилу. Прежде шла глина, потом она смешалась с песком и гравием. Он долбил грунт, потом зачищал лопатой, опять рыхлил каменную смесь с глиной и зачищал. Он копал шурф не для того, чтобы взять, а для того, чтобы отдать!

Алексей не знал, почему людей хоронят головой на запад, а кресты ставят в ногах. И это было неважно. Он выкопал могилу глубиной в свой рост, зачистил дно до идеальной глади, потом застелил это дно медвежьей шкурой.

Ксению он нес на руках. Положил на край могилы, спустился сам, аккуратно опустил ее, положил на шкуру, присел около и поцеловал в лоб. Все молча, без слез. Будто готов был хоронить Ксению давно. Поверх накрыл второй шкурой, а потом начал, стоя в могиле, сгребать грунт руками. Грунт сыпался, камни скатывались по ногам, но не били тело умершей. Когда шкура скрылась под землей, он вылез из могилы и засыпал ее полностью.

Он оставил маленький холмик, с тем лишь расчетом, что, когда насыпь осядет, могила сровняется с поверхностью земли и никто не увидит ее. Из березовых веток он выстрогал четыре палки: из больших сделал большой крест, из меньших маленький — и воткнул в рыхлый грунт там, где у покойницы были ноги.

Вынес бутылку с сивухой, плошку и кусок вяленого мяса. Сел на «трон». На горе напротив загорелся таинственный огонь, золотой огонь Салаира.

Алексей улыбнулся ему:

— И ты пришел попрощаться?! Спасибо. Всё не один! Помянем ее, брат?!

Налил плошку и выпил, утер замоченные сивухой усы, откусил мяса и начал мерно жевать. Выпил еще и еще, тупо и бездумно. Нет, он думал, но как-то отрывочно, так думают ни о чем. Потом зачем-то встал на колени, подровнял края могилы и сильнее втолкал в землю кресты. И вдруг оцепенел от мысли, что у младенца нет имени. Он даже не знает, кто умер — мальчик или девочка. Он ужаснулся этой мысли.

Вернулся на колоду-трон, и ему стало обидно, просто по-детски обидно, и вырвалось, вырвалось с криком боли и слезами:

Домик стоит над рекою,
Пристань у самой реки;
Парень девчонку целует,
Просит он правой руки.

Верила, верила, верю,
Верила, верила я.
Но никогда не поверю,
Что ты разлюбишь меня.

Вдруг прервал песню и заорал что есть мочи:
— Сука!!! Сука!!! Сука!!! — и заплакал. — За что мне такая жизнь?!
Сука ты, а не судьба! Сука ты! Сука!!!

Вернись!

(1929 год)

После смерти Ксении он перестал опасаться за свою жизнь. Лошадь сдохла, и до Коурака он ходил пешком, покупал продукты, книги и не спеша возвращался на заимку. Коуракский коопторг оставался главным кормильцем. Прежний управляющий ушел на пенсию, но пришел новый, который не отказывался ни от шкур, ни от самородков, правда, хитрил нагло, не в пример предшественнику. Но жить можно было.

Голова и борода поседели, обрели неопрятный вид. Теперь трудно было в нем узнать стройного и красивого поручика, годы и жизнь в тайге сделали свое разрушительное дело. Походы к самогонщице стали постоянными, она не отказывалась брать в уплату золото песком или самородками, с просьбой возвращать тару. Летом случалось, когда он за день не мог добраться до дома и ночевал в поле, совершенно пьяный и беспамятный. Закусывал листьями березы и сочными травами. Он похудел так, что одежда висела на нем, как на крючке.

Однажды, выйдя из дома опьянелый, он вдруг увидел, что могила провалилась, обозначив глубокую прямоугольную яму. Он упал на колени, подполз к провалу и заглянул вглубь. Могила была пуста! И вдруг он догадался, что Ксения ушла от него. И он заплакал. И плакал горячими слезами, так горько, что скоро вокруг могилы собрались все звери лесные: зайцы, лисица, два волка, умершие рыси Рос и Рус, и даже медведь присел на край могилы и свесил лапы.

Он плакал, и звери завывали. Он просил, захлебываясь слезами, чтобы Ксения вернулась, и все звери просили Ксению вернуться в свою могилу. Когда утром он проснулся, могила была ровной, никакой ямы не было. И Алексей понял, что было с ним, и тут же у могилы поклялся не пить, а если опять напьется, то пусть его заберет смерть. Клятва сильнее жизни.

Ошибка

(1930—1939 годы)

Неожиданно и резко жизнь Алексея изменилась. Он перестал пить, привел себя и жилище в порядок, занялся заготовкой продуктов и охотничьих припасов на зиму, но главное — погрузился в изучение философии, а более всего — полного собрания сочинений Ленина в тридцати томах, которые появились в его библиотеке, а также основных работ Маркса. Кроме того, очень внимательно следил за публикациями и выступлениями Сталина. Он поставил целью понять, что произошло со страной, с народом, с властью. Где и что он пропустил и почему, еще недавно живя на гребне событий, вдруг оказался не у дел? Что не так?

Он заново организовал свою жизнь, теперь опять, как в казарме, все четко и по распорядку: подъем, быт, золотодобыча или охота, и обязательно три дня в неделю за рабочим столом.

При лучине читать было трудно, и потому он приспособился покупать свечи, а скоро и сам научился их делать. Фамилия Василия Лобанова, легендарного партизана, открывала перед ним любые двери. Он часто слышал о нем: Василий работал прежде в ОГПУ¹³, а теперь в НКВД¹⁴, боролся с преступностью и врагами советской власти. Но лично с ним Алексей встречаться опасался.

Он читал книгу за книгой и скоро пришел к выводу, что требуется делать записи, — на его столе появились тетради, деревянный пенал, карандаши, ластик, чернильница, ручка с запасными перьями. Складывалась странная картина: на горе Счастливой сидит за столом, в бликах мерцающих свечей бородатый поручик Белой гвардии и изучает основы марксистско-ленинской теории построения мирового коммунизма.

В библиотеке отшельника скоро появились сочинения Льва Толстого и Федора Достоевского, а также Шпенглера, Гартмана, Канта, Гегеля, были доступны работы Абрама Деборина и Яна Стэна. Несколько лет изучения трудов умнейших и образованнейших людей принесли плоды. Алексей Левашов понял, что марксисты ошибаются, и ошибаются в главном!

В тот день, ошеломленный собственным открытием, он вышел из дома. Стоял тихий осенний вечер, округа была еще видна, но все небо усеяно яркими звездами. Алексей не верил самому себе, что ошибка марксистов лежит на поверхности. Так не бывает, думал он. Ленин — безусловный гений — и не заметил того, что марксисты, исказив учение Маркса, который сам наделал немало ошибок, в итоге увели своих последователей в дремучую глушь, выход из которой мог быть только в такой же дремучий и варварский капитализм! И полемика Ленина с физиком Эрнстом Махом тоже ошибка, причем обоих оппонентов. Не через ощущения познается мир, как утверждал Мах, а в диалектике

¹³ *ОГПУ* — Объединенное государственное политическое управление, специальный орган государственной безопасности в СССР. Существовало с 1923 по 1934 год.

¹⁴ *НКВД* — Народный комиссариат внутренних дел СССР, центральный орган государственного управления по борьбе с преступностью и поддержанию общественного порядка. Действовал с 1917 по 1946 год.

познания физического мира и безусловной для человека духовной части. Душа человека не может изучаться законами физического мира, она вне этого мира, но именно она руководит человеком.

Скоро в его записках появились строчки:

«Ошибкой считаю неверное определение основы человеческого бытия между духовным и материальным. Маркс определил, что материя первична, а сознание вторично. Это неверно!

Да, человек живет в материальном мире, но принадлежит еще и духовному, божественному миру. Сознание его зиждется на духовных, то есть нематериальных законах, и контролируется Совестью, которая есть Бог, материализованный в физическом мире.

Не мог существующий вокруг нас мир и тем более человек стать результатом случайной комбинации триллионов атомов. Не мог человек произойти от обезьяны, потому что нет в мире полуобезьян, полупревращенных в людей, и быть не может. А вот людей, опустившихся до полуживотного состояния, мы знаем, мы с ними знакомы, но то проблема не перерождения, а нравственной, духовной деградации.

Животный мир живет по закону сильнейшего, и в этом его природная справедливость. Человек не может жить по закону сильнейшего, потому что он человек, то есть существо не материальной, а духовной основы. Если человек начинает жить по закону животного мира, он становится животным, страшным животным, потому что наделен большим, чем обычное животное, — духом. Дух на службе закона сильнейшего — это и есть анти-Бог, это и есть зло в самом крайнем и жестоком проявлении.

Дарвиновская теория происхождения видов путем естественного отбора нужна только капиталистам, чтобы оправдать свое право на эксплуатацию людей. Она делит людей на более развитых и менее развитых, а это дорога, ведущая к страшным последствиям. Все народы мира — это и есть наш единый и красивый человеческий мир, и у каждого народа свое предназначение и своя роль».

Алексею не с кем было полемизировать, вокруг глухая тайга, глубокое небо и мертвые книги на столе. А потому он продолжал размышлять, стараясь делать свои записки максимально краткими.

«Человек, живущий в материальном мире, понимает свою способность духовного изменения и понимает свою жизнь как духовный рост. И если физический мир неизменен, ничто не исчезает и ниоткуда не появляется, то духовный мир изменчив: человек может быть менее или более духовным, совестливым или бессовестным, и живет человек по закону нравственной справедливости, зависящей исключительно от духовного наполнения через воспитание и самовоспитание. Поступки человека, нравственные или безнравственные, мотивируются духовными ориентирами. Только такое понимание может объяснить столь нерациональные, с позиций мира физического, поступки, как подвиги и жертвы наших героев — защитников Отечества, такие свойства, которым название доброта, отзывчивость, сострадание, любовь».

Он читал мудрецов прошлого и современников, пытаясь между строк ухватить тайный смысл мироздания. Мысли поднимали его над

собственной горькой судьбой, но за окном были те же горы, так же невозмутимо шептались деревья, да иногда проблескивал золотой огонь Салаира. И Алексей сокрушался: «Ошиблись мы с Ксюшей, поверили в единоличное счастье. Попробовали жить без людей, но счастья не обрели. Без людского мира нет и не могло быть у нас будущего... Но ведь и мир несправедлив, отторгнув нас! Брат пошел войной на брата, и теперь я классовый враг, нет мне места нигде, кроме моей горы. Нет в том справедливости».

Алексей уже понимал, что если найдут его здесь, в горах, то там, на равнине, он предстанет перед судом не только как колчаковец, но и как человек, усомнившийся в теории первооснователей коммунизма — Маркса и Ленина! И его судьба будет предрешена. Но он продолжал писать. Собственно, этому была причина: он надеялся, что когда-нибудь его записки попадут в нужные руки и удивительный мир, построенный рабочими и крестьянами, будет спасен. Алексей Левашов стал социалистом. Черт возьми! Он понял, что коммунизм без Бога не построить! Без религии можно, а без Бога нельзя! А потому он продолжал заполнять отдельную тетрадку, которую назвал: «Трактат о Справедливом мире».

«Главный закон человека — закон Справедливости.

Как и все нравственные законы, Справедливость не подчиняется законам выживания, физическим законам и законам дикой природы. Справедливость подчиняется только Совести.

Справедливость — это вовсе не равное распределение трудодней и благ земных. Справедливость — это равные условия на право нравственного и духовного развития, в обществе, которое не делит людей на бедных и богатых, на своих и чужих, на нужных и бесполезных, потому что ни одна человеческая жизнь не может быть бессмысленной».

Далее в своих размышлениях Алексей писал:

«Отрицание духовного начала и торжество материализма станет причиной того, что со временем романтический период строительства общества социальной справедливости непременно сменится созданием общества несправедливого — капиталистического или феодального. Как бы ни были красивы идеи социализма, но, если они построены исключительно на фундаменте материализма, надо понимать, они непременно рухнут.

Человек — часть общества и всей его истории. И не прав один, когда хочет блага только себе, и не правы те, кто хочет осчастливить многих. Также не правы и те, кто решил построить новый мир на руинах старого, очернив и обоглав прошлое. Те, кто презрительно усмехнулся вслед своим предкам. Они не правы, потому что человек — часть земного рода, неотъемлемая его часть, он преемник и продолжатель. Всякий человек есть связующая нить между прошлым и будущим.

Социалистический опыт надо принять как великий опыт и попытку строительства социально справедливого государства, с полной благодарностью к тем, кто совершил этот подвиг. А если помнить

о человеческом бессмертии, то жертвы прошлых поколений есть часть нравственного наследия всего народа, всего человечества, которое мы не только вправе, но и должны сберечь».

Иногда Алексея лихорадило от ощущения первооткрывателя. Почему он не знал этого раньше? Почему открывает мир для себя только теперь, когда все потерял? Он не мог ответить, как и в полной мере объяснить, зачем ему эти открытия, если он социально мертв. Кому теперь нужен капитал его знаний? Знаний о том, что полюбившийся социализм уже обречен.

А в этом он не сомневался: «Социализм обречен. Большевики решили, что их философская концепция идеальна, безошибочна и единственно верна. Но именно отсутствие развития большевистской философии приведет к смертельному результату. Или, может, так и должно быть? Счастье, как и дитя, рождается в страдании матери. Так и Справедливость, как основа общества, рождается через муки поиска, противостояние и даже смерть. Побеждая смерть, поправ смерть, вопреки смерти!»

Огни

(1939—1940 годы)

И вдруг в долине, перед горой, ровно между двух речек, появились люди. Прежде поставили палатки, задымились костры, потом загрохотали трактора, машины, лес наполнился нездешним звоном пил, топоров и треском падающих деревьев. Несколько десятков людей деятельно копошились в глубокой долине, и скоро Алексей увидел стены первых домов. Они росли как грибы: удлиненные бараки, удлиненные цеха. Скоро загудел натужно и ровно генератор, и как по команде над поселком включился свет, а воздух наполнился визгом пилорам. Начали работать бригады заготовки и переработки леса. Тяжелые лесовозы увозили по разбитым дорогам кругляк, ровный брус и плаху куда-то в сторону Коурака.

Генератор работал с шести утра и до одиннадцати вечера. Обозначилась первая улица, дома еще строились, они стояли вдоль глубокой дорожной колеи, с открытыми ребристыми крышами, похожими на обглоданных рыбин.

В июле приехали машины с матрасами, комодами и детьми. В нескольких домах в окнах зажегся свет. На глазах строился новый поселок. Прежде запустили цех, затем контору, поставили барак для жилья, а потом уже начали строить школу и Дом культуры. Алексей стал спускаться в поселок, заходил в новый магазин. Снабжение хорошее, но принимать шкурки в обмен на продукты там отказались. Требовали деньги.

По воскресеньям из черной тарелки на столбе шла трансляция программ Всесоюзного радио на весь поселок. Сначала били московские куранты, потом звучал гимн. Что особенно поражало Алексея, так это когда диктор приглашал всех на утреннюю зарядку. Весь день играла музыка, сообщались новости со строек заводов, гидростанций. Страна

жила какой-то неведомой, но мощной жизнью: люди строили, пели, смеялись.

Седьмого ноября около конторы поднялись флаги и точно такие же транспаранты, как на празднование Первого мая, которое Алексей видел однажды в Коураке. Вечером в Доме культуры играла музыка, и уличные фонари светили до часу ночи.

К зиме поселок насчитывал около двадцати домов, две улицы и четырнадцать столбов с фонарями. Когда в октябре пошел снег, Алексей впервые увидел, как сияет поселок в размытых белых огнях уличного света. Он был очарован, ничего подобного он еще никогда не видел. Мерцающий в темноте свет напомнил ему зимнюю радугу в тот рождественский день, когда они с Ксенией остались на горе одни.

Так против кого он воевал? Его навязчиво преследовал образ расстрелянного партизана, который не хотел падать и которому Алексей напрочь, одним ударом снес голову. Да, он показал свою удаль. Кто помнит о ней? Никто. Никто, кроме него, и этот партизан стоит теперь перед его глазами всю жизнь. Получается, что партизан выстоял! Выстоял и построил Магнитогорский и Кузнецкий металлургические комбинаты, Сталинградский и Харьковский тракторные заводы, Беломорканал, ДнепроГЭС, Уралмаш, Краматорский завод тяжелого машиностроения! Освоил Север! Построил Туркестано-Сибирскую железную дорогу и плотину в Узбекистане! Добывает нефть в Баку. И еще тысячи строек и городов, о которых Алексей никогда раньше не слышал и даже не знал, где они находятся.

Там, внизу, у самого подножия Счастливой горы жили счастливые люди.

Алексей по-прежнему охотился и мыл золото. К нему на гору люди не ходили, заготовка леса велась на соседних склонах, там, где рос красный лес — пихта, кедр и сосна. А Счастливая гора отличалась большим количеством осыпей и полян, на склонах росли осины, березы и елки, и потому, наверное, не вызывала интереса у заготовителей леса. И, конечно, он читал, читал и записывал свои мысли. Жизнь приобрела новые ориентиры и смысл. Кому нужны будут его записки, он не знал, но не делать их уже не мог.

Однажды, на Первое мая, Алексей расположился на «троне», послушал радио, посмотрел демонстрацию в поселке. День был ясный и теплый. После митинга и выступления руководителей страны по радио начался праздничный концерт. И вдруг объявили народную застольную песню «Верила, верю», в исполнении комсомолки-колхозницы из сибирского села Елшанки. От неожиданности Алексей вздрогнул и даже привстал с бревна. И потекла тонким и робким голосом Ксении песня над всей долиной, проникая во все распадки, ударяясь о насыпи Счастливой горы:

Домик стоит над рекою,
Пристань у самой реки;
Парень девчонку целует,
Просит он правой руки.

Алексей подхватил, вторя чистому голосу:

Верила, верила, верю,
Верила, верила я.
Но никогда не поверю,
Что ты разлюбишь меня.

Он принес из дома бутылъ с самогоном и выпил изрядно. Когда проснулся, то нашел пустую бутылку. Он сильно замерз, и весенняя земля высосала из него тепло. Утром его давил жар, а через несколько дней появился кашель с сукровицей. Он лечился подручными средствами, но скоро понял, что они не помогают: кашель усиливался, а крови отхаркивалось больше. Клятва сильнее жизни.

Подарок

(Август 1940 года)

В то утро, пришедшее после мучительной бессонной ночи, Алексей понял, что наступил его последний день. Он принял эту мысль спокойно, даже с каким-то вызовом и радостью, что наконец-то все закончится и, может быть, он увидится скоро с Ксенией и своим ребеночком. Он сложил два пудовых кожаных мешка с золотом на кусок шкуры медведя, закрепил лямку из вожжей, перекинул через плечо и поволок свою поклажу в поселок.

Он шел к конторе начальника строительства. В легкой прозрачности далеко разносился стук плотницких молотков, на краю поселка визжала пилорама, натужно и ровно гудел поселковый генератор. Алексей вытянул поклажу в улицу и пошел среди строящихся домов по будущему проспекту Строителей.

Он присел отдохнуть на бревнышко около дома. Рабочие, как грачи, облепили решетку крыши. Они сноровисто крепили плахи перекрытия, ладили обрешетку, тут же подавали наверх волнистые шиферные листы. Увидев старика, присевшего около дома, решили сделать перекур. В любом коллективе работяг всегда есть самый говорливый и веселый. И здесь был такой, молодой еще, худой, но с залысинками.

— Дед, говорят, ты многое знаешь? — спросил весельчак, прикуривая модную папироску «Север».

— Врут, — спокойно ответил Алексей.

— Тяжела ноша-то твоя? — веселил парень себя и своих товарищей.

— А кому и когда было легко носить золотые цепи? — ответил вопросом Алексей, поправил бороду и сдержал приступ кашля.

— Дед, это ты на той горе живешь?

— Нет, не я.

— Не хочешь говорить, не говори, мы и без тебя знаем. А как называется гора, на которой ты не живешь?

— Счастливая гора.

— А почему?

— Потому что там счастье похоронено. А вы, ребята любопытные, откуда будете?

— С Сузуна мы. Слышал?

— Далеко.

— А мы сюда насовсем. Коммуной жить будем, — похвастался весельчак.

— Это как? — удивился Алексей.

— Это когда всем всё поровну, — ответил парень.

— Так не бывает.

— Бывает. Это ты старорежимный, а мы — коммунисты, потому что у нас коммуна.

— Так не бывает, — уперся Алексей.

— Так почему же не бывает? Поясни народу. — Весельчак повернулся ко всей бригаде, которая сидела тут же на обрешетке крыши и слушала разговор.

— Потому что одного чашкой похлебки накормишь, а другому и полведра мало. Один за смену десяток деревьев повалит, а другой и трех не одолеет, потому как ему Бог той силы не дал. Мы от рождения не равны. Но если у зверей побеждает сильнейший, то у людей должен самый умный, самый честный, самый талантливый.

— Ну, дед, ты завернул! И у людей бывает, что побеждает самый сильный, самый хитрый, самый подлый, самый нечестный.

— Верно, но то одичалые люди, люди со звериным сердцем. Это у них, у буржуев, побеждает самый подлый и жадный, а у нас — самый человечный человек. Но даже по доброте и совести мы разные, а оттого коммун, где всё поровну, не бывает и быть не должно. И это хорошо, есть возможность отстающим догонять лучших, а сильным поддерживать слабых. Коммуна — это не равенство, а взаимопомощь.

— Правильно дед говорит, — сказал невесть откуда появившийся пожилой мужчина. — Всегда у кого-то больше, у кого-то меньше, абсолютного равенства не бывает. Но мы равны в одном — в желании как можно больше сделать доброго и это доброе отдать людям. Теперь вы поняли, что такое коммуна? Правильно я говорю, старик?

— Умный ты человек, сразу видно, а молодежь не учишь.

— Учим помаленьку, не всё сразу. Не сразу Москва строилась — так говорят. Приходи к нам в столовую, накормим.

— Спасибо. А кто ты будешь, добрый человек?

— Начальник строительства, Ковригин.

— Хорошо. Иди, я сейчас приду. Вот посижу еще, отдохну, умных речей послушаю и приду. А то я все один да один.

— Хорошо. Приходи, только у меня сейчас заседание правления будет.

— Очень хорошо, — похвалил Алексей.

Ковригин погрозил пальцем плотникам на крыше, мол, чтобы старика не обижали, и пошел в контору поселка.

— Дед, а что ты такое волочешь непосильное?

— Золото.

— Два мешка?

— Вот видишь, уже считать научился.

— Да, — вздохнул хохмач и, поудобней усевшись на решетке крыши, с удовольствием начал новую тему, — мне бы мешочек! Вот бы зажил! Захотел — туда, захотел — сюда! Захотел мармелада-шоколада, а лучше водочки! Во жизнь! А, мужики? Как вам такая пропозиция?

— Глупость это, — усмехнулся старик.

— Кому глупость, а кому-то счастливая жизнь!

— А ты и впрямь дурак. То-то я от хорошей жизни золото иду сдавать вашему Ковригину.

— Нам-то сдавать нечего, а ты, видно, поумнел, — немного обиделся, но продолжал ерничать плотник.

— Поумнел, да поздно, — грустно ответил старик.

И вдруг все поняли, что старик говорит правду, у него действительно золото. Они устремили взгляды на шкуру, где лежали два кожаных мешка. Тем временем Алексей встал, перекинул лямку через плечо.

— Ну, будьте здоровы, а я пошел на заседание правления. — И поволок мешки к конторе, но вдруг закашлялся, потом отхаркнул кровь, постоял, отдышался.

— А ты, дед, не жилец, однако, — удивленно заметил хохмач.

— Не жилец. И все по глупости своей, все из-за нее, родимой, — согласился Алексей, налег на лямку, и шкура натруженно зашуршала по земле.

Правление

(Август 1940 года)

Товарищ Ковригин — старый большевик, прошел Гражданскую войну, был ранен, имел награды. Теперь возглавлял строительство поселка Пихтовый и замещал секретаря парткома, который уехал в Новосибирск на заседание обкома партии и за дополнительными лимитами на цемент. Секретарю так и было сказано: «Без лимитов не возвращайся».

Заседание правления шло в кабинете Ковригина, просторной комнате в два окна. На стене за начальственным столом портрет Сталина, под портретом сабля и шашка закреплены на стене крест-накрест. В углу шкаф с книгами, у порога большая вешалка на стене.

В кабинете за большим столом сидели человек восемь. Шел жаркий спор, бились за очередность возводимых объектов. Одни доказывали, что производственные площади в приоритете, а другие требовали строить прежде жилье, аргументируя тем, что, если будут люди, стройка пойдет веселее. Но в это время дверь открылась, и на пороге появился старик, белый, лохматый, с мешком в руках. Он молча прошел до стола и положил на него кожаный мешок.

— Товарищ, я же предупредил вас, что у нас правление. Приходите позже.

— Так я на правление шел. И не с пустыми руками. Вот подарок принес.

— Что это?

— Это золото, добытое в здешних местах. Если кого пошлешь, то там, у крыльца, еще один такой же мешок будет. Пусть кто принесет, тяжело мне.

И вдруг Алексей начал кашлять глубоко и бессильно. Он вынул тряпицу и сплюнул кровь. Потом рукавом утер вспотевшее лицо.

— Болею я. Принес, говорю, вам золото, чтобы строили поселок быстро и красиво. А мне оно уже без надобности. Помру я скоро.

В это время занесли второй мешок и поставили на стол рядом с первым.

— В каждом по пуду. — Алексей развязал один и толкнул набок, тот упал и рассыпал на столешницу золотой песок вперемешку с малыми самородками.

Ковригин подошел к мешку, набрал в руку золотого песка.

— Товарищи, а ведь действительно золото! — сказал он. — Кто вы, почтенный?

— Я Левашов Алексей Павлович, поручик Российской императорской армии! Живу на Счастливой горе.

— Подожди! А не ты ли это будешь? — Ковригин снял со стены саблю и приоткрыл лезвие, на котором было выгравировано два слова: «Алексей Левашов».

— Это мой прадед, который добыл эту саблю в бою с французами. Там еще есть надпись: «Пьер Шевалье».

— Вот это чудеса! Товарищи! Разве это не чудо, когда сабля прадеда встретила с правнуком?!

— На этой сабле много жизней, очень много красной крови, — сказал Алексей.

— И не только красной, но и белой, поверь мне, я воевал не хуже. А я помню тебя! Ты тот поручик, который своровал деваху в Елшанке, и мы тебя поймали, а вы оказались в сговоре, убили часового и угнали моего коня. Так или нет?

— Так и было, — удивился Алексей. — Так значит, это вы тот командир?

— Я. Командир эскадрона красных бойцов, которые шли на перехват карательного отряда адмирала Колчака, но поймали тебя. А где та красавица?

— Умерла. Не разродилась и умерла.

— Да, жаль, товарищи. Не поверите, девчонка была удивительной красоты! Такая красивая, что я до сих пор помню ее! — Ковригин закрыл саблю и повесил ее обратно на стену. — Крови пролили много и красной, и белой — это ты верно сказал.

— Нет красной или белой крови, есть русская кровь! — твердо поправил Алексей.

— Согласен с тобой, поручик Левашов.

— Товарищ Ковригин! Но ведь белая сволочь развязала Гражданскую войну!

— Да, это так. Но поручик Левашов прав, от этого кровь менее русской не стала.

— Товарищ Ковригин, — поднялся представительный мужчина с седой бородкой, — должен со всей ответственностью сказать, что считаю ваши слова провокацией, и намерен доложить вашу позицию на бюро райкома партии!

— Валяй, ты же сюда приехал не просто так, хочешь вынюхать нечто эдакое и доложить потом. А мы сюда приехали, чтобы строить новую и счастливую жизнь. Вы, товарищ инструктор райкома, саботируете это строительство тем, что делите нас, разделяете. А я предлагаю закончить Гражданскую войну здесь и сейчас и строить будущее вместе. Вот эта сабля прошла много войн, защищая нашу Родину. Да если б не она, смогли бы мы построить социализм? Если бы французы захватили Россию? Дальше надо уметь видеть, товарищ инструктор райкома партии, ваша близорукость и подобных вам товарищей приведет нас к расколу.

Все молчали. Что-то совсем новое прозвучало в словах Ковригина — легендарного командира Красной армии, коммуниста с 1914 года. Здесь и сейчас в одной комнате встретились прошлое и настоящее. Инструктор райкома резко встал, громко отодвинул стул, даже отшвырнул его в сторону, и вышел из кабинета. Ковригин посмотрел ему вслед.

— Вот иногда я думаю, от кого зла больше: от врагов России или от ретивых дураков?

— Но, товарищ Ковригин, — поднялся первый член правления, — это с вашей стороны демагогия чистой воды!

— Он хочет купить свободу! — показал на Алексея второй член правления. — Вы понимаете это, товарищ Ковригин? Он сейчас пытается нас купить! Советскую власть купить!

— Я никого не собираюсь покупать! Я хочу быть полезен людям! Вот и все, — горячо ответил Алексей.

— Только коммунисты могут быть полезны России и всему трудовому народу, — категорически заключил третий член правления.

— Глупость! Опять глупость! А наши предки, тысячи и тысячи лет истории, разве были коммунистами? А его прадед вот этой самой саблей не освобождал нашу страну от француза, не умирал за каждую пядь земли? Разве он был коммунистом? Нет, товарищи, все не так! — рубанул рукой Ковригин.

— Вы оппортунист, товарищ Ковригин. Вы перерожденец! — закричал первый член правления.

— Нет, товарищи, в первую и главную очередь я — человек, который тоже хочет быть полезен Родине и остаться в ее памяти навсегда. Я понял, что имел в виду господин Левашов. И сегодня мы делаем для Родины, для вечности и своего бессмертия очень много. Как это делали наши боевые товарищи, которые ныне покоятся в братских могилах. Они в это верили, как и мы теперь в это верим! Но сегодня мир, и потому мы учим в школах детей, защищаем их здоровье в больницах, мы создаем условия для талантов всякого живущего на нашей земле человека, чтобы он через свои дела, слова и поступки тоже стал бессмертным. Именно для этого мы строим социализм! И теперь я прямо

спрашиваю тебя, господин Левашов, зачем ты пришел к нам и принес это золото? Купить нас, покаяться или иная идея тобою руководила? Расскажи членам правления. Развей сомнения.

Все это время Алексей стоял у стола и молча слушал возбужденные речи членов правления поселка Пихтовый. И сейчас ему опять стало жаль, что он не жил среди этих людей, не участвовал в жарких спорах, как это происходило у сидящих за столом. Сейчас они пытались разобраться сами в своей жизни, они искали ответы на очень сложные вопросы. Как это было ново и неожиданно. Алексей утер мокрое лицо. Температура зашкаливала, отчего голова слегка кружилась. И он начал говорить:

— Так получилось, что мы с женой десять лет просидели на горе, которую назвали Счастливой, однако счастья не обрели. Жена умерла, а золото осталось. Потом пришли вы. Я смотрел, как вы работаете и радуетесь жизни, я слушал ваше радио, наблюдал за вашей жизнью и понял, что золото без людей не имеет смысла. Я не знаю, как вам сказать. И причина всему — сам человек, дело только в самом человеке. Понятно, что одни условия позволяют сделать больше, чем другие, но главное — человек и его выбор. И я сделал свой выбор и пришел к вам. Я сейчас не про золото, я о том, что человек может жить только среди людей, а живя среди людей, он становится бессмертным. Я это понял там, на горе, сидя в полном одиночестве. Наверно, непонятно говорю. Без людей у человека нет будущего и нет вечности его делам, дела человека живут вне зависимости от человека, даже когда его уже нет. Через свои дела человек вечен. Понимаете? И я это понял! Золото я отдаю, чтобы оправдать свою жизнь. Пусть золото поможет вам построить город, дороги, паровозы, самолеты — они повезут людей, и в этом будет и моя с женой маленькая заслуга. Через сто лет поедет человек, он о нас ничего не знает, и мы о нем ничего не знаем, но в том, что он живет счастливо, будет и мое участие. Я не ищу больше бессмертия на небе, я понял, что бессмертие — в делах людей на земле.

Алексей опять гортанно закашлял, сплюнул в тряпочку сукровицу и продолжил:

— Скоро война, и вы об этом знаете лучше меня. Я уже не боец, но, может быть, танк, самолет или пуля, сделанная на эти деньги, попадет в сердце врага и убьет его. И в той пуле будет толика моего труда, моей жизни, моей вечности. Я скоро умру, как умерла моя жена и неродившийся ребенок, но я хочу, чтобы мы, моя семья стала бессмертной в делах на земле через вот это добытое нами золото. Золото отдаю на строительство... — И вновь тяжелый кашель.

— Может, вам в больницу? — спросил Ковригин.

Отдышавшись, Алексей вынул из-за пазухи серую тетрадку.

— Это вам, товарищ Ковригин. Посмотрите, я тут написал свои размышления о будущем.

— Что это?

— Записки. Прочтите, я хочу, чтобы наша страна сохранила народную власть, и не хочу, чтобы те жертвы, которые случились... — Новый приступ кашля прервал его слова. — Мать рождает дитя в муках, и наш

народ выстрадал свое право строить справедливое государство. Здесь об этом. Почитайте и, если сможете, отправьте Сталину. Он поймет. Он мудрый человек.

— Хорошо, почитаю. Не думаю, что у товарища Сталина будет время читать ваши мысли, но я подумаю, кому отправить. Только прежде сам прочту. Отведите его в лазарет! — приказал Ковригин.

— Не надо, — махнул рукой Алексей, но вновь захлебнулся в кашле.

— Отставить разговоры, исполнять приказ!

Фельдшер Ксения

(Август 1940 года)

Алексея проводили в медпункт, который разместился в отдельно стоящем доме. Сразу же с порога в нос ударил запах медикаментов.

— Ксения Петровна! — позвал сопровождающий. — Я по распоряжению товарища Ковригина привел вам больного человека.

Из комнаты в коридор вышла совсем юная девушка.

— Проходите, бабушка, — позвала она и вновь зашла в комнату. — Что вас беспокоит?

— Тебя Ксенией зовут?

— Да, в честь бабушки моей. Вам кого-то напомнило мое имя?

— Для меня это имя звучит как молитва, — глубоко вздохнул Алексей.

— Интересно сказали. Так что вас беспокоит, что болит?

— Эх, милая девушка Ксения, что может болеть у человека, который прожил жизнь и будто не жил вовсе?

— Так не бывает. Давайте я заполню на вас карточку, так положено, а вы как раз успокоитесь, и потом мы поговорим о вашем здоровье. Как вас зовут? Присядьте вот на этот стул, — фельдшер показала на стул около стола.

— Алексей Павлович Левашов я.

— Сколько вам лет?

— Родился в 1890 году в Москве.

— Вам всего пятьдесят лет?

— Мне много лет, потому что каждый год... — Алексей закашлялся и скоро сплюнул сукровицу в тряпочку, которая служила ему платком.

— Снимите рубаху, я вас послушаю! У вас же воспаление легких! Снимите рубаху.

Алексей расстегнул рубаху.

— Что это?! — вскрикнула Ксения, увидев глубокие и кривые рубцы на его груди.

— Война. Это война, Ксюша. Ты мне дай какую-нибудь пилюльку, чтобы мне силы хватило до дома добраться.

— Вам нужно срочно в Новосибирск. В прошлом году открылась областная больница, и у них есть рентген. Вам срочно нужна госпитализация!

— Значит, пилюли у тебя нет. Но ничего, я все равно доберусь до дома.

— Кто у вас дома? Жена, дети?

— Жена, моя Ксюша, и младенец. — Алексей встал, чтобы идти.

— Все-таки вы зря так к себе относитесь. Подождите, это неправильно! — Ксения попыталась остановить его. — И что, вы так возьмете и уйдете умирать?

— Нет. — Он оперся о дверной косяк. — Скажу тебе то, о чем теперь все время думаю: держись людей! Я сейчас пытался это сказать на правлении, но, видимо, не получилось. Самое важное, что есть у человека, — это люди, которые вокруг и рядом. И какое счастье — видеть их около себя каждый день! Здороваться с ними, разговаривать, даже спорить или ссориться — это самый дорогой дар, общение. Береги его. Ничего нет страшнее пустой жизни, а наполнить ее смыслом могут только люди.

— А я хочу замуж, и чтобы у меня была семья: муж и дети. И мне кажется, что это и есть счастье — семья, в которой любовь и дружба. У меня есть жених, и я надеюсь, что он скоро сделает мне предложение, и тогда мне не нужен будет никто на свете, только он и мои будущие дети. Сначала семья, а потом уже люди.

— Счастья тебе, дочка! Счастья тебе, Ксюша! Мы думали так же, когда прятались на Счастливой горе. Но укрывшись от людей, счастья не найдешь. Конечно, семья — это самое главное, это твоя маленькая страна, твой мир. А я хотел сказать, что твой мир, твоя семья может жить только в мире людей, в мире таких же счастливых семей. Если бы мы с моей Ксюшей жили среди людей, с нами не случилось бы беды. Но она мертва, да и я уже мертв.

— Алексей Павлович, — шагнула к Алексею Ксения, взяла его руку, — услышьте меня. Если вы не начнете срочно лечиться, вы действительно умрете. Надо ехать в Новосибирск, здесь вам никто не поможет.

— Ксюша, милая девочка, я не боюсь смерти. Я слишком много...

— Алексей Павлович! Вот порошок, это глюкоза, может, она поможет, даст силы, и вы дойдете до дома. Выпейте, вот вода. — Она подала стакан.

Алексей высыпал сладкий порошок в рот, запил водой.

— Я сейчас же доложу товарищу Ковригину, что вы отказались от госпитализации!

— Спасибо, Ксюша. Спасибо. Будь счастлива. — И вышел вон.

Капля

(Август 1940 года)

Алексей возвращался на заимку с одной лишь мыслью — дойти и не потерять сознание. Приступы кашля все чаще останавливали его, он харкал тягучей сукровицей, а потом уже на ходу плевался солоноватой кровью.

К этому дню он готовился загодя: заложил вход в грот камнями, оставил только лаз, который легко было заткнуть изнутри. Он запалил

факел, поджег от него дом и навес, потом проник в грот, закрепил факел на стене, закупорил вход. Все было продумано.

Он лег на каменный пол. Факел щелкал и брызгал смолой, коптил, но светил ярко. Алексей смотрел в потолок, на черные сталактиты — пещерные каменные сосульки. Прямо над собой он увидел одну, с висящей на самом кончике каплей воды. Он улыбнулся, и вдруг ему стало легче, саднящая в груди боль прошла, голова прояснилась, зрение обострилось, в теле появилась легкость, он даже хотел встать, но не смог, потому что умер.

Заимка горела адским пламенем, но скоро дом рухнул, как подкошенный, и только сизый дым вился над пепелищем еще сутки, затирая серым пеплом каждую щелочку, всякий намек на вход в склеп, чтобы навечно закрыть своим мертвым телом историю любви, историю жизни, историю судьбы.

Александр РАДАШКЕВИЧ

СРЕДИЗЕМНОЕ

Так

Так тают острова воспоминаний, и стылая вода стирает рифы мшистые надежд, так верим куцым снам, струимым мнимой явью, за диво пречистое мира и скотство слепое его, творя создавших нас богов и воплощая то, что нас развоплощает, так молкнет музыка забвенных ожиданий за стайкой кремоватых облачков, несомых безоглядно в невозвратность, и пух каникулярных тополей так стелет ветренные тропы необратимых берегов, так рассудок заблудший точит исподволь дүши по немым закуткам мирозданья, так вспоминают изредка себя, как съехавших давным-давно соседей, чьи позабылись напрочь имена и стерлись подъездные лица, так убивают беспутное время и потому, что его не осталось, и оттого, что весь век впереди, так заплывают в нагие сны рассвета все те, кто нежно населял отснившиеся жизни и кто за воздухом свинцовым вздыхает пряно про себя, и то, что складывало мир по кубикам любовного познания, его так предает небрежно и отрекается покорно от себя, так разползается по белым швам и этот стих, который ты примеришь на себя, гарцуя в сизом зеркале неверья, так тает все в незрячем взгляде, творившем рваный свет, и ты, обняв обратные ветра и пригубив вина заоблачного цвета, сольешься так оплавленным лучом с заплаканной апрельскою капелью.

Валерию Двойникову

Mais voir un ami pleurer...

Jacques Brel¹

И если вдруг в дверях предутренной разлуки друг редких встреч заплачет на плече, она не зря ревнительно отжита, такая пустая и глупая шутка. Лики киевского детства, португальская юность, даже лондонские скобки и валлонский уютный тупик, весь мир сиротский и в прах продутый, который ты, упрямый, как все свои смертельные влюбленности, еще стараешься назло зарифмовать. Ну а я, что я знаю об этом, как, впрочем, и о том? Мы лишь в стихах порой встречаемся напрасно, но, видит бог, не зря среди отключенно-подключенных, прикованных к липучей пустоте, мы опоздали на поезд последний, который отбывает послезавтра, и он перед носом смыкает гремучие двери. По улице Аве Мария в надежде святой ни на что, читая клинописи стертых лиц, бреду я вне себя, и памяти пьяные птицы ныряют в рваных облаках, а на плече предутренных прощаний беззвучно плачет дальний друг.

Льву Карнаузову — позднее прощание

Кому земля —

священный край изгнания...

Максимилиан Волошин

В день твоего рождения открылось, что ты умер, уж полгода тому назад ты родился туда, где ни-ни — ни болезни тебе, ни грешной печали, ни зряшных вздыханий, где встретили тебя уфимские великие бураны, отвесившие белый свет, наш вихрастый Сережа и игрово-надмирная Надя в ее зазвездной пятиэтажке с этюдами по всем углам, где мы хором намечтали себя, сказав бездумные слова, по которым потом и отжили все наши призрачные сказки и все крошечные кошмары, которые нас разом разнесли по сиротским краям узнаваний, и вот уж я, как перст, последний, качаюсь полым истуканом на всех руинах вешних предвкушений, как на мерцающих сугробах детства, разгребая осколки небес, вздымая липкий

¹ «Но видеть плачущего друга...» (Жак Брель)

прах поминовений над пустыней постылых времен,
потерянно плетя кому-то никому мира тому назад
забытые стихи. «И я вдруг понял, как там пусто», —
успел ты уронить, когда за небо ушел Сережа вслед
за отчалившей в сигаретной нирване Надей. И кто-то
из безлико закликанной братии тебя сегодня рьяно
поздравляет, желая всякого здоровья и ждя ответных
лайков от уральского мэтра межвселенского реализма,
а ты давно собрал мольберт и обронил муштабель,
отплыв за дочерью, за сыном в свое неверное ни-ни,
оставив за собой распахнутые настезь
кристальные врата.

Вальс минований

Ну а в дольней доле мимовейной все привольно
до боли потому, что проходит, все предвечно
на поднебесной пыльной ладони, оттого что
обречено, и любимо беззаветно так иль безответно,
потому что неизменно нам изменит оно, всё, как
тьень, неотторжимо, потому что навеки сошло, и
на наши крапленые судьбы, как в финале забытого
фильма, под томный хор заштатных скрипок, валит
оперный ватный снег, который и не стаёт никогда.
Осмелился ли ты однажды на себя иль оттрубил
по чужому уставу, сорвался ль с засиженной ветки
или слепил наскальное гнездо, минует глухо даже
миновавшее, как ветер форточки забитой и нежность
бабушкиной каши. Мир с изгаженной изнанки, лица,
что дороже света, за слепую пеленой, даже оный
день порожний — всё навеки в заветной юдоли лишь
потому, что ушло непреложно за былью сущих снов
и вкусом пернатой юности на глянцевых губах.
Ну а дальше растянулось, как забытые долги, или,
может, причиталось, да не вспомнить уж за что
в валком вальсе минований и в рассветном
перезвоне стертых солнцем звезд.

Средиземное

Пролетая Монблан и Леман с тягучим
сэндвичем в зубах, над Венецией кисло
скользя в необратимых облачках, неведомо
зачем и от чего несусь я снова на Корфу, и
почему, когда так рано, под нами некая
Тирана. Минует то, чего не жаль, вослед
всему, чему нет срока, а жизнь невнятно
так сошла за небом сплющенные горы, за
надувные облака, в которые вонзаемся
с тобой самозабвенно, забыв стократ,
на что осмелилась, пожалуй, что напрасно,
что не посмела, может, и не зря. Сливя
по левому борту, ты лихом нас не поминай,
Дубровник голопузых орд, и вот уж, господи,
так скоро и опять облобызает облое чело
любезная неведомым богам, лазурноокая,
показанная старцам и юнцам, тем томным
снам подвластная Керкира, где всё навеки
с элладскими ветрами заодно, где даже
задаваться вопросами немymi нам и срамно
и, право, неуместно; бежит недвижимая волна,
сама в себе муарно отражаясь, и все стирает
раз и навсегда тебе, как сон, доверенное море.

Михаил СОРОКИН

ДЕД, САРАЙКА И МОПЕД

Рассказы

Дед, сарайка и мопед

У моего деда во дворе стояла сарайка. Такая простецкая, как делали раньше, — из досок, покрашенных половой краской.

Мне всегда казалось, что она не стоит на земле, а торчит из нее верхушкой, с силой выдавленная снизу и уходящая корнем куда-то глубоко в недра. Поэтому я долго боялся заходить в нее, представляя себя падающим в тартарары.

Потом-то, конечно, понял, что внутри сарайки закопана полтораметровая чугунная банка — кессон, куда часто спускался дед за солеными огурцами и квашеной капустой. Я иногда помогал донести до квартиры самую маленькую, пол-литровую баночку, а он, нарочно смешно кряхтя, тащил трехлитровую, обхватив ее правой рукой.

— Догоняй, гусенок лапчатый! — кричал он мне уже от подъезда, и я что было сил ускорялся.

Дед любил похрустеть. Он и меня научил: я хватал из тазика горсть капусты, сколько влезало в ладошку, а потом поднимал груз, поворачивал руку, как стрелу башенного крана, и под его, крановщика, крики «Майна!» скидывал себе в рот. Потом он вылавливал своей ручищей самый кривой огурец в банке и на обратном пути застревал.

— Попался, гусь лапчатый! — дразнился я, а дед упорно крутил рукой и, победоносно достав пупырчатый припас, совал его мне под нос:

— Попробуй-ка! — И сам тут же наворачивал его так, что уши ходили ходуном.

Нет, это были ушищи! Как живые! Я смотрел на них и катался по полу от смеха, а дед еще задавал жару — громко откусывал, хрумкал и приговаривал голосом Карабаса:

— А-а-ахр-рм! Мы молодцы — жрем огур-р-рцы! А Артамоны — жуют лимоны!

Веселуха.

Дед тогда еще был молодой. А я уже не детсадовский, но еще и не ученик. Перед самой школой, в августе.

Дед работал сменами в депо, поэтому меня иногда привозили к нему в его выходной день, где-нибудь на неделе, — чтобы он «посидел» со мной.

В первые разы он немного злился оттого, что не мог отвертеться, а может быть, притворялся или делал это для порядка. И я не прыгал от счастья — в предчувствии ТВ-новостей вместо мультиков, запаха старых газет из чулана и нудного стука маятника советских часов. Эти часы... Я, конечно, помню их необыкновенно красивыми: из желтого дерева под лаком, точно шкафчик, но они вызывали страшную тоску своим тиканьем. Если бы я был судьей, то эти часы сидели бы у меня на скамье подсудимых по статье «скукотень смертная». Я бы заставил их тикать мне заставку из «Черного плаща» или вообще... остановил бы время.

Еще и бабушка Аня на работе. С ней бывало повеселей. Она служила в милиции капитаном.

— Ладно, варвары, так и быть, посижу, — ворчал дед.

Я знал — он очень любил днем подрыхнуть и «посушить харю» перед теликом, если в сарайке переделал все дела.

— Батя, смотри, тут тебе курево. — Мой батя протянул деду пакет с «Примой» и какими-то контейнерами. — И Михин хавчик, чтоб тебе не готовить. Игрушки еще.

— Табак давай, а это не надо. И это не надо. — Дед не отличался многословностью. — Хотя нет, это надо. — И достал мои машинки.

Я обрадовался.

— Вечером заберу тебя. — Батя потрепал мою макушку, легонько щелкнул по носу и развернулся, но, когда уже выходил, «застрял» в двери.

— Ну чего, придумал? — обратился он к деду, имея в виду подарок тому на юбилей, который ожидался недели через полторы. — Что-нибудь для рыбалки? Может, новый бур?

— Зачем мне еще один бур? У меня хороший, хоть и старый. Сейчас дрянные делают. Сын, давай потом, я еще не придумал.

У деда и правда имелся замечательный ледобур — синий, с деревянной ручкой и точеным шнеком. Он мог часами его скоблить. Подтачивал ножи, смазывал. Сдувал пылинки, одним словом, как и с любой своей вещицы. Нет, второй ледобур ему точно был не нужен.

А вот я уже подарок приготовил. В садике нарисовал открытку. На ней дед в своей узкополой кожаной шляпе, как ковбой, сидел верхом на мопеде, держа правой рукой руль, а левой — красный флаг. Наверное, поехал на войну. Папе понравилось, правда он предложил переделать флаг в саблю, но я отказался.

Мы позавтракали, а после включился телик... До самого вечера.

Несколько раз дед таскался в свою сарайку покурить, когда уставал от хоккея, новостей и Капицы¹. Я забирался на подоконник и наблюдал

¹ Капица Сергей Петрович — ученый-физик, популяризатор науки, автор и ведущий советской и российской научно-популярной телепередачи «Очевидное — невероятное», выходящей с 1973 по 2012 гг.

за тем, как он пересекал двор, уморительно поддергивая брюки запястьями. Ее хорошо было видно из окна — сарайку с распахнутой дверью. Из нее клубами валил голубоватый дым. Как будто деревянная башка дракона высунулась из-под земли глотнуть воздуха и вот-вот чихнет или рыгнет пламенем.

Но я-то уже знал, что этот дракон — просто кессон.

Может, в ней и не было теперь ничего любопытного, но тогда зачем дед пропал в ней? Все-таки, что-то было там.

На следующий, опять «дедовский», день я взбунтовался и потребовал, чтобы дед во что бы то ни стало показал мне свои сокровища.

Странно, но тот как-то быстро согласился, хотя и посопротивлялся для порядку. Он отпер дверь и заговорщически обернулся ко мне:

— Только никому не говори...

Дед умел интриговать.

— А почему? Что там?

Внутри зияла чернота. Глотка. Того самого дракона.

Щелк. Повернулся тумблер. Нутро зажелтело.

Ничего себе... Справа у стены стоял блестящий новенький мопед. Так вот она — игрушка деда! И на моем садиловском рисунке несся вперед именно мопед. Вот это совпадение! Одинокая лампочка искрилась в хромовых крыльях, выписывала контуры синего бензобака и рисовала идеальной плавности линию выхлопной трубы. А эта фара... М-м-м!

Но это все говорю уже я взрослый. А тогда я просто обалдел, и все. Ах, да! Эта фара... Не фара, а драконий глаз со спидометром.

— А? Как тебе? Так-то... у меня его еще пока нету, мопеда-то. Не скажешь никому?

— Не знаю еще, — засомневался я в себе на всякий случай, так как ничего не понял, но кое-что задумал.

Потом он мне рассказал, что это бабушка наша Аня подарила ему мопед, дней за десять до шестидесятилетия. Ну правильно, а где бы она его хранила — у себя в детской комнате милиции? Просто дала имениннику посторожить свой подарок в сарайке, чтобы вручить когда надо... Так вот почему он бродил туда-сюда все эти дни! Все понятно. Наверное, любовался и предвкушал, представляя себя ковбоем.

Дед отодвинул меня в сторонку и завел дракона, дрыгнув внизу ногой, одновременно газуя. Голубой дым мягко застелился по земле возле сарайки.

— Прокати, деда, — я наконец понял, почему засомневался и что задумал. — Тогда никому не расскажу.

Последнее можно было и не добавлять, потому что он уже выкачивал коня на травку.

Мы прокатились вокруг вокзального сквера, на котором стоял типовой бронзовый Ленин, указывающий путь. Я хоть и сидел впереди, почти на бензобаке, но из-за елок по периметру видел только кепку водителя и ладонь. Потом свернули на Десятку (улицу Десятой годовщины

Октября), куда он указывал, и доехали до самого Дома культуры. Развернулись, и на обратном пути дед решил поддать газку. Я, как и он, тоже держался за руль. Приятное ощущение звериного напора ни с чем было не сравнить: этот зверь подо мной, он подчиняется мне. Впереди его рога и каплевидный драконий глаз, подрагивающий в такт неровному асфальту. Я представил, что мои волосы могли бы красиво развеяться. Эх, если бы немного подлиннее! У деда тоже короткие, еще и под кожаной шляпой.

На кураже дед выкручивал рукоять чуть ли не до отказа, театрально подгазовывая и вопя мне на ухо:

— Едет де-е-ед — искать об-е-ед!

Я хохотал и не слышал своего смеха из-за ветра в ушах, но от этого мне становилось еще веселее, и я уже просто кричал «а-а-а!», глотая комаров и встречный поток ветра.

Перед нами оставался последний поворот во двор...

Несмотря на скромные размеры хрущевки, за столом собрались все наши родственники. Дед, как дон, восседал во главе. В профиль он и правда очень напоминал сицилийского крестного отца: то ли мощным носом, то ли благородной сединой. Хотя он выглядел чуточку виноватым, потому что после той нашей чумовой поездки получил-таки по своей кожаной шапке.

Если бы не тот дурацкий поворот...

Батя подтолкнул меня под локоть:

— Ну, давай!

Я встал и подошел к деду.

— С днем рождения, деда! Смотри, мы с тобой команда. — Я протянул рисунок. На нем дед в узкополой шляпе, верхом, как ковбой лошадью, лихо управлял мопедом, а впереди на бензобаке сидел подрисованный я...

— Команда ух-х-х! — У него чуть-чуть заблестело под глазом.

Я залез к нему на колени и погладил по загипсованной руке, согнутой и жестко прибинтованной к телу.

— Желаю тебе, чтобы она обратно приросла к ключице.

— У стариков заживает медленно. Но ничего, срастется, куда ей деваться.

Деда не сильно ругали. Отчитали, как хулигана, и решили, что перелом и так достаточное наказание. Даже слишком. На мне ссадины зажили быстро, и на этом все успокоились.

Дед крепко обнял меня здоровой рукой и тихо сказал:

— Покатаемся еще.

СЖД

Однажды дед позвал меня с собой навестить нашу бабушку. Мы с ним редко ходили куда-нибудь вдвоем, тем более по его инициативе. Поликлинику я посещал часто, как и любой двенадцатилетний ребенок, а вот в больницах не бывал ни разу.

Бабушку положили в железнодорожную. Путь туда лежал через вокзал. Мы шли, и дед показывал плоды своей работы. Все металлические штуки, что попадались и бросались в глаза, — варил он. Перила, уголки, стойки. Дед считался авторитетным сварщиком и везде подтверждал свое мастерство буквенным клеймом. Так делали кустари в царское время. И дед — в советское.

Мы вышли на перрон. С левого торца вокзала, между большими арочными окнами, висела деревянная вывеска «Парикмахерская».

Стригли на втором этаже, и, чтобы попасть туда, нужно было забраться по наружной бетонной лестнице из десяти ступенек. Меня водили делать «канадку», и я гордился тем, что, поднимаясь, все без исключения десять раз читали мою фамилию: на чугунном обрамлении каждой ступеньки стояло именное дедовское клеймо. Мне нравилось представлять себе, что это десятикратное заклинание помогает человеку преобразиться.

Парикмахерская находилась в бывшей привокзальной церкви Николая Чудотворца. Купола после революции снесли, и обезглавленный храм перестал выпирать над другими зданиями. Он лишь продолжал причудливо украшать вокзал своими кокошниками, на которые уже не обращали внимание. Без главок с крестами декор снисходительно воспринимался как легкий и допустимый атавизм. Все давно забыли о церкви. Да никто и не думал о ней. Все считали, что так и надо. Парикмахерская и парикмахерская.

Я и сам узнал о храме, только когда его восстановили в начале нулевых. Теперь в нем крестят, служат, и никто не верит, что лет тридцать назад народ ходил сюда совсем за другим.

Мы шли дальше по асфальтированному перрону вдоль низких окошек магазинчиков и ларьков. Они косовато глядели и скорее отпугивали, чем привлекали покупателей. Дальше стояла почта с ростовым серебристым Лениным у входа. Потом квадратное здание с ржавым балконом по всему периметру. Я всегда мечтал пробежать по нему, касаясь каждой из четырех стен.

Асфальт заканчивался, и начиналась тропинка, посыпанная гравием. Она сменялась утоптаным грунтом и травой, странно зеленеющей среди мазута.

Мы шли мимо старого пакгауза и ангаров с колесными парами. В этой железной промзоне люди находились по необходимости и чувствовался, несмотря на лето и солнце, опасный холод, как в подвале или на чердаке жилого дома. Здесь мне еще не приходилось бывать, но ничего такого, что бы меня удивило, не попадалось. Местами торчали аккуратно сложенные железобетонные опоры и сверкающие обрезки рельсов. Черные деревянные шпалы валялись как попало. Этого добра хватало везде. Я осматривался и залезал куда только мог в поисках чего-нибудь любопытного. Дед не запрещал и не нервничал. Никаких заборов и преград не существовало.

В самом конце, после здания Дистанции пути², нужная нам дорога резко поворачивала направо. Дед взял меня за руку, и мы закрипели

² *Дистанция пути* — структурное подразделение железных дорог, основной задачей которого является содержание объектов путевого хозяйства в надлежащем состоянии.

по сухим доскам, уложенным на шпалы почти вровень с рельсами. Я насчитал целых семь железнодорожных путей. Обычно поезда сновали туда-сюда и уж хотя бы один состав обязательно приходилось пережидать. Но не сегодня. Я чуть-чуть не поспедал и запинался за некоторые рельсы, которые торчали из настила и не попадали в мой ритм.

Наконец, показался красный кирпичный фасад трехэтажной больницы.

Бабушка слегла с камнями в почках или еще с чем-то таким в чем-то еще. Не помню точно. Я тогда удивился. Капитан милиции — и в больнице. Это мне казалось нелепым событием. И пугающе новым. Она никогда не болела. Или болела, но незаметно.

Мы остановились в вестибюле, и дед вызвал ее по телефону.

— В палату нельзя, говорят. Пойдем сядем.

У стены стояли точно такие же кресла, как в Доме культуры, — жесткие и с поворотными сиденьями. Мы сели в них, и я устался на бугристую стену неизвестного мне цвета.

Все казалось непривычным и чужим. Я представлял себе больницу по-другому. В моем воображении больная должна была лежать, как мумия, в бинтах и с поднятой ногой на веревке. Рядом — обязательно инфузионная стойка и дефибрилятор. Ослепительно белая палата. Мы за стеклом, а потом с разрешения врача — у койки. Все как в кино.

На деле бабушка уверенно шагала навстречу нам по слабо освещенному коридору. Так уверенно, словно она врач, а не больной. Тряпочные тапочки бесшумно шелестели по линолеуму. Обычно она носила черные туфли и вдалбливала квадратные каблуки в любое покрытие, хоть в бетонные плиты.

Вместо погон и строгой серой формы — светло-голубая пижама, вся в складках и в аленьких цветочках. Отсутствовало что-то еще, очень важное. Я пока не мог понять, что именно.

Бабушка стеснялась выглядеть как обычный больной человек. Ее это тяготило. У нее ничего нигде не болело, я уверен. Во всяком случае, она могла приказать этой самой боли исчезнуть хотя бы на некоторое время. Бабушка находилась в чужой тарелке и еле терпела свое уязвимое положение.

Она приблизилась. Я понял, чего не хватало: кобуры на ремне. Вместо него болтался завязанный спереди тканевый пояс.

Она не ожидала увидеть меня, потому что дед не предупредил, что придет не один. Он любил делать сюрпризы. Бабушка их не любила.

— Почему не сказал? — спросила она его.

Они обнялись одновременно нежно и сухо.

Любые неожиданности, приятные или не очень, вызывали ее негодование. Правда, оно быстро улетучивалось. Бабушка старалась держать все под контролем, и любые изменения вызывали в ней тревогу. Может быть, это и есть профдеформация.

— Ну и что? — ответил коротко дед. Это «ну и что» всегда, как и в этот раз, ставило точку в любом вопросе.

Она обняла меня, расцеловала и, обрадовавшись, все равно недовольно зыркнула под козырек дедовой кепки, прямо внутрь его глаз. Очень глубоко. Она так умела. Без такого взгляда сложно работать в детской комнате милиции. Я был пару раз там и видел глаза посетителей этой комнаты. В таких глазах обычному человеку неуютно.

Дед отдал ей авоськи с фруктами, печеньем и Пикулем. Пока он показывал, что где лежит, они успели поговорить обо всем на свете. Я слушал их. Оказывается, дед приходил накануне. Она спрашивала, завтракает ли он, не курит ли в туалете. Он отвечал, что завтракает и, боже упаси, не курит.

Еще спросила, не воевал ли он с кем без нее. Сказал:

— Нет.

Спросила меня то же самое про деда. Я сказал:

— Нет. А я — да.

— Ну и с кем?

— Ну там, в классе.

Я рассказал им историю о том, как не поделил маленькое место. Во время большой перемены все неслись в столовую и зашвыривали портфели куда попало вдоль стен. Я тоже делал как все, но старался не кидать, а аккуратно забросить. Отыскав свободную нишу среди сваленных сумок, я втиснул свой рюкзак, не заметив рядом чей-то еще. Потом оказалось, что его владелец — второгодник из нашего класса со странным прозвищем Джон Кровавое Яйцо.

На самом деле его звали Женя Крутов, и он один или два раза попадал в детскую комнату милиции. Бабушка знала его и спросила, зачем я связываюсь со всяким хулиганьем. Я и не связывался. Просто ему не понравилось, что мой рюкзак занял место его сумки, и он сказал:

— Пойдем выйдем!

Я согласился, и мы пошли и вышли.

Сначала просто толкались. Этим могло все и закончиться, но появились старшеклассники, и мы покатались клубком по крыльцу. Надо же показывать дело.

Почти сразу нас растащила учительница математики и под смех и улюлюканье поволокла за воротники в школу. В вестибюле нам с Джоном устроили недолгую выволочку, и мы пошли на урок. С тех пор стали дружить.

Бабушка немного поохала после слов о дружбе, покачала головой.

— Вообще, Крутов неплохой. Семья только не очень, — сказала она.

Мы посидели еще немного, сложив руки на коленях. Я ел бананы и печенье «Вагон Вилз» из бабушкиного пакета.

Она снова спросила деда:

— Точно не впутывался никуда?

Дед часто ввязывался в разные потасовки. И по делу, и просто так. В молодости он занимался боксом и числился шпаной. Может быть, таким образом он теперь ностальгировал по юности или пытался наверстать то упущенное, чем мог заниматься, если бы не встретил в своей жизни

такую бабушку. Вряд ли он мог представить, что она станет милиционером. Сначала она работала учительницей начальных классов.

Дома он не скандалил и не задибался. А на работе — частенько. Или просто во дворе. Дед почему-то многие вопросы решал кулаками. Не все, конечно. Странный дед.

— Нет! Сказал же. Других дел хватает.

У него имелся на холодильнике длинный список дел, который оставила бабушка. Он сменами пропадал на работе, потом ездил в огород, а остальное время возился в сарайке с «Верховиной». Мопед стал часто ломаться, но лес и река не станут ждать — самый сезон. И все это не входило в список.

— Обещай — пока меня не выпишут, чтобы никуда не лез.

— Куда?

— Обещай!

Дед поклялся вести себя хорошо и «делать дела из списка».

Посидев еще немного, бабушка сказала:

— Мне пора на ужин.

Мы все трое обнялись, и у них еле заметно заблестели глаза. Интересно, думал я, в каком возрасте появляется эта непременно прощальная слеза. Завтра они опять увидятся.

Мы с дедом за руку снова подошли к полотну. Перед нами прошел, сбавляя скорость, пассажирский поезд Челябинск — Санкт-Петербург. Следом медленно приближался грузовой состав. Его хвост терялся вдалеке.

— Это надолго, — сказал дед и закурил. — Опасный груз.

— Почему опасный? — спросил я.

— Все горит, все взрывается. Если спичку внутрь кинуть.

Он часто озвучивал свои хулиганские штучки, на этот раз они были пироманские.

— А если не зажигать? Спичку.

— Тогда не опасный, а обычный, как все.

Я рассматривал красивые цистерны цвета серебристого Ленина. На боку у каждой тянулась широкая желтая полоса, надпись «Химгруз» и виднелся какой-то логотип с крылатым колесом, кувалдой, разводным ключом и аббревиатурой СЖД.

Вагоны сливались в одну бесконечную тяжелую колбасу. Я сопротивлялся и старался зацепиться взглядом за какое-нибудь отличие в цилиндрах. Находил грязное пятно и прилипал к нему. Потом искал другое. На одной из цистерн кто-то перечеркнул логотип СЖД, и я провожал крест, гадая, почему и кто выбрал мишенью эту бочку с химгрузом.

— Это «эсжэдэ» означает «Советские железные дороги», — сказал дед.

— Пацан, не слушай его, — слышались сквозь шум поезда чьи-то слова. — Это не «Советские железные дороги».

Мы оглянулись. Сзади стоял человек примерно возраста деда, лет пятидесяти пяти — шестидесяти, тоже ожидающий конца состава. Он курил, держал руки в брюках, покачивался и имел наглый вид.

— Чего-о? — протянул дед.

— Северная. Железная. Дорога.

— Ты что мелешь? — На лице деда зашевелились желваки. Наверное, в тот момент у него внутри закипало нечто подобное тому, от чего в свое время извергнулся Везувий. Тогда погибло несколько городов. — Тебе откуда знать?

Человек ничего не ответил, а демонстративно сплюнул себе под левую ногу и продолжал водить глазами за каждым вагоном. Дед отвернулся, чтобы сильнее не раздражаться.

— Северная! Дятел пестрожопый, — заворчал он и добавил громко: — Северная — это «Севжэдэ». А «эсжэдэ» — советские!

Советский Союз три года как исчез, но многие составы ходили с прежними маркировками.

Человек подошел к нам. От него несло сразу и алкоголем, и соляжкой, и луком.

Я смотрел на деда снизу в предвкушении чего-то такого... Или изысканной матерщины, как он умел, или резкого апперкота. Ноздри его с торчащими седыми волосами раздувались. Дед стал похож на вагон с опасным грузом, в который летит спичка.

Человек вонял и молчал.

Если бы рядом не стоял я, если бы он не позвал меня в больницу устроить сюрприз бабуле, дед точно бы дал в рыло спорщику. «У противника — рыло, и никак иначе» — так он говорил.

Показался последний вагон состава, и я шагнул вперед, уводя за собой деда. Он ведь обещал вести себя хорошо и не ввязываться ни в какие дела.

Мы пришли в наш двор, и он сразу направился в сарайку, которая служила и гаражом, и кладовой, и мастерской.

— Я сейчас приду. — Он дал мне ключ от квартиры. — Мне надо там...

Я взял ключ, но поплелся за дедом. Он только сказал:

— Ладно. Пошли.

В углу висела старая, потрескавшаяся груша на цепях. Она жутко покачивалась, как чья-то туша, в остатках света тусклой лампочки, еле до нее дотягивающегося. Не сарайка, а место силы.

Дед скинул ветровку на мопед и повесил на руль кепку. Оставшись в одной рубашке с коротким рукавом, он поддернул брюки и встал в стойку. Перчатки висели на гвозде, но дед принялся колотить грушу голыми руками, без злости и остервенения, технично и красиво.

— Падла!

Я представил, как дико заикал воняющий человек. Вбивая кулак в коричневую массу, дед приговаривал:

— Эсжэдэ! Эсжэдэ! Эсжэдэ!

Екатерина ГОЛОВАНОВА

МЕСТЬ

Р а с с к а з

1.

История эта случилась в далеком 1985 году. Я тогда окончила девятый класс и проводила летние каникулы у бабушки в селе под Киевом. Мама с папой отправляли меня туда каждое лето: они отдыхали от меня, я — от них, и все были счастливы! В лагерь ездить я категорически отказывалась. Родители, правда, пытались приобщить меня к такому виду отдыха, потому что бесплатные путевки на папином заводе предлагали постоянно. Но пребывание в лагере не вызывало у меня восторга, хотя там было весело и интересно. Каникулы у любимой бабушки, которая балует тебя вкуснейшей выпечкой, — разве что-то может заменить это?

Но в то памятное лето я все же согласилась поехать в лагерь, и не простой, а комсомольского актива. Во-первых, было неудобно отказываться от путевки, которой меня поощрила школа за активную общественную работу; а во-вторых, моя одноклассница Инна Новикова, тоже награжденная путевкой, уже побывала там и отзывалась об ЛКА восторженно. В общем, она меня заинтриговала. И хотя мои украинские каникулы становились от этого значительно короче, я согласилась.

Месяц в селе пролетел незаметно, уезжать отчаянно не хотелось. Я звонила домой, уговаривала маму сходить в райком комсомола и, придумав какую-нибудь уважительную причину вроде сломанной ноги или воспаления легких, отказаться от путевки. Но мама была непреклонна: мол, село никуда не денется, а вот путевку такую больше уже не дадут. Грустная и слегка раздраженная, я прилетела в Горький, чтобы уже через день отправиться в лагерь.

Сбор делегатов происходил в семь часов утра около здания райкома комсомола. Папа дотащил мой тяжеленный чемодан до места, попытался поцеловать меня на прощанье, но мне было уже пятнадцать лет, и я не любила эти телячьи нежности. Похлопав меня по плечу, он поехал на работу. Как только он отошел, ко мне подлетела Инна и, схватив за руку, потащила в райком, скороговоркой объясняя на бегу:

— Где ты пропадаешь? Тебя нет в списках, только что была переключка! Я подумала, что по ошибке тебя записали в другой отряд, но тебя нет вообще нигде! Отъезд через десять минут, надо выяснить, в чем дело!

Я еле успевала за ней, лавируя между людьми и пытаюсь не споткнуться о чемоданы и рюкзаки, и смысл ее слов почти не доходил до меня. Наконец мы вбежали в здание и в холле почти столкнулись с Сергеем Воронковым — первым секретарем райкома комсомола. Инка тут же вцепилась в него и затараторила:

— Сергей, послушайте, тут какая-то ошибка. Нас от школы делегировали вдвоем. Я в списках есть, а Кати нет. Как так?

Воронков посмотрел в мою сторону, как мне показалось, очень недружелюбно и сухо спросил:

— Как фамилия?

— Голованова, — выпалила за меня Инка. Она вообще была очень бойкая и шустрая, не зря мы за глаза называли ее электровеником.

— Ну что ж, Голованова, пойдём потолкуем, — сказал Сергей, и я почувствовала, что случилось что-то очень нехорошее.

Я молча шла за ним, пытаюсь понять, в чем провинилась, но ничего, решительно ничего не приходило в голову. Инна шла рядом и тоже молчала, видимо, в ее голове варилась та же каша.

Войдя в свой кабинет и закрыв за нами дверь, Воронков еще раз бросил на меня оценивающий взгляд и сказал весьма сурово:

— Никакой ошибки нет. Просто твою кандидатуру отозвали.

Мы вытаращили на него глаза в полном недоумении. Инка первой пришла в себя и спросила:

— Как отозвали? Кто? Да этого просто не может быть!

— Вот, читайте, — Сергей достал из ящика какую-то бумагу и протянул нам.

Инна схватила листок и начала читать вслух:

«Считаю своим долгом довести до вашего сведения, что ученица нашей школы Голованова Екатерина, проходя практику в ЛТО, проявила себя совсем не должным образом: отлынивала от работы в поле, не занималась досуговыми мероприятиями и отличилась поведением, порочащим звание комсомолки. Поэтому считаю, что награждать ее путевкой было большой ошибкой с нашей стороны. Таким людям не место в этом лагере. С уважением, В. И. Кулагина, завуч по внеклассной работе».

Это все было настолько неожиданно, настолько подло, гадко и лживо, что я, наконец, вышла из оцепенения и сказала каким-то чужим голосом:

— Что это за бред? Или это розыгрыш?

— Да нет, все очень серьезно.

— Но это неправда! — вступилась за меня Инка. — Это абсолютная ложь! Вы спросите кого угодно, нашу классную руководительницу, например. Она вам подтвердит. Мы с Катей вместе везли на себе всю общественную работу, все мероприятия готовили практически вдвоем. Всю смену! В отличие от Кулагинной, которая только и знала...

Тут Инка запнулась и посмотрела на меня, в глазах ее прыгали чертики.

— Я поняла! — радостно воскликнула она. — Это же месть, просто жалкая месть! Фу, какая низость!

И тут до меня дошло, как теперь говорят — пазл сложился. Кулагина действительно мне мстила. И как только я это поняла, гнев и ярость настолько стремительно заполнили меня всю целиком, что я не сказала, а просто выплюнула:

— Вот же дрянь!

Воронков повернулся ко мне и на этот раз без всякой враждебности сказал:

— Ты давай полегче. Выбирай выражения, она завуч как-никак.

В этот момент в кабинет заглянула какая-то девочка:

— Сергей, отправляемся!

— Иду-иду, — ответил он и повернулся к нам: — Инна, бегом в автобус, а ты сиди здесь, я сейчас вернусь, и все мне расскажешь.

Они вышли. С улицы донесся сигнал к построению. Я посмотрела в окно: все уже строились по отрядам, сейчас Сергей скажет напутственное слово, и они уедут. Они уедут, а я останусь. И тут я почувствовала, как у меня защемило в носу и на глаза навернулись слезы от обиды и бессилия.

Меня нередко обижали в жизни, обзывали очкариком. Так случилось и в новой школе, куда меня перевели в пятом классе. Я была некрасивой девочкой, но зато с кулаками, и могла постоять за себя — этому меня научил папа-боксер. И когда в новом классе меня стал обижать второгодник Ромка Мурашов, завязалась такая драка, что растащить нас смогли только учителя.

В шестом классе мы еще пару раз подрались с Ромкой, а в седьмом, ко всеобщему удивлению, стали друзьями. Надо сказать, к тому времени уже не было в классе человека, который мог бы не замечать меня или не считаться со мной. У меня уже были друзья и подруги, и авторитет мой постепенно возрастал. А когда отпала необходимость в очках и мама выстригла мне челку, выяснилось, что я не так уж некрасива. Да что уж тут скромничать — многие мальчики находили меня симпатичной! А к девятому классу я стала одним из лидеров. И если внутри меня еще частенько просыпался маленький очкарик и я теряла уверенность в себе, то снаружи этого не было заметно.

Никто и никогда не видел моих слез. Плакать можно было только дома, закрывшись в своей комнате. И неважно, от чего я плакала: от несправедливого, на мой взгляд, наказания со стороны мамы; от неразделенной детской любви (а была я чрезвычайно влюбчивой) или от прочитанной книги, я не хотела показывать своих слез даже родителям. И уж тем более я не могла их показать Сергею Воронкову. И когда он вернулся, выражение моего лица было скорее злым, чем расстроенным.

— Ну, выкладывай, что вы там не поделили с Валентиной Ивановной, — сказал он, ставя у стены мой чемодан, про который я напрочь забыла.

Он пододвинул мне стул, я села и задумалась. Чтобы все было понятно, надо было очень многое рассказать.

Видя мое замешательство, Сергей сказал:

— Умные люди говорят: «Если не знаешь, с чего начать, начинай с самого начала».

— Это будет долго.

— Я никуда не опаздываю, ты теперь уже тоже.

И я начала с того самого момента, как мы в начале июня приехали на летнюю практику в лагерь труда и отдыха. Там было шесть отрядов, все из нашей школы. С каждым отрядом — свой классный руководитель, а начальником лагеря была та самая Валентина Ивановна Кулагина.

2.

В первый день стояла страшная суета, все обустроивались на новом месте. Наша компания заняла комнату на втором этаже по соседству с мальчишками из 10 «Б».

Самым интересным местом на территории лагеря была спортивная площадка, где, кроме всего прочего, стоял теннисный стол. После ужина здесь стал собираться народ: парни выпендривались на турниках, кто-то играл в теннис, кто-то просто пришел пообщаться. Ребята предложили научить меня играть в теннис, я с удовольствием согласилась, так как вообще была человеком спортивным.

Овладев азами игры, я поддалась азарту и не хотела уступать свое место у теннисного стола никому. Не сразу заметила, что среди мальчишек появились новые, совершенно незнакомые люди. Оказалось, это местные ребята пришли, так сказать, наладить контакты. Среди них выделялся высокий красивый парень, который казался старше остальных, на вид ему было лет девятнадцать. Он явно привык быть в центре внимания и поглядывал на всех свысока. Пару раз я поймала на себе его заинтересованный взгляд, что-то было в этом взгляде такое, что заставило меня смутиться. Наши мальчишки никогда так на меня не смотрели. С этого момента игра у меня не задалась, я с улыбкой сказала, что выдохлась, и села на скамейку рядом с Ирой и Наташей.

Наглый незнакомец, как я его окрестила про себя, взял мою ракетку и стал играть, явно красуясь перед нами. А когда я направилась к себе в комнату, догнал меня и, бесцеремонно взяв за руку, спросил:

— Я могу проводить?

Я выдернула руку и холодно ответила:

— Проводить можешь, но на большее не рассчитывай!

Он молча дошел со мной до корпуса, пристально посмотрел мне в глаза, отчего мне опять стало не по себе, потом наклонился и сказал на ухо:

— Не ходи гулять одна — украду. — Рассмеялся и пошел по направлению к деревне.

Я стояла как вкопанная и смотрела ему вслед.

«Господи, какой же он красивый! И какой противный», — пронеслось в моей голове.

Подожли Ира, Оля и Наташа, и мы вместе поднялись в комнату, обсуждая произошедшее. Открыв дверь, мы увидели странную картину: Лена водружала на подоконник плафон, который мы планировали заменить, но совершенно забыли сказать об этом завхозу.

— Ты что творишь? — спросила Ирка.

— Готовлюсь дать отпор кое-чьим ухажерам, — ехидно ответила Лена, выразительно посмотрев в мою сторону.

Мы подошли ближе и увидели, что плафон наполнен почти до краев водой.

— Ты что, сдурела? — возмущенно спросила я.

— Знаю я, чем все эти гляделки заканчиваются, — с неприязнью ответила Ленка. — Будут тут деревенские по ночам под окнами шастать, вызнавать, где зазнобушка живет, и зазывать прогуляться под луной. А я высыпаться планирую, на работу вставать в семь утра, мне эти шуры-муры не нужны. Будут орать — будет им холодный душ.

Она подошла к своей кровати и стала демонстративно укладываться спать, потому что протрубили отбой. Меня эта выходка просто взбесила. Я не собиралась ни с кем гулять под луной, тем более с деревенскими парнями, но какого черта она тут раскомандовалась?

— Ты психопатка! Ты что тут из себя мамочку изображаешь? А может, тебе просто завидно? — С этими словами я схватила плафон, который оказался очень тяжелым, и понесла в туалет выливать воду.

Внутри было темно, я споткнулась о какой-то выступ и упала на колени, выронив плафон в раковину. На грохот и звон прибежали обитатели соседних комнат и включили свет. Я поднялась и увидела раковину, заваленную осколками плафона и испачканную кровью. Тут только посмотрела на свои руки: правая ладонь была вся в крови.

Прибежали мои девчонки и Галина Александровна, которая попыталась промыть мне руку перекисью. Но порезов было столько, что она повела меня в медпункт, обмотав мою ладонь полотенцем.

Когда врач промыла мне руку, выяснилось, что глубокими были только две раны.

— Ты уж, пожалуйста, будь осторожней, — сказала она, закончив бинтовать ладонь. И отпустила меня восвояси с предписанием приходить каждый день на перевязку, освободив от работы в поле на пять дней.

Придя в комнату, я не увидела там ни Ленки, ни ее вещей. Девочки сказали мне, что посоветовали ей переселиться в другую комнату, где никто не посмеет тревожить ее сон.

3.

На следующий день после завтрака, проводив всех на поле, я пошла к Кулагиной, чтобы обсудить с ней план мероприятий и решить, чем общественно полезным я могу заниматься в то время, как одноклассники пропальывают капусту. Распорядок дня в лагере был таким:

7:00 — подъем, зарядка, линейка, завтрак.

8:00—12:00 — работа в поле.

13:00 — обед.

13:30—15:00 — тихий час.

16:00 — полдник.

До 19:00 — свободное время.

19:00 — ужин.

20:00 — вечернее мероприятие.

22:00 — отбой.

За три недели смены комитету комсомола предстояло организовать и провести девять мероприятий. Вот о них-то я и хотела поговорить с Валентиной Ивановной, пользуясь избытком свободного времени. Но, к моему удивлению, не смогла обнаружить ее ни в штабе, ни в актовом зале, ни в ее комнате. На всякий случай решила заглянуть в столовую.

Кулагина была там, она попивала чаек и «баловалась плюшками». Мне показалось, что мое появление несколько смутило ее: она поспешно допила чай и, завернув в салфетку недоеденную плюшку, пошла навстречу. Выслушав меня и посмотрев на перебинтованную ладонь, Кулагина подозвала какую-то женщину в белом халате и сказала, что я поступаю в ее распоряжение в качестве помощницы по столовой, а мероприятия можно обсудить после тихого часа, когда будут и другие комитетчики.

Женщина, которую звали Лидой, проводила взглядом Валентину Ивановну до дверей столовой и весело сказала:

— Вообще-то инвалидам здесь не место, ну да ладно. Будешь присматривать за дежурными, чтобы столы хорошенько протирали. Ну, можешь еще салфетки в стаканчики вставлять. Больше дел для одноруких нет.

Конечно, я старалась делать гораздо больше, например, убирать со столов у меня получалось и одной рукой. Но это никак нельзя было сравнить с работой в поле. Мне было неловко за свое вынужденное ту-неядство, и я пыталась компенсировать его, принося девчонкам из столовой плюшки, пончики или печенье, которыми столовские работники поощряли дежурных. Девочки не имели ко мне никаких претензий, только шутили, что, если мне продлят больничный, я стану такой же жирной, как Кулагина.

Действительно, та была очень толстой. И если раньше я думала, что причиной тому какая-то болезнь, то теперь, увидев, сколько времени она проводит в столовой, дегустируя то одно, то другое блюдо, решила, что болезнь тут ни при чем. Столовские посмеивались у нее за спиной и называли «большой начальник», вкладывая в эти слова двойной смысл. Но она отталкивала не столько комплекцией, сколько совершенно мужским лицом: у нее даже усики черные пробивались и несколько черных волосков торчало на подбородке. Почему она никак не боролась с этой растительностью, делавшей ее совершенно безобразной, остается загадкой.

А между тем жизнь в лагере шла своим чередом. После работы все с удовольствием отдыхали: ходили на речку купаться, в деревенский магазин за сладостями или просто гуляли, занимались спортом, читали,

кучковались (или, как сейчас говорят, тусовались) у кого-нибудь в комнате, брэнчали на гитарах и пели. Вот только участвовать в организации мероприятий никто не хотел. И мы с Инной Новиковой, которая тоже была в комитете комсомола, прикладывали кучу сил, чтобы заинтересовать, а иногда и просто заставить людей хоть что-то делать. Пару раз даже пришлось применить «тяжелую артиллерию», то есть пожаловаться Кулагиной.

Конечно, для всех, и для меня в том числе, гораздо интересней было неформальное общение. Иногда после отбоя, когда все в нашем корпусе засыпало, в том числе и классные руководители, к нам в гости приходили соседи — мальчишки из 10 «Б». Мы зажигали свечку, и начинались совершенно безобидные ночные посиделки, когда говорить можно только шепотом, а смеяться — только в подушку. Мы гоняли чай, трескали печенье, пряники, а иногда и консервы, которые по ночам казались особенно вкусными. Рассуждали и спорили обо всем на свете: о фильмах, книгах, нашем будущем... И хотя кое-кто из мальчишек нам нравился, эти посиделки носили всегда чисто дружеский характер.

На восьмой день мне наконец разрешили поехать на поле. Не могу сказать, что заниматься прополкой понравилось, зато совесть моя успокоилась. Но не успела я втянуться в работу, как дня через три или четыре снова получила травму: случайно разбила стакан и умудрилась при этом порезаться.

Когда Галина Александровна опять привела меня в медпункт, врачиха всплеснула руками и сказала:

— Держите все бьющиеся предметы подальше от этой девочки, я хочу спокойно уйти в отпуск, а не слезь с сердечным приступом!

И опять освободила меня от работы, но уже только на три дня: во-первых, рука была левая, во-вторых, раны были неглубокие.

Снова меня отправили в столовую, и Лида, увидев меня с перебинтованной рукой, со смехом воскликнула:

— Ох, не по душе тебе, видно, прополка, Катерина!

Надо заметить, что не шутил на эту тему только ленивый, но я не обижалась, я и сама прошла по этому поводу на нашем заключительном мероприятии.

Зато в столовой я наконец познакомилась с Сашей — мальчиком, который мне нравился. Он тогда был дежурным, и мы просто сказали друг другу «привет», как будто уже давно были знакомы. Саша оказался жизнерадостным и веселым парнем, он постоянно шутил и ничего не давал мне делать, а к концу дежурства просто ошеломил меня своим откровением.

Выяснилось, что он не раз пытался подойти ко мне в школе, но у меня всегда был ужасно неприступный, холодный и даже высокомерный вид. К тому же я была довольно известной личностью среди старшеклассников, а он — самый обыкновенный парень, да еще и младше на год. В общем, он так и не решился.

Я была неприятно удивлена: неужели я действительно хожу по школе с таким видом? Этот вопрос я решила задать моим подругам.

Ольга Глушко тут же ответила:

— Ну, вообще — да! Человеческим твое лицо становится только тогда, когда ты начинаешь с кем-то разговаривать.

— И еще когда ты улыбаешься, — добавила Ира. — Тебе очень идет улыбка.

— А почему вы раньше мне никогда ничего подобного не говорили?

— Да как-то разговор не заходил. Ну и потом — с нами-то ты всегда нормальная.

— Странно, — задумчиво протянула я, — а мне казалось, что я почти всегда улыбаюсь.

— Ну, может, про себя ты и улыбаешься, но снаружи — кремень, сталь! — засмеялась Наташка.

Вот так впервые в жизни я обнаружила, что мое ощущение себя изнутри совсем не совпадает с моим образом, который видят окружающие. Это требовало серьезного осмысления, но тогда жизнь была слишком быстра, наполнена и интересна, и не хотелось тратить время на такого рода размышления.

А смена между тем подходила к концу. Я уже давно трудилась вместе со всеми на поле. Все основные мероприятия были проведены ценой наших с Инной невероятных усилий. Особенно удались «Вечер военной песни» и «Литературная гостиная». Впереди было последнее и самое интересное мероприятие — «Космический бал», который состоял из двух частей. В первой все участники превращались в инопланетян, прибывших с какой-то целью на Землю. Каждому отряду нужно было придумать название своей планеты, внешний вид, костюмы и рассказать о планете и экипаже. Полет фантазии ничем не ограничивался, главное — чтобы было весело и остроумно. Использовать можно было любые средства: плакаты, песни, частушки, танцы, миниатюры — все что угодно. Условие только одно: должна быть затронута тема лагеря. Во второй части, уже после ужина, подводились итоги, награждались победители, а заканчивалось все дискотекой.

На очередном штабном сборе Кулагина сообщила, что в этот день мы не работаем; организовывать и проводить мероприятие будет она сама вместе с учителями, а нам надо сосредоточиться на работе в своих отрядах.

— Ну наконец-то и Валентина Ивановна делом займется, не все же ей в столовой сидеть! — шепнула мне Инка.

Мы были рады такому повороту, потому что, зная пассивность наших ребят, прекрасно понимали, что все опять придется вывозить нам.

Несколько раз мы с Новиковой пытались собрать свой отряд, чтобы коллективно к чему-нибудь прийти: чем больше людей, тем больше идей. Но оказалось, что у основной массы наших людей не было никаких идей. В результате в последний день после завтрака я, Инна и еще несколько человек засели у нас в комнате и за два часа придумали сценарий выступления, переделали несколько песен и расписали роли. Ира с Наташей пытались соорудить из подручных средств (занавесок, простыней и полотенец) костюмы.

В этом выступлении моя героиня, кроме всего прочего, должна была петь частушки на злобу дня, о тех проблемах, которые есть у них на планете, а на самом деле в нашем лагере.

Частушки я придумала уже давно от избытка свободного времени. И первую сочинила про себя. Сейчас уже не помню ее точно, но смысл был такой: лучше буду без руки, чем выпальывать сорняки. Были частушки про тех, кто плохо полел, плохо дежурил; про завхоза, у которого никогда ничего не допросишься (новый плафон нам тогда, кстати, так и не выдали); про свиданки после отбоя и даже про ночные посиделки. Я не называла ничьих имен, а если без них не получалось, то использовала нейтральные: Дуня, Клава, Трифон и тому подобные, потому что среди нас носителей этих имен не было. Примерно так: «Наша Дуня и на поле носит зеркальце с собою...»

Уже в столовой, где проходил наш «Космический бал», увидев Кулагину с пончиком в руке, я сочинила еще одну частушку. Ее я помню до сих пор:

Сидит ворон на березе, громко песенки поет.
Наша Валя из столовой еле ноженьки несет.

Она имела оглушительный успех, потому что все, от столовских работников до самого последнего восьмиклашки, поняли, о какой Вале идет речь. И хотя Валентина Ивановна смеялась громче всех, простить мне эту дерзость, как выяснилось, не смогла.

Однако по ее дальнейшему поведению никто бы не смог заподозрить неладное. Она была весела, приветлива, много и по делу шутила. Справедливости ради скажу, что с чувством юмора у нее все было в порядке. Как председатель жюри, в которое входили заведующая столовой, физрук и библиотекарь, она поздравила наш отряд с первым местом, а меня, как показалось, вполне искренне — с призом зрительских симпатий.

На дискотеку пришли даже местные ребята. Вечер получился шикарным. Я была в центре внимания, и мне это очень льстило. Да еще и Саша пригласил меня на медленный танец! В общем, я тогда была самым счастливым человеком на земле.

В честь последнего вечера отбой перенесли на одиннадцать ночи. Но мы все были возбуждены, и ни о каком сне не могло быть и речи, тем более что мы заранее договорились с мальчишками из 10 «Б», что ночью устраиваем прощальные ночные посиделки. Илюха Шумаков специально для этого приберег баночку вареной сгущенки и печенье из родительской посылки, кто-то из его друзей еще в обед сходил в сельпо за лимонадом. Мы не хотели никакой королевской ночи, завершающей смену, нам это было неинтересно, мы просто хотели собраться вот так, ввосьмером, последний раз. Потому что действительно никогда и нигде такой компанией мы уже не соберемся, не будем сидеть при свечах и разговаривать шепотом, смеяться в подушку. Потому что именно здесь, в ЛТО, за эти три недели мы сдружились; столько всего с нами

произошло и смешного, и не очень, а завтра все уже закончится. От этой мысли становилось грустно.

И вот ровно в полночь открылась дверь, ребята на цыпочках прокрались в нашу комнату. Стараясь не производить лишнего шума, мы расселись за накрытым столом. Разговор, конечно же, пошел про «Космический бал» и про ту частушку. Кто-то считал, что Кулагина несколько не обиделась, а кто-то — что просто не подала виду. Но вдруг спор наш был прерван осторожным стуком в дверь. Все замолчали и даже перестали дышать — мы спим, идите по своим делам, кто бы там ни был.

Но стук возобновился, и мы услышали голос нашей классной:

— Девочки, откройте, пожалуйста, мне надо убедиться, что вы все на месте.

Мальчики, стараясь не шуметь, поползли под кровати, а Ира Власенко, специально громко шаркая шлёпками, пошла открывать, не включая при этом свет. Галина Александровна заглянула в комнату.

— Что-нибудь случилось? — спросила Ира.

— Нет, ничего, — ответила классная, посмотрела на наш стол со свечой, но промолчала по этому поводу и, пожелав спокойной ночи, ушла.

Ира заперла дверь, и, после того как стихли шаги, ребята вылезли из-под кроватей. Мы, давясь от смеха, стали опять рассаживаться за столом. Но буквально минут через пять снова услышали стук. На этот раз стучали в соседнюю дверь, и зычный бас Льва Ароновича, классного руководителя 10 «Б», потребовал, чтобы ему открыли. Но мальчики не могли ему открыть, они сидели у нас. А Лев Аронович все стучал и стучал, пока до него не дошло, что там никого нет.

Мы пытались придумать какой-нибудь отвлекающий маневр, чтобы учитель отошел от двери, и пацаны быстренько перебежали в свою комнату. И придумали! И Наташа уже направилась к дверям, чтобы сыграть свою роль, но в это мгновение мы услышали приближающиеся шаги и голоса нашей классной и Кулагиной.

Вот принес же черт не вовремя! В нашу дверь опять постучали. Парни снова нырнули под кровати. Мы молчали, стук повторился, Галина Александровна почти шепотом сказала:

— Девочки, откройте, это я.

Ольга недовольно проворчала в ответ:

— Да мы легли уже, Галинсанна. Что вы все ходите и ходите?

— А вы не знаете, где ваши соседи? — спросил Лев Аронович.

— Так спят, наверно...

И тут вмешалась Кулагина:

— Так, хватит ломать комедию, я знаю, что они у вас. Открывайте дверь!

Делать было нечего, я потушила свечу, и Ирка открыла дверь. Валентина Ивановна ввалилась в комнату, буквально заполнив собой свободное пространство, включила свет и огляделась.

Все выглядело вполне прилично: Наташа и Оля уже лежали под одеялами, куда они нырнули, не раздеваясь, и даже выглядели заспанными,

я сидела по-турецки на своей кровати в халате и пыталась расчесывать волосы, из которых для выступления девочки соорудили нечто невероятное. Только стол немного не вписывался в картину сонного царства. Но, в конце концов, разве мы не заслужили сегодня немного сладостей? Галина Александровна, видимо, хотела побыстрее избавить нас от непрошенной гостьи и сказала:

— Я же говорю вам: здесь все в порядке.

— Голубушка, вы очень доверчивы, — язвительно ответила Кулагина, с поразительной легкостью наклонилась и, приподняв свисающее одеяло, заглянула под ближайшую кровать: — Вылезайте, товарищи инопланетяне! Вы ошиблись кораблем!

Мальчишки вылезли из-под кроватей и, сопровождаемые нотациями Льва Ароновича, отправились к себе. А Валентина Ивановна, пожелав нам спокойной ночи, удалилась, весьма довольная собой.

На следующее утро была торжественная линейка, посвященная окончанию смены. И начала ее Кулагина весьма оригинально:

— Дорогие земляне! Вчера не все участники «Космического бала» смогли благополучно улететь после отбоя на свои планеты. Один инопланетный корабль потерпел крушение, но пришельцам из 10 «Б» повезло. Экипаж звездолета 10 «А» класса в составе Головановой, Власенко, Волгиной и Глушко позволил пришельцам разместиться в грузовом отсеке своего корабля, где их и обнаружило руководство космодрома. Давайте же поприветствуем наших героинь. Выходите, девочки, не стесняйтесь, вчера же вы не стеснялись!

— А мы и не стесняемся, — крикнула Наташка и вышла из строя.

Мы тут же к ней присоединились, а вслед за нами вышли из строя и парни, хотя их никто не просил.

Все захлопали и закричали, мы всем махали и посылали воздушные поцелуи. Я не знаю, на какую реакцию рассчитывала Кулагина, устраивая этот цирк. Вряд ли нашелся хоть один человек в лагере, который нас в тот момент осуждал. Мы не испытывали стыда и просто веселились. Но, прекратив потеху, Валентина Ивановна сказала уже серьезным голосом что-то насчет дисциплины, поведения и потом разрешила нам встать в строй.

— Видимо, все-таки обиделась, — шепнула мне Ира.

Но потом, на той же самой линейке, мне и Инне Новиковой объявили благодарность за активную общественную работу. И я решила, что инцидент исчерпан.

После обеда мы уехали в Горький, а уже через два дня я была на Украине у своей любимой бабушки и даже представить не могла, что эта история может иметь такое продолжение. Но Кулагина оказалась куда злопамятней, чем мы предполагали.

4.

Когда я закончила рассказ, благоразумно опустив подробности про Сашу, наглого незнакомца и те ночные посиделки, о которых Кулагина не знала, Воронков некоторое время сидел молча, о чем-то напряженно думая. Потом он встал, прошелся по кабинету и сказал с улыбкой:

— Да, интересная история. Не ожидал от Валентины Ивановны такого, вроде не первый год ее знаю. А ты смелая девочка. Давай мы вот как поступим... Я ведь решение по тебе принимал не единолично, письмо обсуждали на заседании комитета. Поэтому отменить постановление не могу без веской причины. Мне нужны доказательства твоей невиновности. Например, письменное заявление вашей классной руководительницы. Если ты успеешь с ней встретиться и вернуться сюда до трех часов дня, то поедешь в лагерь со мной на грузовике. А если нет, то вот тебе адрес...

Он написал на бумажке, где находится лагерь:

— До Княгинина доедешь на автобусе, а вот дальше придется попутку ловить, пешком далеко, километров пять.

Я взяла записку и спросила:

— А я могу взять письмо?

— Я дам тебе копию, — ответил Сергей и, порывшись в ящике, протянул мне листок.

Я поблагодарила его и собралась уходить.

— А чемодан? — остановил меня Воронков. — Если ты уверена, что успеешь до трех, то пусть стоит тут, но если нет...

Я не была уверена ни в чем, поэтому взяла чемодан, попрощалась и вышла.

5.

Чемодан безжалостно оттягивал мне руку. Я еле-еле влезла с ним в автобус и остановилась у двери — ехать было всего две остановки. Куда, вопрос не возникал. Домой нельзя — там мама, а мне даже представлять не хотелось, что начнется, если я сейчас появлюсь. Только к Ире Власенко!

Вот ведь странно как получается: еще вчера вечером я не хотела тащиться в этот чертов лагерь комсомольского актива. Да что там вечером — сегодня утром, еще каких-то два часа назад. А теперь, когда ехать туда уже не нужно, мне надо туда позарез! Ирония судьбы или мой упрямый характер? Нет, дело не в упрямстве. Меня незаслуженно оболгали и оскорбили, и я не собираюсь с этим мириться. Я поеду в этот лагерь назло Кулагиной и всем там расскажу, какая она дрянь!

С этой мыслью я вышла из автобуса и потащилась к Ирке. В моей голове уже был план: сейчас мы позвоним нашей Галине Александровне, потом приедем к ней, все расскажем. Она, конечно же, напишет письмо или заявление Воронкову. Мы все успеем до трех, и уже вечером я буду в лагере! И моя мама даже ничего не узнает — это самое главное.

Уже в приподнятом настроении я нажимала на кнопку звонка. Мне долго не открывали... Я уже испугалась — не уехала ли моя Власенко куда-нибудь. Но вот наконец я увидела заспанное и помятое Иркино лицо.

— Ты что здесь делаешь? — вылупилась на меня подруга, сразу проснувшись.

Я втащила чемодан и рассказала о случившемся.

— Ну и свинья же эта Кулагина! — воскликнула Ирка.

Она без лишних слов принесла записную книжку, отыскала номер классной руководительницы и пододвинула мне телефон. Я набрала шесть заветных цифр — и получила в ответ долгие гудки. Повторила попытку — тот же результат. К этому я не была готова, план мой явно рушился. Власенко предположила, что Галина Александровна могла просто пойти с утра в магазин или на рынок. Эта мысль мне понравилась.

Мы позавтракали, и я вновь взялась за телефон. Все было без изменений.

— Ну и дуры же мы! — вдруг воскликнула Ирка. — Это ведь у нас каникулы, а учителя-то все работают, они дежурят по школе!

Точно! Я сама об этом слышала. Мы рванули в школу. Времени было десять часов, а значит, рабочий день уже начался. Но там нас ждала новая неприятность: школа была закрыта. На двери висело объявление, из которого следовало, что в каникулы есть приемное время — три раза в неделю. А день был как раз неприемный. Вот досада!

Но тут через стеклянные двери я увидела, что внутри кто-то ходит, и забарабанила по двери как сумасшедшая. Этот «кто-то» подошел к дверям и оказался секретаршей.

Она показала нам пальцем на объявление и собралась уходить, но я закричала ей:

— У нас ЧП, откройте, это срочно!

Она открыла дверь и впустила нас внутрь.

— Нам срочно надо найти Галину Александровну Маркину! Это очень важно! Но ее дома нет, мы звонили все утро.

— Все правильно, дома ее нет, она в санатории с сыном, — ответила секретарша.

— Как в санатории? — растерянно пробормотала я.

— А когда она вернется? — спросила Ира.

— Я точно не знаю, недели через полторы. А что случилось-то?

— Беда, — сказала я. — А директор на месте?

— Тамара Юрьевна будет в понедельник, сейчас никого нет, только я и завхоз. Из отпусков все выходят во второй половине августа. Да вы можете толком сказать, что произошло?

— Понимаете, какой-то гад прислал на меня анонимку в райком комсомола, — соврала я, — и из-за нее меня не взяли в лагерь комсомольского актива. Первый секретарь сказал, что мне надо принести опровержение, и тогда я смогу поехать.

— Так вам тогда к Кулагиной надо обратиться. Она тоже в отпуске, но, насколько я знаю, никуда не уехала. И живет она рядом со школой.

Сейчас я вам ее адрес найду. — Довольная тем, что смогла нам помочь, секретарша удалилась.

Такого поворота событий я никак не ожидала. Взяв адрес, мы в полной растерянности вышли из школы. Сев на ближайшую лавочку, некоторое время молчали. Я пыталась представить, как приду к Валентине Ивановне и что ей скажу. «Как вам не стыдно, уважаемая Валентина Ивановна, вы ведь должны быть для нас примером, а вы...» Так, что ли? До этой минуты я и не задумывалась, что нам придется рано или поздно посмотреть друг другу в глаза. Я представила ее огромную рыхлую фигуру, черные коротко стриженные волнистые волосы, мужское лицо с усиками, маленькие насмешливые глазки — и такая волна ненависти захлестнула меня, что я вскочила со скамейки и, потянув Ирку за руку, сказала:

— Пошли, сейчас я ей скажу все, что о ней думаю!

— Может, не надо? — пыталась образумить меня подруга. — Скандал будет...

Но я была непреклонна. «Буря! Скоро грянет буря!» — звучало в моей голове, и я действительно чувствовала себя Буревестником — гордым и свободным!

Оказавшись перед нужной квартирой, я перевела дух и прочитала, что было написано на табличке под номером: «Негодяев И. А.». Что?! Мы с Ирккой чуть не умерли со смеху: так вот какая настоящая фамилия у нашей Валентины! Она ей действительно подходит! И ведь не постеснялись вывесить такую фамилию в рамочку на дверь! Нашли чем гордиться. Я была уверена, что Салтыков-Щедрин придумал эту фамилию, ан нет — она существует в действительности!

Вдруг приоткрылась соседняя дверь, и на нас глянуло маленькое сморщенное старушечье лицо.

— Чего расшумелись тут? — спросила бабуля сердито.

— Извините, пожалуйста, — ответила я, вытирая выступившие от смеха слезы и делая серьезным лицо. — Мы ищем Кулагину Валентину Ивановну, но по адресу, который нам дали в школе, проживают какие-то Негодяевы.

— Да это ее девичья фамилия, а по мужу она Кулагина, — уже добродушно пояснила старушка.

Мы с Ирккой переглянулись. Никому из нас не могло прийти в голову, что Валентина Ивановна может быть замужем!

— Только нет ее. Никого нет. Муж ейный на работе, а она утром в деревню уехала, к свекрови.

— Как? — вырвалось у меня. — А вы не знаете, надолго ли?

— Откуда ж мне знать? Вы вечером приходите часов в семь, Паша уже дома будет, у него и спросите. — И старушка закрыла дверь.

Мы были в тупике. С одной стороны, неприятный разговор отложился, с другой — решение моей проблемы отодвинулось на неопределенный срок. Если Валентина Ивановна только сегодня уехала, то вряд ли она скоро вернется. Она в отпуске, что ей в городе делать? И тут меня посетила совершенно отчаянная мысль: я не буду ждать, когда она вернется, сама поеду к ней в деревню!

Я вернулась на площадку и позвонила в дверь к старушке.

— Извините, бога ради, что опять беспокою, но не могли бы вы подсказать, где находится эта деревня? Ну, как называется, в каком районе, может, есть точный адрес? — запричитала я, как только открылась дверь. — Понимаете, очень срочное дело.

— Точный адрес не скажу, не знаю, а деревня называется — Безводное, недалеко от Кстова. А зовут Пашину мать — Марья Федоровна.

Мы поблагодарили разговорчивую старушку и, не торопясь, вышли из подъезда.

— Ты серьезно решила к ней поехать? — после недолгого молчания спросила Ира с недоверием.

— Да. Я твердо решила с ней поговорить, раз по-другому не получается. И потом, мне очень хочется посмотреть ей в глаза! Плевать мне на этот лагерь, если честно. Я и ехать туда не хотела, ты же знаешь. Но теперь это дело принципа! Если ты не хочешь со мной тащиться в эту деревню, не обижусь.

— Я поеду. Мне все равно делать нечего, — ответила Ирка.

Я была рада! С подругой я чувствовала себя гораздо увереннее. Мы вернулись к ней домой, наделали себе в дорогу бутербродов, налили в термос чай; запихнули под ее кровать в самый дальний угол мой чемодан, чтобы у родителей не возникало ненужных вопросов, и поехали на автовокзал.

Билеты на пригородные автобусы стоили в то время копейки, поэтому трешницы, которую дал мне папа утром, хватало с лихвой. Мы подошли к кассам и стали изучать расписание, однако никакого Безводного и никакого Кстова не обнаружили. Выяснилось, что в этом направлении автобусы отправляются с другого вокзала, почти с конца города. А времени, между прочим, было уже двенадцать часов, и становилось очевидным, что к трем мне уже никак не успеть.

На автостанции оказалось, что наш автобус только что ушел, а ближайший будет только в четырнадцать тридцать. Но кассир, видя, как я расстроена, предложила ехать с пересадкой в Кстове. Так получалось чуть дороже, но гораздо быстрее. Мы согласились и уже через пять минут ехали в направлении Кстова. Ира поинтересовалась, как я планирую искать Кулагину. А действительно, как? Об этом я не подумала.

— У моей бабушки в селе все старики и старушки друг друга знают, — помолчав, ответила я. — Думаю, везде так. Еще продавщица в сельпо всех знает, почтальон тоже. Найдем, не переживай. Меня волнует, что я до трех уже не успею. Придется с этим чемоданом самой таскаться.

В Кстове мы быстро пересели в автобус до Безводного и через полчаса были на месте. С нами в полупустом автобусе ехала в основном молодежь, и только одна пожилая женщина с усталым бесцветным лицом тряслась на заднем сиденье. К ней я и направилась, когда автобус остановился, помогла вынести тяжелые сумки и задала интересующий вопрос.

— Нет, доченька, никого я здесь не знаю, я вообще не в деревню. Тут колония недалеко, к мужу еду. А в Безводное вон по той дороге минут пять.

Мы пошли, и только тут я почувствовала, что очень устала и хочу есть. Мы сели в траве на обочине и стали уплетать бутерброды с чаем. Ира спросила:

— А ты придумала, как будешь разговаривать с Кулагиной?

Я помотала головой. Всю дорогу я пыталась представить себе нашу встречу, прокручивала разные варианты — все выглядело глупо или смешно. Я не хотела ее ни о чем просить, не хотела перед ней унижаться, но как построить разговор, не знала. Да, правда на моей стороне, но я ученица десятого класса, а она — завуч. Хуже всего было то, что моя решимость таяла на глазах. Я сидела на обочине и понимала, что хочу только одного — сесть в автобус и уехать обратно.

Тогда я достала из кармана злополучное письмо и еще раз его прочитала, чтобы опять разозлить себя. Это сработало. Я встала и сказала:

— Я протяну ей письмо и скажу твердо: «Вы должны переписать это, потому что сами прекрасно знаете, что здесь нет ни слова правды!»

Ирка одобрительно кивнула, и мы пошли в деревню.

Первый же попавшийся мужик поставил нас в тупик: оказывается, полдеревни носит фамилию Кулагины, половина из них Марьи; есть среди них и Федоровны, но он не знает ни одной, у кого был бы сын Паша.

Вот те раз! Впрочем, мы не расстроились, а пошли в магазин. Я была уверена, что продавщица нам поможет. Но и там нас ждала неудача: сказали примерно то же самое. Тогда мы решили зайти с другой стороны и описать внешность самой Валентины Ивановны, уж слишком она была колоритна, чтобы оставаться никем не замеченной. И это сработало. Одна женщина сказала, что сейчас, подходя к магазину, встретила такую даму.

Мы рванули в указанном направлении и почти сразу заметили впереди грузную фигуру Кулагиной. Она шла не торопясь, обмахиваясь платочком. На ней был выцветший халат, на голове — какая-то нелепая панама, и вся она была какая-то мягкая, домашняя и совершенно безвредная. И не верилось, что письмо, лежащее у меня в кармане, способно написать такое безобидное создание.

Мы шли следом за Валентиной Ивановной на расстоянии трех шагов, но я не могла пересилить себя и окликнуть ее. Мы просто молча шли.

Кулагина свернула с дороги на тропинку, мы — за ней. Она подошла к калитке, открыла и, войдя во двор, повернулась, чтобы закрыть ее, и в этот момент увидела нас.

Она окаменела: рот чуть приоткрыт, в глазах ужас, рука застыла в воздухе. Мы молча смотрели на нее, она — на нас. У меня пересохло во рту. Наконец, она пришла в себя и выдавила удивленно:

— Девочки? Вы как здесь?

Ира толкнула меня в бок, я вынула из кармана письмо и протянула ей со словами:

— Сергей Воронков сказал, что нужно переписать.

В этот момент из дома вышла невысокая приятная старушка в белом платочке и переднике и, всплеснув руками, проговорила:

— Валюша, у тебя гости? Что же вы стоите там? Проходите, проходите!

— Большое спасибо! Не беспокойтесь! Мы на минуточку, нам на обратный автобус надо успеть.

— Так вы из Горького приехали? Валечка, девочки же с дороги, их надо покормить!

— Да, конечно, — без энтузиазма согласилась Кулагина и взяла у меня из рук письмо.

Стараясь не смотреть на меня, она проговорила:

— Сейчас перепишу, — и исчезла в доме.

Пока Валентина Ивановна отсутствовала, ее свекровь суетилась вокруг нас и, усадив за стол в беседке, кормила пирогами и яблоками. Конечно, поинтересовалась, что привело нас в такую даль. Но разве я могла сказать правду? Наплела, что забыла вовремя взять характеристику для лагеря комсомольского актива, а без нее никак нельзя. Вот, пришлось подсуетиться. Она погладила меня по голове и сказала:

— Не переживай, доченька, Валюша напишет хорошую характеристику, она очень добрая. Ей-то самой Бог деточек не дал, вот она с чужими и работает. Очень она вас любит.

У меня просто ком в горле встал от этих слов, я с трудом проглотила пирог и посмотрела на Иру. Она тоже была ошеломлена.

Но Марья Федоровна, казалось, не заметила, какой эффект произвели на нас ее слова, встала и направилась к дому:

— Сейчас принесу самовар.

Мне почему-то стало стыдно перед этой доброй старушкой, как будто и моя вина была в том, что у ее невестки нет детей, а у нее — внуков. Я осмотрела двор: он был аккуратный и ухоженный. Чувствовалось, что все здесь: цветники, кусты, лавочки, дорожки — окружено любовью и заботой. И мне стало так жалко и Марью Федоровну, и Валентину Ивановну, что у меня опять защипало в носу.

В этот момент из дома вышла Кулагина и, не глядя на меня, положила на стол листок. Я взяла и пробежала его глазами. Это была характеристика, с которой хоть сейчас вступай в партию. Пока я сворачивала ее, чтобы убрать в карман, Валентина Ивановна протянула мне еще небольшую записочку, сказав при этом:

— Это лично Воронкову.

Мы встали из-за стола и направились к калитке, но в этот момент появилась Марья Федоровна с самоваром в руках.

— Как, вы уже уходите? А как же чай? — В ее голосе было столько искреннего сожаления, что я не на шутку испугалась, что могу заплакать.

Но Валентина Ивановна сказала:

— Мама, поймите, девочкам же в Горький надо вернуться, им нельзя опаздывать на автобус.

— Ну, хоть яблочек тогда возьмите, — взмолилась Марья Федоровна и, взяв с крыльца корзинку, полную яблок, стала высыпать их в Иркину сумку.

Мы поблагодарили ее и наконец-то ушли.

Некоторое время мы шли молча, каждая из нас пыталась переварить увиденное и услышанное. Меня не покидало тягостное чувство, что я подсмотрела в замочную скважину кусочек чужой жизни, который никак не предназначался для посторонних глаз. Новая характеристика не радовала, на душе скребли кошки. Когда мы подошли к остановке, там уже стоял автобус до Горького, который отправился, как только мы сели.

Через некоторое время Ира задремала, а я все пыталась разобраться в себе, в Кулагиной, в жизни. Если бы Валентина Ивановна действительно была такой плохой, какой я ее считала, разве бы свекровь говорила о ней с такой нежностью и любовью? Вряд ли. Снова и снова я видела добрые глаза Марьи Федоровны и слышала ее слова: «Ей-то самой Бог деточек не дал...» Вот она — трагедия и для Валентины Ивановны, и для ее мужа, и для свекрови. А лишний вес — это, видимо, последствия. А я про нее частушку! Для меня это был просто способ выпендриться, а у человека — боль. И сколько же нужно было ей самообладания, чтобы смеяться тогда вместе со всеми!

В моей душе больше не было никакой обиды. Я снова вспомнила ее толстую рыхлую фигуру, черные коротко стриженные волосы, некрасивое мужское лицо с усиками, и так мне стало жалко эту женщину, так стыдно за свою дурацкую выходку, что я подумала: когда начнется учебный год, обязательно попрошу у Кулагиной прощения за ту частушку, и от этой мысли мне полегчало.

6.

В город мы приехали в пятом часу. Чтобы взять билет до Княгинина, следовало ехать на другой вокзал, и стало абсолютно ясно, что сегодня я уже никуда не уеду. Ирка сказала, что я могу переночевать у нее, ее брат Серега уступит свою кровать и поспит на полу, ему не впервой. Я с радостью согласилась.

Но воспользоваться ее предложением мне не удалось. Билетов до Княгинина не было ни на завтра, ни на послезавтра. Что называется — приехали! Выбора не было, я взяла билет на послепослезавтра, и мы поехали к Ире. Три ночи я не могла у нее ночевать, не вызывая подозрения ее родителей, это и ослу понятно. Вполне мог обнаружиться и мой чемодан. Пришлось идти домой. Серега дотащил поклажу до моей квартиры, пожелал мне удачи, и я нажала звонок.

Дверь открыла мама. Вскрикнула, побледнела, приложила руку к сердцу и прошептала:

— Что случилось? Тебя выгнали? За что?

— Да никто меня не выгнал, успокойся! Просто надо было взять справку из поликлиники, а я забыла. Ты же знаешь, у меня всего один день был на сборы. — Говоря это, я вошла в квартиру и закрыла дверь: — Я бы сегодня уже и уехала, но билетов нет до Княгинина. Так что поеду через два дня. Вот билет.

Я помахала билетом перед маминым лицом.

Мама немного успокоилась и стала греть мне ужин, но видно было, что ее что-то тревожит.

— Нет, — вдруг сказала она, — одна ты не поедешь! Сейчас придет папа, и мы все обсудим.

«Вот, новый поворот», — мелькнуло в моей голове.

— Какой папа?! При чем здесь папа? Уж не хочешь ли ты сказать, что он меня повезет в лагерь как маленькую?! — возмущенно выпалила я.

— А ты и есть маленькая, тебе всего пятнадцать! Ты никогда не ездила одна за пределы города. Если бы тебя там могли встретить у автобуса, то я бы еще подумала. Но ведь никто тебя встречать не будет. И потом — с тобой вечно что-то случается! А лагерь, насколько мне известно, даже не в самом городе. Туда ты как собираешься добираться?

— На попутке, — не подумав, ляпнула я.

— Одна, на попутке! Да ты в своем уме?! Ты же девочка! Мало ли кто там, на дороге, тебе попадется! — Мама села на своего любимого конька, и спорить с ней было совершенно бесполезно.

Я ушла в ванную, включила воду, но и сквозь шум воды было слышно, как мама все приводит несокрушимые доводы ускользнувшему оппоненту. Лежа в ванне, я вдруг почувствовала, что смертельно устала и не могу ни шевелиться, ни говорить, ни думать, и если бы можно было спать прямо здесь, то я не вышла бы отсюда до утра.

На следующее утро папа ни свет ни заря сгонял на автостанцию и купил себе билет на мой автобус. А еще через день мы с ним поехали в лагерь. Настроение у меня было ниже плинтуса, я не испытывала ни радости, ни гордости, ни удовлетворения при мысли о том, как я протяну Воронкову новую характеристику. Мне было все равно, как он отреагирует.

И тут я вспомнила про записочку, которая предназначалась лично ему: интересно, что Кулагина написала в ней? «Новую характеристику я писала под пытками» или «Сама не знаю, как так вышло, видно, черт попутал», или... В общем, фантазия моя разыгралась, я придумывала одно объяснение нелепее другого, и когда мы приехали в Княгинино, у меня уже было отличное настроение. И то, что меня провожает папа, уже не раздражало. А даже наоборот — радовало: мне не нужно было самой таскать свой чемодан.

До лагеря мы добрались быстро и с комфортом: папа на вокзале договорился с каким-то водителем, и нас довезли прямо до ворот. По дороге я пыталась уговорить папу вернуться на этой же машине обратно, но он был неумолим — мама велела ему вручить меня лично в руки начальнику лагеря и, только убедившись, что со мной больше нет никаких проблем, ехать обратно.

Мы пошли искать штаб.

Сергей Воронков был удивлен моим появлением, пожалуй, не меньше, чем Кулагина. Мне стало сразу понятно, что он никак не рассчитывал увидеть меня вновь. Но он улыбнулся и пошел мне навстречу со словами:

— Привезла письмо от классной руководительницы?

— Привезла, — сказала я, тоже улыбаясь, — только от Валентины Ивановны.

И протянула ему листок и записочку, в которую мне всю дорогу очень хотелось заглянуть, но я сдержалась.

Изумление на лице Сергея по мере чтения все возрастало. Наконец он воскликнул:

— Ничего не понимаю... Как такое возможно? Это же полная противоположность первому письму! Как это может написать один и тот же человек? Что ты сделала с Валентиной Ивановной? Признавайся!

— Может, объяснение в той записке?

Воронков развернул бумагу, прочитал и показал мне. Ясности она не прибавила: «Сергей, возьмите девочку в лагерь, я потом все объясню. Валентина».

— Ну что ж, добро пожаловать в лагерь! — сказал Воронков и, взяв у папы, который ждал у входа, мой чемодан, проводил меня в отряд.

Смена пролетела как один день. Инна Новикова говорила правду — жизнь в лагере была насыщенной, веселой и интересной. Я с головой окунулась в нее, ни разу не пожалев о том, что все-таки приехала сюда. Расставались со слезами — так все сдружились. Но каждого из нас ждали свой город, своя школа и новый учебный год, а меня — еще и встреча с Кулагиной.

Надо сказать, никаких неожиданностей эта встреча не принесла. Валентина Ивановна общалась со мной так, будто ничего не произошло, но я чувствовала в ее присутствии неловкость. Думаю — и она тоже, только не подавала виду.

Прощения за свою частушку я так и не попросила.

Мария ТЕПЛЯКОВА

ВОЗДУХ МОЛИТВЫ

* * *

Твоего ничего.
Все Господнее, все голубое,
Все зеленое, нежное, странное...
Тронешь рукой —
И сияние тут же угаснет...
Касайся без боли,
Только сердцем и только свободно,
Негромко, легко.
Твоего ничего.
Кроме тонкого мудрого взгляда,
Кроме тихой улыбки
И знания сути вещей.
Твоего ничего.
Ничего потому что не надо.
Только воздух молитвы
Да радости чистый ручей.
Твоего ничего.
Все когда-то вернется к истоку,
Отшумит, отболит, отволнуется,
Канет без сил...
Твоего ничего.
Кроме пройденной долгой дороги,
Кроме светлой любви,
Что на этом пути подарил.

* * *

Благословенно царство красоты.
Земля растит деревья и цветы,
И воздух разливается над ними.
Вода связует жизни хоровод,
Огонь внутри таинственно поет.
А человек стоит посередине.

Что человек?.. Он хрупок и горяч,
Вдыхает небо — выдыхает плач,
Возьмет любовь — назад вернет сомненье...
О человеке, как тебя любить,
Чтоб мог ты чутким и свободным быть,
Не становился камнем преткновенья?

Ты в этом теле будешь не всегда.
Ветшают горы, устает вода,
И голоса все тише, все природней...
Но если научился доверять,
То разве страшно что-то потерять,
Когда ты сделан из любви Господней?

Когда ты дверь, прозрачное стекло,
Когда через тебя другим светло,
Тогда ты есть и к главному причастен.
Откуда в теле хрупком столько сил?..

Последний день, как первый, так же синь.
И так высок, и, Господи, так ясен.

Андрей МАКАРОВ

ЗОЛОТЫЕ РЫБКИ

Р а с с к а з

Всякая конечная остановка как маленький порт в океане мегаполиса. Невелик выбор у того, кто оказался на ней: хочешь — заверши путь и обзаведись норкой в коралловом рифе новостроек, хочешь — продолжай плавать по кругу. Можно, конечно, выбрать новый маршрут, из тех, что указаны в расписании, и двинуться наугад в неизвестность — но только, скорее всего, путешествие обернется таким же точно островом, как две капли воды похожим на тот, откуда начиналось.

Потому пристань «конечной» всегда щедро засыпана лузгой семечек и окурками, а в ее памяти хранится многоязычный словарь недобрых слов и выражений. Тут не место для уютного отдыха. В особенности, если студёный январский ветер, летящий сквозь круг, где ждут команды на отправку потертые маршрутные ЛиАЗы, действительно холоден, да еще и пропитан мелкой снежной крупой, жесткостью не уступающей песку.

Граждане, по-зимнему громоздко одетые, прячутся от поземки за стеклами остановочного аквариума. Взгляды то и дело безнадежно возвращаются к темным силуэтам неприступных автобусов и приземистому домику диспетчерской в дальнем конце площадки. Словно капитаны каботажных судов, водители исчезают в этом строении надолго и обратно в рейс не торопятся — то ли и вправду рубятся в домино, то ли просто подчиняются не слишком гуманному графику. Нетерпение будущих пассажиров постепенно сменяется злостью, но и ту в конце концов вытесняет глубокое равнодушие. Фатализм побеждает. «Когда поедем? — Когда надо, тогда и поедем». Ни пейзаж, ни порядки не меняются тут годами.

Артем воспринимал замершую остановку и ее немногочисленных аборигенов сквозь лобовое стекло машины. В теплый салон проблемы городского транспорта не проникали. Черный поблескивающий «гелендваген» на исходе дня вкатился на разворотную площадку автобусов и встал в самой ее середине, словно пиратский бриг на рейде, начисто проигнорировав знак запрета на въезде. Оно и понятно: ГИБДД проверять спальные районы вообще не любит, а уж в такую погоду тем более. А всем прочим — по барабану. Да и эти — не раз проклятые служители свистка и гололеда — кто они супротив частного капитала?

Артем вздохнул.

Впрочем, простые граждане, маявшиеся в ожидании автобуса, при виде наглого чистенького внедорожника зашевелились. Неуклюжая квадратная тетка в длинной шубе из поддельного бобра насупилась, оттопырив нижнюю губу. Не бобреха, а целая матерая медведица, пропустившая время впасть в спячку. СССР развалился, но пролетарии выжили. Их голыми руками не возьмешь. Скользкие, как рыбы из илистой протоки. Бдят про запас. Непримиримы до первого доллара.

Презрительно кивнув в сторону джипа, толстуха что-то пробурчала стоящей рядом с ней сгорбившейся тщедушной старушке в потертом пальто, латаных разношенных валенках и сером пуховом платке. Та в ответ часто закивала головой, переступила с ноги на ногу и бережливо подтянула вплотную к себе за выдвижную ручку небольшую, тесно набитую хозяйственную сумку на колесиках. Однако разговор не поддержала. Старый пролетариат страху научился. Откипел разум возмущенный. Лишенный прав гегемон поневоле делается осторожен. О чем она думает — свидетельница пламенных речей и современница великих репрессий? Молится, небось.

«Умягчи наши злые сердца, Богородица. Не дай нам, Мати Милосердная, погибнуть в жестокосердии нашем или от жестокосердия ближних... Прости нас всех, Отец Небесный. А стужа-то какая нынче! Когда уж этот автобус чертов придет? Внучка, поди, уж заждалась совсем. Я ведь засветло обещалась приехать... Как там Ванюшка? Авось, полегче ему. Морсика им клюквенного сварю. Морсик, он полезный. Он от природы-матушки, кормилицы нашей. Не поганым таблеткам чета. Враз всю хворь погонит, силы вернет... Ангела ему, Ванюшке-то, ангела-хранителя. Господи, дай всем-всем-всем здоровья, всем людям дай, чтоб не обидно... Ангела хранителя дай, чтоб им пусто было, паразитам!»

Отвернулась старушка. Крестится. Зато пара разбитных девиц у края тротуара прервала оживленную беседу и беззастенчиво усталилась на «гелендваген», стараясь разглядеть за бликующими стеклами владельца иномарки. Закрутили головами, прищурились. Эти всегда на стреме. Охотятся в паре. А предложи одной на выбор сесть в роскошный «мерин», zenки друг дружке выдерут. Даже без накладных ногтей. Полная боевая экипировка: норковые шубы из лоскутов, кожаные липкие юбки, сомнительной стройности ноги затянуты в яркие цветные лосины. Ну и длинные холодные черные сапоги, конечно. Этим пираньям нужна заметность. И детали соответствуют. Адски-пламенные от жирной помады губы. Бантиками. С годами бантики поблекнут, станут карминовыми, а позже — бледными, как выгоревшие шезлонги на турецком пляже.

...Стоящий подле девиц коренастый мужичок средних лет в засаленной дубленке и лохматой шапке-ушанке глянул сначала на «гелендваген», потом на лосины оттенка созревших фруктов и не сдержал сальной ухмылки. Все мысли на рожке написаны.

«Цыпы какие! Расфуфырились-то! Тощие, правда. Как селедки. Но и селедки хорошо, если на дачку их, к баньке, к водочке с огурчиком. Вот там отожгли бы мы с ними по полной программе. А чего — я ж

старый конь. Ни одной борозды пока не испортил. Я б в эти гаечки болтик ввернул... Я-то умею. А то ж! Опыт-то не пропьешь. А после веничком, веничком, по распаренным ягодкам и ягодицам... До поросычьего визга. Красота!»

В зрачках мужика мелькнули острые огоньки. Вызывающе взглянув на девиц, он докурил сигарету, бросил привычным движением руки дымящийся окурочок на обледеневшую поверхность тротуара и сплюнул себе под ноги. Плевков к плевку. Быдло, оно и есть быдло. Тоже ведь пролетарий. Плотоядный.

Непотухший окурочок, подпрыгнув несколько раз на бугристой серой наледи, подкатился прямо к сапогам девиц. Окурочок к окурочку. Одна из них мгновенно обернулась в сторону мужика, смерила его с ног до головы высокомерным брезгливым взглядом толсто подведенных глаз и, отвернувшись, с омерзением пнула курящийся чинарик на мерзлую, сдобренную снегом, песком и мелким гравием проезжую часть. Взгляд у мужика погас, потемнел, озлобился. Смена жанра. Теперь и монтировкой по голове огреть может.

Артем усмехнулся. «В мире животных». Хорошая была передача.

В льдисто-прозрачном воздухе неспешно плыли лоскуты пара, выдыхаемого людьми и не людьми — машинами, зданиями. Тусклое солнце то и дело застилало густые клубы дыма от видневшихся невдалеке высоких кирпичных труб. Разбухая на глазах, белесая пепельная муть медленно поднималась вверх, в нафталиново-бледное низкое небо, подернутое морозным туманом. Зимнее дыхание города. Табак. Жизнь среди смерти. Смерть среди жизни. Не остановить. Земную жизнь пройдя до половины, застрял я на автобусном кругу.

Дышали незаглушенными двигателями скопившиеся на парковке в ожидании своего рейса разномастные автобусы. Выключи зажигание, и больше не заведется. Белоснежный иней и морозные узоры на окнах. Надышали. Сколько времени прошло, а узоры все те же. Вот и фонари зажгли, как прежде, — предупреждение о скорой ночи. Помню, помню я тот холод остановочный. Только обувь у меня теперь натуральная, кожаная. Не трескается на морозе. Не то что почти забытый — и слава Аллаху — «дерьмантин». Тот, что с заплаткой на сгибе, на предательски видном месте. Артем усмехнулся воспоминанию: неловко было тогда. Перед ней. Перед той, из-за кого мерз.

Внезапно окна «мерседеса» начали запотевать. Дующий из диффузоров теплый воздух стал тягучим, противно-душным. Твою ж дойчемать! Недовольно цокнув, Артем приспустил боковое окно. Подъемный механизм сработал бесшумно и плавно. Несмотря на армированное, с палец толщиной, тяжелое стекло.

Морозная свежесть, как мощная штормовая волна в приоткрытый иллюминатор, уверенно и беспардонно ворвалась внутрь салона. Артем глубоко вдохнул, задышал намеренно часто, освежая легкие. Вдох, выдох. Как в детстве, в трескучие морозы. Когда к чугунным батареям в доме нельзя было прикоснуться и ночью становилось душно, он выбирался из теплой постели, в одних трусах взбирался на подоконник,

открывал форточку и дышал. Дышал глубоко и слушал далекие гудки маневрового поезда... И слышал дыхание.

Раньше и не думал, что у нас на всех одно лишь дыхание. Дышать легко. Дышать насколько можешь глубоко... А какая все-таки толстая броня у стекла! Как кромка большого аквариума. Просто так не разбить. Ни снаружи, ни изнутри.

Некстати, неожиданно зазвонил смартфон, вставленный в держатель на передней панели машины. На экране высветилось широкое небритое мужское лицо с подписью «Ваха».

«Что? Прижало тебя, Вазген?! Без меня куда?»

Артем прикрыл окно, оставив небольшую щель, и провел указательным пальцем по дисплею от красного кружка к зеленому:

— Слушаю. Говори!

— Здравствуй, мой дорогой! — послышался из динамика узнаваемый голос с акцентом. — Ты представляешь, эти падлы совсем страх потеряли! Меня нагнуть решили. Думают, нет у Вазгена настоящих друзей, никто ему не поможет...

— Вазген, дорогой, ближе к делу. Некогда.

Пусть почувствует. Нужность требуется дать прочувствовать. До мозга костей. Раз нет глубины...

— Дорогой мой, золотой мой! Можешь там кое-кому звякнуть, за хорошего человека нужное слово сказать, а я, ты ж меня знаешь, в долгу не останусь, по-человечески, по совести, как по чину полагается, отблагодарю.

— У нас не звякают, Ваха. У нас звонят. Ладно, я позвоню.

— Вот ты, мой золотой, цены тебе нет. Знал, что не откажешь!

— Ладно, давай. На связи.

Золотой, твою мать! Как рыбка у Пушкина! Вот возьму и оставлю тебя у разбитого корыта. Всем вам в столбовые дворяне хочется. А чуть расслабишься, и вы уже во владыки морские лезете. Ничего, пусть подергается. На пользу. Артем бросил взгляд на мутное небо через уже отпотевшее лобовое стекло. Мутный туман. Везде мутный туман.

Смартфон снова ожил. С экрана смотрела голубоглазая блондинка. Вика. Жена. Миленькое, без единой морщинки, округлое лицо. Сплошная ретушь — фотошоп нервно курит. И онлайн курит, и офлайн тоже. Сперва хочется быть красивой, потом — молодой, и всегда — самой обаятельной и привлекательной. Лицо, утомленное процедурами. Смазка больше, чем жизнь. Кожа покрывается щербинками, каждое утро требует штукатурки. В спальне — гримерка, на выходе — театр. Зато каждый день. В жизни есть уверенность и постоянство...

Он помедлил, вздохнул и выключил звук на смартфоне. Прием отменяется до... «Ушел на базу». А ведь он совсем не помнит, как его Вика выглядит. Глаза точно — небесно-голубые. Ну и выпуклости... где надо — гладко, где надо — шерсть. А в целом — не складывается. Пазлы, сплошные пазлы в голове. А может, не в ней дело? Может, возраст берет свое и не отдает чужое? Было же когда-то иначе: мир воспринимался сразу весь, от одной точки до самых дальних уголков Мирового океана.

...Учительница английского языка, невысокая щуплая женщина с седыми волосами, собранными сзади в пучок и закрепленными простой заколкой-крабиком. Внешность и одежда «серой мышки». Образ-клише. Чертит мелом на доске какую-то схему к новой теме. Матовый свет осеннего дня в широких школьных окнах. Серо-зеленые стены класса, напоминающего неглубокую заводь пруда, где замерли смешные головастики. Томящая тишина, ровное дыхание и шорох шариковых ручек в толстых тетрадах. Первый урок. Девять утра на беззвучных настенных часах. Памятный день. Помнишь, как вчера. Даже дата помнится: девятое сентября. Вот только год?.. Какой был год?..

Он встряхнул калейдоскоп памяти, и картинка ожила: внезапно приоткрылась входная дверь и в помещение заглянула Ольга Ивановна — их классная. Затем дверь распахнулась полностью и женщина решительно шагнула в класс, пропуская вперед и подталкивая смуглую кареглазую девчущку в белоснежном костюмчике, с туго заплетенными в две косички темными волосами: «Тихо, тихо! Садитесь. Это новенькая. Карина. Прошу любить и не обижать».

В класс вдруг разом вернулись цвета и краски. Так бывает, когда посреди сумрачного дня небо неожиданно расчищается, голубеет, и из-за разбегающихся в стороны хмурых облаков выглядывает ослепительное солнце. Новенькая? Ого! Ишь ты! С точеным выразительным личиком, мягко вздернутым носиком, изящно изогнутыми бровями, крупными янтарными глазами и длинными смоляными ресницами. А еще сразу заметились и запомнились восхитительно трогательные ямочки на щеках. Ах, эти очаровательные ямочки!..

Так зачем я здесь? Ради них? Зачем возвращаться и искать следы того, что уже давным-давно окончено? Или не окончено?

Артем снова вздохнул и оглядел окрестности, пытаясь отделить новое от давно памятного.

...Обшарпанное здание автовокзала с запыленными двойными витринами. Со времен перестройки, наверное, не мыли. Или со времени постройки? Рядом двухэтажная административная коробка из белого силикатного кирпича. По всему фасаду аляповатые рекламные растяжки и вывески. Купите, заложите, оформите. Дешево, выгодно, быстро. Доходчиво и сердито. Народ клюет, как дурная рыба в речной заводи. За тысячи лет мыши так и не научились избегать мышеловок.

А вот и кафе. До сих пор на месте. И, судя по всему, не бедствует. Обрело новую крышу из багровой металлочерепицы и кофейного цвета стеклопакеты на окнах. Перестроились владельцы. Пережили. Выжили. Разжились на потоке. Ого! И статус подняли! Не кафе теперь это, а поди ж ты, ресторан «Старая гавань»! Неоригинально, конечно, но в таком месте ожиданиям соответствует.

Что ж, надо идти, коль приехал.

Артем поднял до упора боковое стекло, встряхнул головой, скидывая обрывки случайных мыслей и, мягко потянув ручку, вышел из машины. Обиженно заиграл оставленный в держателе телефон. Опять звонила Вика. Брать или не брать, вот в чем вопрос! Поколебавшись

секунду, Артем отвел взгляд от назойливого девайса и снова посмотрел на «Старую гавань». «Для остановки нет причин», — вспомнилось вдруг из Высоцкого. Иди. Мало ли чего там звонит.

Смартфон не унимался, оглашая ритмичной мелодией остановку и отчаянно привлекая внимание. А мы захлопнем дверцу. Раздражающий трезвон отрезало. Эх, если бы в жизни все было так же просто: вышел, мягко щелкнул замком и — вот оно: покой и свежий воздух! Запертый в салоне немецкого внедорожника золотистый аппарат вибрировал, уже неслышно демонстрируя лицо дражайшей супруги. «Дражайшей — дрожащей». Видать, надо что-то. Ишь, как ее потряхивает! И, видать, это «что-то надо» — не дешевое.

Как там у классика — «Он не заслужил света, он заслужил покой». Ладно, не надо света, но покой-то дайте! И лучше прямо сейчас...

Памятные потрескавшиеся дубовые двери бывшего кафе теперь сменились на стилизованные кованые, с солидными бронзовыми ручками в виде половинок корабельного штурвала. Одна из створок распахнулась, выпустив на улицу поток теплого, пропитанного ароматами еды и питья воздуха, и на крыльце появился невысокий мужчина кавказской внешности в утепленной темной кожанке нараспашку.

Мужик передернул плечами, торопливо застегнулся, поправил трикотажную шапку, сунул руки в карманы и направился в сторону припаркованного у обочины тонированного БМВ. Видно было, что он бы рад по-скорому добежать до машины, но имидж не позволял. Идти следовало медленно, вразвалку, выбрасывая в стороны носки сверкающих ботинок из крокодиловой кожи. Рыба фугу из местного болота. Недобрый клоун в недобром цирке. Краткая невыразительная жизнь-реприза с хроническим простатитом и глупой смертью от случайной пули.

Похолодало, однако.

Артем поежился, плотно запахнул подбитое мехом пальто и, стараясь не поскользнуться на укатанной поверхности парковки, решительно направился к «Старой гавани». Краем глаза он заметил, что красногубые девицы при виде появившегося из «мерседеса» мужчины приняли охотничью стойку: ножка отставлена, глаза сияют призывно и многообещающе, рука на бедре. Все сверху донизу слизано с витрины бутика. Всегда готовы. Вцепиться. Зубатки при виде добычи.

«А ведь я для них и есть добыча, — подумалось снова. — Вполне понятная и желанная. Инстинкты работают четко. Откуда им знать про мои переживания и мысли, да и плевать они на все это хотели. Главное, чтобы чешуя соответствовала: дорогое пальто, обувь из телячьей кожи, машина серьезная. Пройти рядом, и услышишь хриловатую вариацию на тему “угостите даму спичкой!”. Если не ответить, то вслед колыхнется бессильная волна мелкого презрения и разочарования... Дичь какая! И я — дичь, и все это по жизни тоже дичь».

Интерьер старого кафе, к счастью, практически не изменился. Те же отделанные мореной древесиной стены в стиле огромной каюты старинного парусника. Те же прямоугольные тяжеловесные столы. Прежние усеянные пестрыми подушками диваны. Массивные кованые

люстры на потолке. Артем усмехнулся: судя по разномастности антуража, «гавань» эта явно второсортная, словно собрали ее с миру по щепке — с разбившихся торговых галеонов. Позолоты, правда, маловато. А то называлось бы заведение «Золотая гавань». Зачетное название. Такое народу заходит. Народ на злато падок.

А вот этого раньше не было: по бокам зала вросли в стены небольшие аквариумы с разноцветными рыбками, а на столбах в центре и у барной стойки склонились к посетителям широкие плоские экраны, на которых крутились какие-то музыкальные клипы. Хочешь — ешь и любуйся рыбками, хочешь — смотри в экран и наливайся спиртным. Иллюзия свободы выбора.

Первое впечатление не обмануло — дела в «гавани» явно шли неплохо: в зале былолюдно. И вправду, а что еще надо в морозный хмурый день: набегаешься, насуетишься, а тут тепло и вроде бы даже уютно. И наплевать, что уют создается одуряющим ароматом подгорелого курдючного жира, острых приправ, жареного лука и квашеной капусты. Наплевать, что накурено. Гавань — она и есть гавань. Не дом родной.

Несколько человек за столами, не отрываясь от еды, уставились на вошедшего пустыми равнодушными глазами.

Артем прошел к одному из свободных боковых столиков, снял пальто, небрежно бросил его рядом с собой на диван и присел. Подошла бдительная официантка — низкорослая, низколобая, с густо подведенными черными бровями. Живой неандерталец из учебника истории пятого класса. Правда, вместо дубинки у нее в руках оказалась солидная толстая папка меню, переплетенная в кожу последнего на Земле ихтиозавра.

— Здравствуйте. Вы один? — Голос, как и ожидалось, хрипловатый.

— Да.

— Столик на шестерых...

— Я ненадолго. Если нужно, доплачу.

— Выбирайте. Я через минутку. — Она повернулась спиной и отправилась по своим делам.

Взяв меню в руки, Артем начал листать плотные страницы, ламинированные равнодушным к жирным пальцам пластиком.

Закуски. Салаты. Первые блюда. Мясные блюда...

Люля-кебаб из баранины

Люля-кебаб из телятины

Стейк телячий на кости

Корейка теленка на гриле

Говяжий язык в...

Тушеные говяжьи почки с...

Сердце говяжье тушеное с...

Говяжьи щечки с...

Бычьи яйца под...

Вся анатомия — в... с... под... Все в дело. Все сожрем. До последней внутренности.

Даже кости с хрящами перетрутся и станут частью фарша. А кожу — на ботинки...

Вот напротив входа за небольшим столиком расплылся на стуле толстенный мужик с лоснящимся округлым лицом. Щеки в багровых прожилках, с редкими недобритыми волосами. Как его сюда занесло? Едва ли романтика «Старой гавани» заманила. Но ведь зашел, вбил необъятный живот в узкое пространство между столешницей и сиденьем и теперь, выпучив белесые рыбы глаза, сладострастно впихивает себе в рот половину жирного голубца. Мутный тупой взгляд. Рыборылый. Пришедший к нам пожрать от жратвы и погибнет.

Но тут, наконец, случилось то, ради чего Артем и оказался в «Старой гавани». Он много раз проигрывал мысленно эту ситуацию, и всякий раз она представлялась ему иначе. Всегда с налетом ностальгии и остатков детского романтизма. Действительность, как водится, внесла поправки — все случилось куда обыденнее. Из прикрытого матерчатым пологом проема, ведущего на кухню, вышла невысокая худая девушка и деловито направилась к барной стойке в дальнем углу зала. Там она сделала какие-то записи в лежащей сбоку от кассы толстой учетной книге, а потом привычным, явно хозяйским взглядом обвела зал.

Артем даже слегка расстроился. Хотя? А чего он, собственно, ожидал? Правильно. Так и должно быть. Она тут хозяйка — во всяком случае, выглядит как хозяйка. И все у нее посчитано и учтено. Поголовно. Потарелочно. Поблюдно. От входной двери потянуло сквозняком, и романтическое настроение сбежало мурашками по спине куда-то к ботинкам. А стоит ли оставаться? Может, не дожидаясь официантки, просто отложить в сторону меню и, приняв независимо-разочарованный вид, удалиться, как уходит из дешевого шалмана рафинированный аристократ? Или все-таки...

Размышления оборвались, не успев закончиться решением. Девушка осмотрела зал, скользнула глазами по одинокому гостю, устроившемуся за просторным столом, рассчитанным на шестерых, повернулась к бармену и что-то недовольно ему буркнула. Понятное дело — непорядок. Но вдруг, прервав разговор с подчиненным, она замерла и вновь посмотрела в сторону посетителя. Вздрогнула. Значит, узнала. Отвела глаза в сторону, еще раз взглянула, а потом решительно отодвинула учетную книгу и уже уверенным, неторопливым шагом направилась к нему.

— Салам, Артем, — сказала она, подойдя к его столику, и дежурно улыбнулась.

Не рада встрече. А кто рад встрече с прошлым? Призраками забытого прошлого. Если они не будят приятные воспоминания.

— Привет, — улыбнулся он в ответ.

— Какими судьбами к нам?

— Случайно мимо проезжал. Дай, думаю, загляну. — Сейчас Артем хотел, чтобы это прозвучало максимально небрежно, светски-вальжно.

— Так уж и случайно? — Она слегка прищурилась, а в глазах мелькнула опасная искра.

— Нет, — ответил Артем, немного помедлив. — Специально приехал. Увидеться захотелось.

Вот сейчас тон был взят верный. Она кивнула, отодвинула стул и присела напротив.

— Тогда рассказывай. Как живешь?

— Да нечего особенно рассказывать, — усмехнулся Артем. — Живу как все. Верись, захотелось вспомнить школьные годы чудесные. Накатило. Вот и заехал. Ты не против?

Время безжалостно. Особенно к женщинам. *Girl, you'll be a woman...*¹ Уносит все. Прежде изящные черты лица стали проще, приобрели угловатость и жесткость, памятные ямочки на щеках превратились в бороздки, а от носа к уголкам рта спустились длинные скорбные морщинки. Годы — они же гады. У глаз появились «гусиные лапки». И глаза уже не кажутся такими большими, как раньше. Ушла из них выразительность. Потускнели. Янтарь тускнеет без ухода.

Да что там — вполне привлекательная зрелая женщина.

— Я рада тебя видеть, Артем, — ровным голосом произнесла Карина. — Ты возмужал. Смотреть приятно. Сила чувствуется. Мужчина — загляденье. И плечи широкие. Оперился. Орел! Хоть сейчас в журнал на обложку.

— Скорее, повзрослел. Хотя, наверное, и возмужал тоже. Со стороны видней. Не ожидал, если честно, встретить тебя здесь в качестве хозяйки. Ты же вроде дизайнером хотела стать, за границей учиться собиралась?

— Планы, планы... Все в одночасье переменялось, когда папа погиб. Мать от инсульта умерла. Не пережила. Любила сильно.

— Как так?! Прости за вопрос.

— Случайность. Пьяный козел на встречу вылетел, вот и все. Отец на месте скончался. — Сухие, потрескавшиеся, без помады губы на мгновение сжались. — Маму через два месяца похоронили. Так что пришлось мне вместо дизайна общепитом заняться. А какие еще варианты? Унаследовала семейный бизнес. Впряглась.

— И брат тоже?

— Ой, да балбес он был, балбесом и остался! Все прожекты строит да павлином ходит. Диванный брокер. Так что все на мне. Одна разворачиваюсь.

— Ты не замужем?

— Нет, как видишь. — Карина подняла правую руку, где вместо обручального кольца красовался небольшой золотой перстенок с белым камнем, и поправила прическу. Тонкими пальцами сняла с собранных в пучок волос черную резинку шу-шу и трянула головой. Освобожденные жесткие пряди рассыпались по хрупким угловатым плечам, прикрытым свободным сиреневым пуловером. Крупная вязка — дань бывшей тяге к богеме. Под ней едва проступают очертания маленьких упругих грудей. Не рожала. Тогда, когда любовью с нами нет... Ох уж эти женщины! Не получится.

¹ Девочка, ты скоро станешь женщиной (англ.)

Зато научились драться. Выживать. Инстинкты, как у «большой белой акулы». Чуть зазевался — пиши пропало. Совсем пропало. Как тогда — в ресторанчике, где тоже были аквариумы с золотыми рыбками... Очень похоже. И аквариумы, и рыбки, и это вот настроение неуверенности и ожидания чего-то фатального — может быть, и хорошего, но непоправимого. Интересно, а счастье бывает непоправимым?

...Интерьер заведения был более претенциозным и претендовал на Восток. «Ориентал стайл» в отечественном воплощении. Фигурка Будды, значки обнимающихся инь и ян, подвешенный к потолку искусственный меч искусственного самурая, палочки вместо вилок. А главная фишка — встроенные в пол квадраты-аквариумы, по которым посетители проходили к столам. Там плавали взаправдашние рыбы, отделенные от публики толстыми стеклами. Официанты с официантками были то ли казахи, то ли киргизы — типичные японцы. «Оригато!», «Онегашимасу!», «Твоя моя не понимай».

— Доброго вечера! Уже определились? — вежливо спросила тогда подошедшая гейша общепита. Атласное кимоно с драконами да змеями. Разрез глаз выдавал подделку, и даже дорисованные стрелки не спасали.

— Да-да, — Вика уверенно продиктовала перечень блюд с труднопроизносимыми японскими названиями. — И шампанского! Полусладкого!

— Вижу, вы разбираетесь, — слащаво улыбнулась казашка. — Может, тогда сакэ?

— Обойдемся, — отрезала Вика и указала пальцем вниз на аквариум. — Я надеюсь, вы не из этих рыбок готовите?

— Что вы! Это же золотые рыбки! Они символ счастья, процветания, богатства, а также свободы от всех ограничений. Несъедобные, — блеснуло познаниями кимоно.

— А чем вы их кормите? — спросил Артем.

— А их не кормят. Вода должна быть чистой, прозрачной. Как дохнут, выбрасываем. Раз в месяц новых запускаем. Разве что они друг друга едят. Тех, что с голодухи первыми помрут, — равнодушно сообщила официантка.

— Жестко.

Та пожала плечами:

— Еще что-то желаете? Нет? Тогда я скоро!

— Се ля ви. Такова жизнь, Артем. Не можешь добыть себе пищу, становись пищей для других, — подвела черту Вика, проводив взглядом обслугу.

— Вик, ты не круто ли заказала? У меня нет столько денег...

— Не тушуйся. Гуляем на мои. Мне отчим нормально сегодня подсыпал. Отобьемся.

— Да как-то неудобно...

— Чего тебе неудобно? Любовью заняться со мной тебе удобно было, а в ресторане посидеть, значит, неудобно. — Вика откинулась

назад, на небольшую подушку, прикрепленную к разделявшей столики невысокой перегородке. Небесно-голубые глаза насмешливо смотрели на собеседника.

Да, так оно все и начинается.

Рыбка-удильщик зажигает свою волшебную лампочку...

— Вик, ну ты чего? — растерянно забормотал он, вспомнив позавчерашний выпускной вечер. Шампанское с водкой, дурман в голове. Гимназическая библиотека. Высокие, набитые книгами обшарпанные стеллажи. Старый промятый диван между ними. Викины объятия, властные и вязкие. Теплые влажные губы. Эти глаза напротив. Туманные, цвета неба, которое видят рыбы, глядя на верхнюю пленку водоема. Короткий сладкий стон. Забыть блаженства...

— Да я ничего. Расслабься. Думай о хорошем. О нас с тобой. — Она подалась к нему навстречу, взяла его правую кисть в свои прохладные ладони и победно улыбнулась. — Я маме все рассказала, что у нас с тобой случилось. Она у меня мадам современная, понятливая.

Вторая стадия охоты. Добыча загипнотизирована и готова к употреблению.

— Да... — приоткрыл от неожиданности рот Артем. — А зачем? В смысле, а зачем так сразу-то?

— А когда? Или ты хотел годика три так пожить, присмотреться? Мамашка и с отчимом уже обо всем договорилась. Если вы, говорит, молодежь, друг друга любите, то мы, мол, родители, все, что нужно, организуем — и институт, и карьеру. Ну и с жильем тоже...

— Так ты бы хоть меня сперва спросила...

— А чего спрашивать? Уже не рад, что ли? — оборвала его Вика, снова откинувшись назад. Красивые брови сошлись к переносице, взволнованно поднимается и опускается желанная нежная грудь. — Как там у вас, мальчиков? Поматросил и бросил? Без серьезных намерений? Я к тебе со всей душой, я нараспашку, а ты, значит...

Шоковая обработка.

В уголках ее глаз блеснула хитрая, всегда наготове, влага. Слезы — боевое оружие женщины. Безотказное до определенного возраста.

— А я, между прочим, тебя люблю! — всхлипнула она и отвернула лицо к стене. — Я-то думала...

— Вика...

— Да, я Вика! А тебе, значит, Каринка нужна? С ней хочешь быть, да?! А я так? Пока любимая кобенится? Типа, дура безотказная? — повернулась она снова к Артему.

— Да я...

— Что — ты? Не определился еще? Дальше пробовать будешь? Напрокат брал? — Вика смотрела в упор, не давала опустить глаза. — Кстати, а с ней у тебя тоже было?

Он молчал. Деваться некуда.

— Значит, было, — прикусила нижнюю губу Вика. — А я вторая? На сменку?

Сглотнули. Сопротивление подавлено.

— Не было у нас с ней ничего, — тихо произнес Артем, потупив глаза.

— Так расскажи, в чем дело тогда?

— Я не знаю... Не готов, что ли... Не думал я пока об этом.

— Темочка, милый... — Пальцы Вики легко смахнули с глаз влагу; она пересела на стул рядом с Артемом, прижалась, положила голову на его плечо, оплела его руку своими красивыми руками, как медленно и нежно оплетает будущую добычу гибкими щупальцами осьминог, — только золотые колечки блеснули на ухоженных пальцах.

— Ты сам-то подумай, какая Каринка тебе пара? Дочь шашлычника с автобусной остановки. Да еще и нерусская. Может, даже мусульманка?

— Да нет. Христиане они.

— Хоть бы и так! Все эти кавказки одинаковы. Сейчас красавица, а потом в жирную волосатую Маму Чоли превратится, и дети еще неизвестно какие там будут. А у нас с тобой даже глаза одинаковые: небесно-голубые, благородные, европейские. Сам посмотри! — Вика щелкнула замком клатча, достала изящную овальную пудреницу, открыла и показала зеркальце... Что ж, в золотом обрамлении они и вправду смотрелись неплохо. Он даже приосанился, убрал из глаз растерянность, превратил обреченность в решимость.

Переваривание.

Она повернула голову и, продолжая поглядывать в зеркальце, нежно запечатала ловушку поцелуем. Затем закрыла пудреницу, и он проводил взглядом свою исчезающую в недрах сумочки свободу... Закрылась жемчужница. Больше не откроется. А рядом журчало все нежнее, все настойчивей:

— Если мы вместе будем, мы такого добьемся! Все золото мира будет у наших ног! Мои предки нам помогут. Только решай сейчас, другого такого разговора у нас с тобой не будет. Я тебе не деревенская дурочка. Если откажешься, не пропаду. Потом всю жизнь вспоминать будешь, как от своего счастья ушел, как успех на шашлык променял...

Ресторан «Инь-Ян» располагался в центре города на последнем этаже бывшей чулочно-носочной фабрики. Напротив, будто ракета на старте, устремилась вверх недавно возведенная современная высотка. Бизнес-центр «Аквамарин». Сплошное голубое стекло. Днем в нем отражалось небо. Вечером и даже ночью там не гасли огни дорогих офисов. С места, где сидели Артем и Вика, было хорошо видно, как там снуют, общаются, что-то творят за столами с мерцающими мониторами увлеченные люди. Ему тогда казалось, что внутри высотки происходит нечто важное, недоступное для понимания простых людей. Боже, какими мы были наивными! Главное и величайшее невежество человека состоит в незнании самого себя.

Светящаяся дорожка из кубиков-аквариумов в проходе, пестревшая золотистыми рыбками, убегала от их столика к окну и словно сливалась с той высоткой, манила золотом окон вверх, в сплошное сияние будущего... Эх, молодой, необъезженный! Позолоти ручку!

«Выбирай, Тема. Быть тебе там, вместе со мной, — шептал мягкий голос, — или остаться безвестной рыбешкой в полу на потеху публике. В дешевой обуви с заплаткой».

Вот и все. Game over. Можно сплевывать косточки.

— Выбрали? — услышал он голос сбоку и повернул голову. Чернобровая застыла подле него, приготовившись черкать огрызком карандаша в маленьком блокнотике.

«Выбрал?» Разве я выбирал?! Да, выбирал. Хотел въехать в город на белом коне... Но ни коня, ни себя, ни счастья. И как оно так получилось?

— Кофе эспрессо и коньяку. Лучшего, что есть, — сказал Артем и кивнул сидящей напротив Карине: — Выпьешь со мной?

— Я не пью, — ответила та, изучающе глядя на Артема.

...Бегу? От себя не убежишь. Ты думал, что у нее есть проблемы, что ты сможешь их решить... За этим приехал? Вытащить золотую рыбку из чужого невода, желание загадать... Какое там! Со своим бы неводом разобраться... А вдруг? Да нет, пустое это. Пустое... Да и не нужен тебе никто. Никого ты, Артем, не любишь. Даже самого себя...

— Как хочешь. Мое дело — предложить. — И, обращаясь к чернобровой, добавил: — Тогда граммов пятьдесят. И лимон еще порежьте, для закуски.

— Все?

— Да. Достаточно.

Чернобровая недоуменно посмотрела на Карину, забрала меню и отправилась к барной стойке.

— Как семья, как дети? — спросила Карина.

— Дети? Так нет детей.

— Чего ж так? Семья без детей — горе.

Горе. Дети без семьи тоже горе. Что хуже — непонятно.

— Вика неспособна оказалась. Врожденный дефект чего-то женского. — Артем сморщил лоб и потер его ладонью. — Я потом узнал, через несколько лет после свадьбы, когда вплотную вопрос о детях встал. Хотелось, конечно, своих детишек. Сперва чуть не прибил благоверную за то, что позабыла предупредить, да поздняя уже было метаться. Все настолько плотно завязалось — бизнес, родственники, обязательства... Так что мы без потомства.

Он посмотрел на встроенный рядом в стену аквариум. В нем флегматично, грациозно виляя пышными хвостами, плавали две пузатые золотые рыбки. На дне в белой мелкой гальке лежал керамический пиратский кораблик с пробоиной в борту, через которую просыпалось бутафорское золото. «Оставайся, мальчик, с нами — будешь нашим королем».

— И не выпрыгнешь, — произнес вдруг он.

— Не выпрыгнешь... — повторила за ним Карина.

Неожиданно перед их столом образовался невесть откуда худой скуластый парень с маленькими, ввалившимися бегающими

глазками и оттопыренными ушами. Черная водолазка. Черные брюки со стрелками. Черные замшевые ботинки с блестящими желтыми пряжками. Мелкий бес из поганого омота. Ощерив рот с острыми, растущими в разные стороны желтыми зубами, он дерганно обратился к Карине:

— Че тут, проблемы какие?

— Не, Рафик. Одноклассник мой. Давно не виделись.

Рафик нервно дернул плечом, коснулся кистью правой руки переломанного хрящеватого носа:

— Ну, лады. Лялякайте. Не мешаю.

И, вихляясь, отплыл к барной стойке. Туда, где кружка пивной бурды из краника. Уставился в плоский телевизор. На черного рэпера, увешанного блестящими крестами и буквами, с охапкой девиц в белом открытом кадиллаке. Хорошо видно? Сиди и смотри. Нечисть плотоядная. Так все-таки место определяет человека или люди место?!

— Все сама, говоришь?

— Сама. Это так, местная шелупонь. Показушничает. — Карина ухмыльнулась.

Чернобровая принесла кофе, блюдец с тонко нарезанным лимоном, маленький графин с коньяком и простенький бокал-тюльпан. Попыталась налить коньяк, но Артем жестом дал понять, что не надо, он сам. Плеснув немного янтарного напитка на дно бокала, он поднес его к носу и еле заметно принюхался:

— Душистый! За твое здоровье, Карина, и успех твоего дела!

Он приподнял немного бокал, будто тостуя, и, не морщась, выпил. Теплый толчок в сердце. Не горит, не горит, утихает огонь. Янтарь помутнел. Золотые рыбки в аквариуме быстро закружились друг за другом, взмахивая своими огненными хвостами. Ритуальный танец. Гештальт закрыт.

— Зачем они здесь? — спросил Артем.

— Людям нравится. Наверно, когда смотрят на них, успокаиваются.

— Отчего?

— Не знаю. Может, судьбу хлеще своей в этих рыбках видят, — усмехнулась Карина.

— А тебе никогда не хотелось их отпустить? На волю. В речку, например?

— Нет. Легче поместить рыбку из реки в аквариум, чем вернуть ее после обратно. — Карина задумчиво взглянула на Артема, и вдруг неожиданно во взгляде ее появилась настоящая приветливость. — Ты не стесняйся, заезжай. Дорогу теперь знаешь. Хоть подольше пообщаемся. Я бы и сейчас рада, да вот недосуг. Ты уж извини, работать надо — вечером у нас тут банкет заказан. А с утра детский день рождения все нервы вымотал. Молдаване гуляли — с размахом.

— Хороший у вас коньяк, настоящий, — похвалил напиток Артем. — Обжигает.

— Десятилетний. Мы с суррогатом, Артем, дел не имеем. Так отец учил жить, если помнишь.

— Да, достойный человек был. Жаль, что так случилось. — Артем вылил остатки коньяка из графинчика в бокал, поднял его и сказал: — За твоего отца! Царствие ему небесное.

Карина кивнула.

— Ну, я пойду?

Он тоже кивнул и даже помахал рукой — дескать, иди, конечно, дела есть дела.

Памятный день сегодня. Один из многих. Девятое число. Она тебя никогда не любила, дурак. Радуйся — тебя забыли. Свободен! Ты наконец свободен.

Уже не внимательно и придирчиво, а скорее автоматически, по привычке он отметил, как неуклюже женщина выбралась из-за стола, как дежурно улыбнулась, как неспешно, оглядывая зал, направилась в сторону кухни. Многолетнее наваждение исчезало со скоростью воды, вытекающей в прочищенный вантузом сток. Стиралась в памяти девочка с ямочками на щеках, а на ее месте возникала вот эта — новая. Хрупкая спина с выступающими лопатками в бесформенном длинном джемпере, худые ноги в обтягивающих черных джинсах. Не было в их прошлом ничего романтического — он сам ее выдумал, ту романтику. Он держался за нее, как держатся за спасательный круг, когда корабль идет ко дну. А вот теперь и круг оказался фальшивым. Прошлое стало прошлым. Настоящее стало настоящим. Черт, как же тут нестерпимо душно! Он невольно оттянул рукой ворот водолазки. К горлу подступил противный комок. Надо на воздух.

Не допив свой кофе, он бросил на стол несколько купюр, схватил пальто с дивана и быстро вышел на улицу.

Пропитанный выхлопными газами морозный воздух ударил в лицо. Умолкло, заглохло, остыло, иссякло, исчезло. Пустыня — осталась. Ледяная пустыня. Даже на остановке уже никого — видимо, автобус только что уехал. Ни готовых к услугам девиц, ни слащавого пьянчужки, ни громогласных и вечно недовольных баб, ни богомольных старушек. Только жесткая снежная крупа. Он остановился и замер. Леденящий ветер ворвался внутрь, наполнил легкие, очистил от теплого, душного, кислого, прошлого. Он надел пальто, запахнулся и направился к своей машине.

Салон «гелендвагена» еще не остыл. Артем устроился поудобнее на сиденье, запустил двигатель, включил обогреватель и с непониманием уставился на обрадовавшийся его появлению смартфон, который немедленно разразился энергичной трелью. Ох, елки! Опять Вика. Опять голубые глаза в золотистой раковине экрана. Ну, ничего не поделаешь. Надо отвечать. Он ткнул в дисплей, включая громкую связь.

— Эй, але! Тебя где черти носят? — раздался из динамиков глуховатый от досады голос. — Опять по бабам пошел?

— Вика, брось глупости. Какие бабы? Дела у меня.

— У тебя дела, а тут окончики уже битый час ждут! Им мерки снять надо. Ты же обещал приехать, показать, как веранду стеклить...

— Черт! Забыл совсем. Замотался. Занят был.
— И когда будешь? Сколько им еще у меня над душой стоять?
— Когда-когда... Сегодня уже никогда. Не успеваю. Можешь сама с ними? Мы ж вроде все обсудили вчера...
— Я?! Издеваешься?! — взвизгнул динамик.
— Тогда скажи им, что я не смог, придется им еще раз приехать. С этим-то справишься? — резко сказал Артем, давая отбой.

День заканчивался. Снегопад ускорил наступление темноты — на фоне белой крупы облачное небо казалось особенно мрачным, почти черным.

Темнота срывает покровы — она не любит ничего лишнего: ни макияжа, ни тканей. Свет, напротив, предпочитает камуфляж, блики, мимикрию. Легко спрятаться в городе, где исчезли тени. Обманный свет и правдивая тень. И все-таки свет — великий дар человеку. Человек в тени словно рыба в сети. Тускнеет чешуя, замирают движения, ранят внезапные препятствия. Темный салон черной машины с темными окнами. Не смотри в темноту, в ней скрывается зверь. Зверь проник в человека, распахнул перед ним бездну...

Артем откинул крышку бардачка, достал квадратное кожаное портмоне для лазерных дисков, расстегнул молнию. Надо только найти нужный. Вот он. Эннио Морриконе — флагман мировой музыки 90-х. Мелодия Деборы из корпоративно любимого всеми отечественными гангстерами грустного фильма про еврейских мальчиков, ставших романтическими убийцами, — «Однажды в Америке». Зверь внутри улыбнулся: «Однажды? В Америке?» В памяти пронеслись стоп-кадрами застольные ресторанные переговоры, услужливые секретарши, жуликоватые партнеры, разборки, стрелки, сауны, корпоративы... Грош цена этой проклятой романтике, замешанной на совковом детстве и дефиците всего на свете. А вот музыка вечна...

Артем бросил раскрытое дисковое портмоне на пассажирское сиденье, скрестил на руле руки и положил на них голову. Закрыв глаза. Как это правильно иногда — просто закрыть глаза... И там, в глубине, за закрытыми глазами, еще раз закрыть глаза, пропитаться жадной темнотой гаснущего мира. По щеке медленно скатилась слеза и сорвалась вниз. Слабость наша велика, а сила ничтожна. Когда человек рождается, он слаб и гибок. Когда умирает, делается крепок и черств. Изнасилованная девушка после романтического вечера едет покорять мир актерским талантом. Эх, Дебора-Дебора! Тебе бы задержаться тогда в машине со своим влюбленным насильником — авось и проклюнулось бы обычное человеческое счастье... Нет, уехала. Что ж, туда тебе и дорога вместе со всей прошлой и пошлой романтикой. Корпоративы, секретарши, стрелки, сауны — вот она, настоящая правда.

Он поднял голову, протер ладонью влажные глаза. Взгляд выхватил в темноте открытого бардачка черно-коричневую рукоятку пистолета. Протянув руку, он достал оружие. Что отвердело, то не победит. Либо

в землю, либо в бронзу. Хотя... даже если в бронзу, все равно сперва в землю. Ладонь медленно погладила холодную вороненую сталь, кончики пальцев ощутили насечку рукоятки. Увесистая, красивая вещь. Твердость и мощь — спутники смерти. Артем снял пистолет с предохранителя, взвел курок и направил дуло себе в лицо. Глянул в мрачную пустоту ствола, невесело и криво усмехнулся. «Мы с суррогатом дел не имеем». Оружие было, увы, суррогатом. Травматическим. Хоть и скопированным изготовителями с боевого пистолета Макарова и внешне почти ничем, кроме маркировки и калибра, от прототипа не отличающимся.

Гулко громыхнуло.

Нет-нет, это на парковку въехал огромный мусоровоз. Машина направилась к помойным бакам, расположенным слева от силикатного здания, и там остановилась. Из кабины выскочили двое рабочих в оранжевых комбинезонах и начали проворно ворочать переполненными контейнерами. Древняя каста. Неприкасаемые. Городские санитары. Не оставят даже сломанной ветки.

Они ловко подкатывали баки к задней части машины, подъемный механизм их захватывал, поднимал и опрокидывал в загрузочный бункер. После внутри мусоровоза что-то начинало с мерным скрежетанием двигаться, вращаться и поворачиваться, пока высыпаемые отходы с жалобным звоном лопающихся пустых бутылок полностью не исчезали в пузатом чреве.

Развязка фильма. «Однажды в России». Впрочем, чего уж там — не однажды. Даже на уникальность история не тянет — какая досада, господа!

Артем опустил пистолет, поставил его на предохранитель и положил обратно в бардачок. Прикрыл оружие сверху портмоне с дисками и захлопнул крышку. Композиция на диске сменилась, заиграла лирическая мелодия — та самая, под которую танцевала на складе маленькая Дебора. Эх, Карина, Карина! Где ж твои крылья, которые так нравились мне?! Мусоровоз с раскатистым грохотом пережевывал и проглатывал содержимое последнего контейнера...

Остановка вновь ожила. На этот раз темно-серая масса людей заполнила весь аквариум, растеклась по сторонам и захлестнула тротуар. В спектре этой толпы основные оттенки — черный, серый, бледный и темно-синий. Цвета города: неряшливость, нездоровье, злость и упрямство. Все кошки серы, все чувства черны. Натюрморт в безрадостных тонах. Мертвый коралловый риф.

К остановке подъехал старенький пустой ЛиАЗ, светясь подмерзшими окнами. Живность мгновенно очнулась, пришла в движение, сгрудилась, теснясь и толкаясь у раскрывшихся дверей автобуса, принялась проникать, заплывать, втискиваться внутрь. Из одного аквариума в другой. И так ведь каждый день. Каждый час. День за днем. Год за годом.

Толпа на остановке поредела, и среди оставшихся Артем заметил на скамейке девочку лет десяти, в зеленой юбке и коротком,

ярко-оранжевом, почти огненном пуховичке. Светоотражающие нашивки на нем радостно отблескивали, вылавливая неведомые лучики света в сумраке района.

Кончик рта у Артема невольно дернулся.

Девочка сидела и задорно болтала ногами, чему-то улыбаясь. Ей нравился аквариум, в котором она чувствовала себя самой яркой рыбкой. Ей было наплевать на переживания мужика, чей темный силуэт еле угадывался за стеклами черной угловатой машины. Мимоходом отметив его взглядом, девочка сразу поняла: там, в мрачной колеснице, томится и стонет неприветливый призрак. Ну его! Куда интереснее подсвеченный редкими фонариками вечер, где каждый ручеек света — это волшебная река, дома похожи на сундуки с драгоценностями, а промерзшая площадка — на преддверие дворца Снежной королевы, утачившей к себе бестолкового Кая.

«Пятерка ушла, а мне нужен первый, — размышляла девочка. — Пятерка по другому кругу идет. Всегда полная. У окошка места заняты. Даже если успеешь сесть, все равно злющие старухи со стариками стонят. А я хочу рыбку нарисовать на стекле — сперва продышать маленькое окошечко, а потом пальцами проплавить в инее чешуйки и плавники. Вон какой лед узорный на стеклах! Красиво получится. И снаружи тоже: автобус едет, а из него рыбка всем сверкает. Можно желание загадать — сбудется. И даже у того мрачного призрака в мрачной машине. Может, он расколдуется и станет белым принцем на белом коне?..»

Артем открыл глаза, поднял голову и улыбнулся. Он выключил двигатель, вышел из «гелендвагена», оставил ключи от машины на переднем сиденье, бросил равнодушный взгляд на темный экран зажатого в держателе смартфона и закрыл дверцу. Вместо мягкого щелчка ему услышался лязг тяжелой, окованной железом двери. Снаружи была свобода. В ней разбивались и рассыпались армированные стеклянные высотки, отшелушивалась высохшей чешуей багровая черепица, тонул в непроглядной бездне силикатный кирпич с кустарными вывесками.

Осталась только остановка с деревянной скамейкой. Артем взглянул на девочку и еле заметно улыбнулся. Та заметила его улыбку и радостно засмеялась в ответ.

«Свободен!» — подумалось ему.

«Расколдовался!» — обрадовалась девочка.

Еще не нарисованная рыбка уже начинала творить чудеса.

Артем поежился, застегнулся, поднял высоко воротник пальто и уверенным шагом отправился в ночь. Аквариум оставался позади. Предстояло научиться дышать воздухом.

Вячеслав МОЛЧАНОВ

РЕЦЕПТ

Р а с с к а з

Лачи наклонилась к закутанной в куртку-переросток Бальке, отерла той рот уголком цветастого платка, крепко стянувшего Балькины пухлые чумазные щечки.

— Мама, когда есть? — спросила Балька, морщась от прикосновения мокрой колкой ткани.

— Когда деньги будут, — честно ответила Лачи. Она вновь послунывила кончик платка, наклонилась к девочке и ненароком стерла вместе с грязью никак не заживавшую коросту под нижней губой.

— Ай-я-я! — вскрикнула малышка, оттолкнула Лачину руку и захныкала.

— Дай посмотрю! Покажи мне, Балька. Покажи болячку, — настаивала Лачи, больно хватая дочку за руки. Та крепко прижала ладошки к болезненным, опухшим губкам и никак не поддавалась. Наконец Лачи силой прижала девчужку к стеклянной перегородке, отвела слабые ручонки от рта. Со слезами по Балькиному подбородку стекла капля сукровицы.

— Водки надо, — сказала Лачи, всматриваясь в гнойную ранку. — Штефан водку пьет много, к нему пойдем сегодня просить.

— К Штефану не пойду! — топнула ножкой Балька, свела грозно черные бровки. — Он тебя бить будет.

— Не будет, если деньги принесем, — ответила Лачи.

— Это водкой нельзя. Нужно мазь купить вам, мамочка.

Лачи испуганно обернулась. За ее спиной стояла высокая женщина средних лет, в очках, каракулевой шапочке с приколотой сбоку брошью и длинном темно-бордовом пальто. Будто позабыв о чем-то важном, Лачи быстро осмотрелась кругом. Больше на трамвайной остановке никого не было.

— Женщина, красавица, айда погадаю! — тут же затараторила Лачи заученные фразы. — Вижу, добрая ты, а всё проблемы одни. Это на тебя порчу навели, точно порчу!..

— Прекрати глупости говорить. На меня гипноз твой не работает. О ребенке лучше бы заботилась. Вон до чего довела, мамашка! Посмотрите-ка на нее! — завелась высокая женщина.

— А не твое дело до моего ребенка! — огрызнулась Лачи. — Мой ребенок, а не твой!

— Да плевать мне на тебя. Девочку жалко. — Женщина поправила очки и, отойдя в сторону, демонстративно повернулась спиной к оставшейся.

— Кушать хочется, мамочка, — сказала Балька.

Она подошла к незнакомке и легонько дернула ту за рукав:

— Тетенька! Добрая тетенька! Дайте на хлебушек!

Незнакомка обернулась, сквозь толстые линзы очков заглянула большими глазами в маленькие Балькины угольки и прослезилась.

— Ой, малютка моя, как куколка! Такая хорошая у тебя девчушка, а ты ее вон как... — Она подвела за руку девочку назад к Лачи. — Стрептодермия это. Сама не пройдет, нужно лечить. А то экзема будет хроническая.

— А я заговор знаю! Я слова знаю, которыми лечить можно, — деловито ответила Лачи. — Меня бабушка так лечила. Нужно слюной помазать, растереть и слова сказать. И через неделю пройдет, как не было ничего.

— Я тебе поплюю вот! — воскликнула женщина в очках. — Мочить нельзя, тем более грязь растирать. Ни водка, ни слюны твои, ни слова не помогут. Тут не заговор нужен, а рецепт.

— Какой рецепт? А-а! Да вы, тетенька, доктор! Узнала! Узнала! — радостно заскакала Балька. — Вы меня трубкой холодной слушали. А я не боялась!

— Доктор, доктор. — Женщина улыбнулась Бальке. — Маме твоей сейчас рецепт напишу, и пройдет ранка дней через пять.

Она поставила на заледенелую скамью сумку, достала ручку, бланк, приложила его к стеклянной перегородке и принялась писать.

— Лечение несложное. Ранку не мочить, мазью тетрациклиновой три-четыре раза в день мазать, — говорила женщина, заполняя бланк быстрым, отрывистым почерком.

Лачи вязаной цветастой варежкой незаметно черпнула из сугроба свежего, насыпавшего за ночь снега, легонько хлопнула комком женщине по боку и тут же принялась растирать.

— Ой, доктор наш! Хорошо, мы вас встретили, так бы пропала моя дочка. Дайте-ка я вас вот тут почищу! — Она старательно стряхивала с темно-бордового пальто морозную россыпь.

— Где это меня так припорошило-то?.. — задумчиво глянула за спину женщина и принялась писать дальше. — Ранку можно перед этим делом обработать. Мирамистином можно, хлоргексидином. Водкой, и тем более слюнями грязными, нельзя ни в коем случае! А слова можешь любые наговаривать, какие нравятся.

Она сунула руку в сумку, достала печать и оставила на бланке отчетливый жирный оттиск.

— Держи рецепт. Сегодня же идешь в аптеку и лечишь ребенка как следует!

Лачи взяла бумажку, сунула в карман засаленной грязно-голубой куртки.

— Ой, малютка моя! Ну куколка, а не ребенок! — сказала женщина, оглядываясь уже со ступеньки подъехавшего трамвая.

— Спасибо тебе! — крикнула Лачи.

— Спасибо, тетя доктор! — прокричала вслед уносящемуся трамваю Балька.

Лачи взяла дочку за руку, и они спустились с насыпи по заснеженным ступенькам к переходу.

— Давай, давай быстро! — сказала Лачи.

Балька вытянула из-за пазухи черный кожаный кошелек с большой блестящей застёжкой. Лачи быстро достала из него деньги, скомкала и сунула в карман куртки.

— Выбрось иди. Вон туда выбрось. Как учила тебя, — приказала она девочке.

Балька повиновалась и, озираясь по сторонам, бросила кошелек в одиноко стоявшую урну.

— Красивый кошелек, мама. Жалко, — сказала она с досадой.

— купишь другой себе, какой захочешь. А этот тебе не надо — порчу жди, — строго ответила Лачи, вновь взяла дочку за руку и отвела по дальше от остановки.

— А пирожок будем кушать с повидлой? — спросила Балька, семена маленькими серыми валенками по скользким ступеням перехода.

— Будем, будем, — ответила Лачи и тихо улыбнулась.

— А правда мама, что ты меня у наркоманов за целую тыщу купила? — не унималась Балька. — Это сколько мы сейчас таких же, как я, купить сможем?

— Кто тебе такое сказал? — грозно спросила Лачи, дернув Бальку за руку, у самого выхода.

— Штефан сказал, — ответила Балька, пугаясь Лачиногo гневного взгляда. — Он меня бить хотел, а потом передумал. Дорогая, сказал. За тыщу рублей у наркоманов купили.

— Штефан, когда водки выпьет, мелет всякое. Язык без костей, только беда от него.

Лачи открыла тяжелую дверь и, шагнув из перехода на другую сторону улицы, вытянула за собой Бальку на морозный трудовой день.

Василий МАТОНИН

НА ГРАНИЦЕ ПРОЩАНИЯ С ПРОЩЕНИЕМ

* * *

Солнце гуляет по крыше,
Трогает ветви берез.
Небо становится выше
Самых возвышенных грез.
Снег под ногами струится.
Как хорошо на земле!
Господи, дай повториться
Этой обычной зиме!

* * *

Притихло время ненадолго.
Открылся вечности простор.
Пуста далекая дорога,
На ближней — хаос и затор.
Деревня спит. Деревья стыннут.
Безбрежной мудростью полны
Поля простые и пустые,
Простертые на полстраны.

* * *

В сумрак пролился свет.
Снег над судьбой кружит.
Сколько осталось лет
Нам на земле прожить?

Или же навсегда
Мы остаемся здесь?..
Так же течет вода.
Тот же чернеет лес.

* * *

Оставьте мне мое болото,
Мои осенние грибы,
И дней вчерашних позолоту,
И валунов крутые лбы.
О чем мечтает берег сонный?
В озерах нежится вода
И каплей солнца невесомой
Стекает в небо без следа.
Куда летит над лесом ветер?
В какой бездонной глубине
Я жил да был на белом свете
И белый свет сиял во мне?

* * *

Снова осень спустилась,
Охладив летний пыл,
Как спасенье и милость
К тем, кто будет и был.
Нисходящая свыше
Благодать тишины
Зимним холодом дышит
На весенние сны.

* * *

Дождь в Петербурге. Осень на дворе.
Машины шумно шлепают по лужам.
Все точно так же было в октябре
Семнадцатого года. Или хуже?..
Уже идет Гражданская война,
Растет число доносов на погоду,
И подлость, торжествуя, входит в моду,
Как общая беда или вина.

* * *

Какой сегодня теплый день!
 Наверно, долгим будет вечер.
 Кто тень наводит на плетень?
 Иных уж нет, а те далече.
 Ни дома нет и ни плетня.
 Есть первозданная пустыня.
 Людей не видно. Небо стынет
 Во мне, во вне и без меня.

* * *

Свет со снегом нисходит ко мне
 В непроглядной седой тишине,
 Где никто просыпаться не хочет.
 И над черной остывшей рекой
 Разливается вечный покой
 Нескончаемой северной ночи.
 Все, что видел и вижу во вне,
 Навсегда остается во мне,
 И клубится, и ждет воплощенья:
 Распростертые листья берез,
 Лепестки обмороженных роз
 На границе прощанья с прощеньем.

* * *

Кто сопричастен вечной тайне
 Рожденья, смерти, тишины,
 Поймет однажды — не случайно
 Мы днем и ночью видим сны
 О том, что сбудется и сбылось.
 Ничто быльем не поросло,
 А лишь на время в прошлом скрылось
 Или в беспамятство ушло.

* * *

На земле я тебя не увижу,
В Белом море следов не найду.
Скоро небо опустится ниже
И туманом укроет беду.
Желтый ветер танцует с осиной,
Синий дождь побежал по траве.
Бабье лето, как прежде, красиво,
А тебя нет ни с кем и нигде.
Мне береза шепнула известье,
Что улыбка заката легка.
Мы во всем — и останемся вместе
На века, на века, на века.

* * *

Задуматься — и в камень превратиться
Или шагнуть за низкий горизонт.
Живой воды из озера напиться,
Дожить и выжить, если повезет.
Я шел по лабиринту превращений
И вдруг очнулся в городе, в тепле.
Ни страха нет, ни боли, ни лишений —
Нет ничего, что нужно было мне.

Ольга УЛЬЯНОВА

ХОСТЕЛ В «МИРАЖАХ»

Хостел в лофте «Миражи» был моей первой работой в Петербурге. Я откликнулась на вакансию администратора и пришла на собеседование: длинная узкая юбка, вязаные сандалии, стильная стрижка. Управляющая хостелом по имени Люба с интересом меня оглядела и взяла на работу. А месяца через три, уже глубокой осенью, уволила за то, что я долго собирала грязное белье в прачечную. На меня настучала новенькая администраторша Юля, чокнутая куколка на шпильках. Ей очень хотелось выслужиться перед Любой, а лучшего способа, чем заложить коллегу, разумеется, нет. Увольняла Люба меня со словами: «Ты теряешь интерес к работе, как только проходит эффект новизны. Тебе будет сложно по жизни».

Мне было двадцать три, шел 2011 год. Я только закончила челябинский журфак и приехала в Петербург учиться на арт-критика. Критик из меня был сносный, но вот с «арт» дела обстояли не очень. Все, что я знала об искусстве, было прочитано в альбомах «Ташен» за прилавком одного челябинского книжного, куда я устроилась продавцом, чтобы скопить на поездку в Петербург. И с этими скромными знаниями я поступила на бюджет, но без работы было не прожить, и я нашла ее в «Миражах».

Лофт «Миражи» занимал корпус бывшего хлебозавода в центре города. На пяти этажах располагалось несколько выставочных залов, коворкинг, хостел, кафе «Прозрачная комната» с террасой на крыше, маленький книжный магазин. «Миражи» были первым в городе лофтом: промышленное помещение перестроили, изменив его назначение и сохранив при этом индустриальный дух места; не дикий сквот¹ и не скучный офис, а настоящий объект *редевелопмента*. Такого слова я тогда не знала, но смутное ощущение подсказывало: собралась в арт-критики — иди в «Миражи». Для начала и администратором хостела подойдет.

Хотя увольнение мое было неожиданным, трех месяцев работы хватило, чтобы заметить: в «Миражах» все было не тем, чем казалось. Некогда промышленные помещения, с белеными потолками, просторные и светлые, были уставлены кадками с фикусами, пальмами и разной

¹ Сквот — нелегально заселенное помещение или здание.

зеленю; в кафе и холле хостела стояла причудливая винтажная мебель; по этажам из кафе разносился запах котлет и пюре. В целом все это одновременно напоминало сестрорецкий санаторий, выборгскую библиотеку, амстердамскую барахолку и хиппи-коммуны в Копенгагене. Но обстановка просвещенного социализма-анархизма совершенно не вязалась с личностями руководителей «Миражей» и выбранной ими манерой управления. «Миражи» представляли собой превосходный продукт капиталистической системы, секрет живучести которого состоял в соблюдении жесткой социальной иерархии.

Уровень 1. Руководители

В начале 2010-х в «Миражах» было три основных направления работы: выставки, хостел и кафе «Прозрачная комната». Кто управлял кафе, я не припомню. Хостелом занималась Люба — стервозного вида тридцатилетняя длинноногая блондинка с ботоксными губами и на спортивной «ауди». У нее была коллекция фирменной одежды, и каждый день она приходила в чем-то новом. Когда-то — в это было трудно поверить — Люба сама работала администратором хостела, поэтому с некоторым сочувствием относилась к своим подчиненным, в том числе ко мне — до поры до времени. Я испытывала к Любе смесь презрения и страха в пропорции 3 : 1 с легким шлейфом благодарности, который к третьему месяцу стал совсем невесомым. Скрывать свои чувства я умела плохо. Однажды Люба попросила меня сходить в аптеку и купить ей обезболивающее. В ответ я нахамила: мол, много работы. К моему удивлению, она не рассердилась, более того, мне показалось, что я ранила ее. Как будто она доверяла мне больше, чем я того заслуживала.

За выставки отвечала Мила, крепкая брюнетка около сорока. Она одевалась проще Любы, обычно в обтягивающие джинсы и лонгслив, говорила отрывисто, имела мощный бюст и каменное лицо. У нее был свой штат девушек, но нас, администраторов хостела, она тоже привлекала в качестве смотрительниц на выставках. Мила ничего не знала об искусстве, блюла порядок и вела коммерческие проекты.

Основатель «Миражей» Демьян был высокий мужчина за сорок с пепельно-русыми волосами до плеч, которые эффектно развевались, когда он шел через холл хостела. Он носил темные широкие штаны типа шароваров, кроссовки и светлую свободного кроя рубашку. Ходили слухи, что Демьян — последователь саентологии; что его основной бизнес — сеть хостелов для гастарбайтеров и их трудовая эксплуатация; что у него квартира на Невском у Аничкова моста и что он охотник до прикольной канцелярии. Последнему я нашла подтверждение: холл хостела какое-то время был завален коробками фирменных цветных ручек, карандашей и блокнотиков. Демьян был темной лошадкой.

Ни у одного из руководителей на тот момент не было ни семьи, ни намека на личную жизнь. Было это следствием выбранной рабочей

стратегии или стартовым условием успешного бизнеса «в сфере креативных индустрий» — не знаю, но души их словно выскребли ложкой для мороженого.

Уровень 2. Креаторы

Руководители «Миражей» строили работу, исходя из системы стратификации: наверху они, а внизу мы: подчиненные, готовые выполнять их поручения за честь быть частью команды, и посетители, днями напролет стаптывающие ступеньки лофта с первого до пятого этажа, чтобы причаститься бренду. Еще ниже нас — уборщицы и повара из Узбекистана.

Но не руководители делали место культовым. Этим занимались архитекторы, дизайнеры, кураторы — приглашенные креаторы, почитаемые и незбылемые. Они так же, как и мы, ходили под руководителями, но обладали несравнимо большей свободой. Одни работали на аутсорсе и появлялись только на открытиях своих выставок или чтобы забрать гонорар. Другие, как архитекторы брата Авдиенко, были резидентами «Миражей».

Савва и Илья Авдиенко перепроектировали пространство хлебо-завода под лофт. Савва носил мешковатые брюки сложного кроя и узкие белые рубашки навыпуск, в его облике была какая-то прыгучесть и беспечность. Илья носил брюки и черный пиджак, имел мрачный вид неженки-меланхолика. У братьев была мастерская в «Миражах», они часто спускались в кафе и заходили в холл хостела посидеть между пальмами. Это была инвестиция в творческую энергию места, сделанная Демьяном: пригласить архитекторов обживать пространство и своим присутствием «освещать» его, притягивая новые возможности и искупая преступление капитала.

Уровень 3. Администраторы

Администраторы — нас было пять девчонок — работали посменно, в дневную и ночную. Днем нужно было заселить новых постояльцев, навести порядок на кухне, выгрести из холодильника забытые йогурты и колбасу, почистить и заправить кофемашину, выдать завтраки. Рабочее место администратора — руководители настаивали на слове «ресепшн» — было за большим монитором серебристого «Мака» посреди просторного холла. Мы отвечали на электронные письма и звонки желающих забронировать комнату; до сих пор помню пиликанье этого телефона. Ночью беготня заканчивалась и можно было заняться бумажками: откопировать паспорта, оформить временные регистрации иностранцам, посчитать выручку, а потом вздремнуть на красном кожаном диване или посидеть в утренних сумерках у окна с чашкой горячего кофе. С рассветом приходило время собирать грязное белье в прачечную, а затем спускаться на проходную принимать свежее. К десяти приходила сменщица, и цикл начинался снова.

Взъерошенная девушка в очках, вязаных сандалиях и длинной юбке уверенно шагает по коридору. Обеими руками она прижимает к груди стопку выглаженных комплектов постельного белья, трубку беспроводного телефона и связку ключей, а за ней следом, как утята за уткой, семят новые постояльцы. Это я веду заселять гостей в комнату.

...Но в самом деле: я ли это? Вообще, я не очень подходила на роль радушной мамы-утки. Было во мне что-то колючее и мизантропское. Пожалуй, я побаивалась людей и не очень понимала, что им нужно.

Талантом гостеприимной хозяйюшки была наделена моя коллега Леся. Ее работой была довольна Люба, ее заботу получали постояльцы, бодростью и советом она делилась с новичками вроде меня, добрым словом — с уборщицей-узбечкой. Леся как будто лучше других знала, что нужно всем этим людям, каждому из них. У нее были темные, почти черные прямые блестящие волосы, карие глаза, светлая кожа, мягкие пальцы. Она была худенькой, не пользовалась косметикой. Ее лицо могло бы принадлежать упрямой вздорной девочке из сказки. Леся могла говорить эмоционально, сверкая глазами, подняв брови и вытянув подбородок и потрясая вскинутой рукой как бы в доказательство своих слов. Могла говорить тихо и доверительно, подойдя близко-близко и глядя в глаза, так что можно было рассмотреть ее обветренные губы и усталый лоб, любила шепнуть на ухо, касаясь ладонью твоего плеча.

Если Леся вкладывала в работу всю свою страсть и потому преуспевала, то вторая моя коллега, Нина, демонстрировала иной способ справляться с рабочими обязанностями — не проявлять чувств. С длинными пшеничными дредами, крепким округлым телом, сухими теплыми ладонями, она была как скала: всегда находилась в покое, даже во время движения, неспешного и величественного. На ее лице двигались только тонкие губы и поблескивали глаза; иногда в улыбке округлялись щеки, в удивлении поднимались брови, но и только. Нина была растафарианкой²: бывала в Эфиопии, кое-что знала о тамошнем православном каноне и культуре и почитала Хайле Селассие. В свободные от работы вечера Нина диджеила в баре «Белочка»: ставила реггей³, а я ходила к ней танцевать. Несколько раз я заходила в ее жилище, адову коммуналку-сквот, где квартировали молодые фрики. Пока в грязной кухне неизвестные курили косячки, в своей узкой желтой комнате Нина, растянувшись на матрасе, погружалась в режим гибернации.

Однажды в «Миражах» появился новый техник. После трех перекурков Нина закрутила с ним роман, и я поняла, что хотя она и была как скала, внутри нее шла бурная сейсмическая активность, какую мои датчики не были способны уловить.

² *Растафарианство* — религиозное движение, возникшее на Ямайке как культ последнего императора Эфиопии Хайле Селассие (до коронации — рас Тафари Маконнен), считавшегося воплощением Бога. В основе движения — любовь к ближнему и отказ от «западного» образа жизни.

³ *Реггей, регги* — музыкальный стиль, самыми известными представителями которого были растафарианцы.

Уровень 4. Техники

Новый техник Митя был старше Нины и имел густую, с баками, шоколадного цвета бороду и большие грустные карие глаза. Пол-лица в мохнатой бороде, пол-лица в грусти и тоске. Он выглядел так, будто недавно бросил жену с тремя детьми, потому что решил жить по-другому, но как именно, еще не понял и оттого чувствовал себя несчастным. Казалось, Митя устроился техником вынужденно и временно и на самом деле занимается чем-то совсем другим.

Было еще два техника, блондин Леша и брюнет Егор. Леша был как из кино: на бугристых мускулах трепещет исстиранная футболочка, черное трико обтягивает орехи ягодиц, он несет на плече пиленый брус или орудует шуруповертом — или стоит без дела и ждет поручений. Ни разу не слышала от него ни слова.

Егор, с выбритыми висками и хвостиком на макушке, напротив, был щуплый, любил поболтать и свинтить с работы.

Техники занимались монтажом выставок, что-то чинили, собирали и разбирали — в общем, были на подхвате по хозяйству. От парней шла приятная энергия пофигизма: им было наплевать на интриги, отношения, предчувствия, в которые были погружены мы, администраторы. Техники были самыми независимыми, поскольку не имели рабочего места, бегали с этажа на этаж и выполняли конкретные поручения. Их работу не мог сделать никто другой, а отсутствие их умелых рук делало беспомощными самих руководителей.

Уровень 5. Постояльцы

Братья Авдиенко, Демьян и Люба ездили в Европу перенимать зарубежный опыт. Идею делать столы из гигантских катушек, например, они привезли из Амстердама. Интерьер холла хостела напоминал шоурум евробарахолки: массивный деревянный стол, плексигласовые стулья, металлические медицинские шкафы, каталожные ящики из библиотеки, ушастые кресла в стиле рококо, причудливые люстры.

И по этой амстердамской барахолке на третьем этаже бывшего хлебозавода посреди Петербурга бродили люди в пижамах и шлепанцах, с мокрыми волосами и тюрбанами на головах. Они заплывали в холл, чтобы заварить кофе и получить на завтрак положенное «Ягодное лукошко». Мы хранили пирожные в шкафу, похожем на сейф, и каждый раз делали вид, что отпираем замок, чтобы постояльцы не думали, что завтрак можно брать свободно; на самом деле дверцы никогда не запирались. «Лукошки» мы получали в утренних сумерках на проходной в больших плоских картонках, и святым делом было распаковать и съесть парочку с кофе, пока никто не проснулся.

В хостел заезжали разные люди, но в целом похожие: среднего достатка, нетребовательные, но уверенные, что мы ждали именно их. Семьи с ребенком: одутловатые родители и долговязый сын-подросток, который скоро против воли узнает все о прогулках по рекам и каналам.

Пары с рюкзаками. Одинокие странники. Загорелые подружки. Отряды иностранных студентов.

Но были и постоянные жильцы, которые жили в хостеле по полугодую и дольше, как на съемной квартире, точнее на койке: их селили только в многоместные комнаты. Размещение им обходилось дешевле: вместо 900 они платили 500 или 300 рублей в сутки. Постоянные жильцы отличались от остальных постояльцев. Я хорошо помню двоих.

Ларисе было за сорок. Высокая, жилистая, темноволосая, с глазами навывкате и идеальной осанкой. По слухам, она была содержанкой. Если Ларисе удавалось закадрить мужчину, то она пропадала на время, а потом появлялась снова: брошенная, но не сломленная. Она носила светлый домашний костюм, который усиливал ее бледность и худобу. Когда у Ларисы совсем не было денег, она катала и ела шарики из муки и воды. Ее килограммовый пакетик «Предпортовой» всегда стоял на кухонной полке.

Другой постоянный жилец был Гульман, толстый еврей с рюкзаком, в черном спортивном костюме и «кроссах» в любую погоду. Лицо его заросло черной бородой, на голове вились кудри. Он был молод, но из-за лишнего веса, растительности на лице и капюшона было очень трудно понять возраст. Откуда приезжал и куда исчезал, тоже было загадкой. В очередной раз заявившись в хостел после долгого отсутствия, Гульман обычно появлялся в ампула мелкого воришки. Шаркая ляжкой о ляжку и бегая глазками, будто не знает, куда попал, он заходил в холл. В хостеле ему были не рады, особенно Люба: хитрил с оплатой. Гульман обиженно сопел, визгливо срывался, потом платил и убирался. Я старалась сгладить углы и говорила с ним доброжелательно. Восприняв это как знак внимания, он вскоре выступил в ампула соблазнителя.

В шесть утра за пыльным окошком уборной просыпается Лиговский проспект. В уборной стою я, слушаю его нарастающий шум и сортирую грязное белье. Гульман подходит к умывальнику и начинает со мной мурлыкать сквозь усы. Меня это веселит: у Гульмана есть чувство юмора. Его рыхлое белое тело нежно колышется, пока он моет руки, я вижу его глаза цвета морской волны, его сливочные ладошки трут одна другую. С сумкой белья пытаюсь протиснуться у него за спиной, а он смешно пыхтит, силясь меня поймать. Я не боюсь его, потому что он не кажется мне мужчиной.

Гульман кое-что знал о литературе, бывал уморительно смешным, хотя в целом был трусоватым и мелочным параноиком, почти лишенным достоинства. Но не таков ли герой Вуди Аллена?

Несмотря на непоколебимую иерархию, руководителей, администраторов и постоянных жильцов «Миражей» кое-что объединяло. Они были беспросветно одиноки. Руководители — ради бизнеса, администраторы — по молодости, постоянные жильцы — просто запутались. Такой была и я: только приехала из другого города, ни друзей, ни родственников. Возможность попасть в любое сообщество

тогда сулила утешение. В «Миражах» я любила часы уединения: после заката, когда я закрывала кассу выставочного зала, и перед рассветом, когда привозили «Лукошки». Небо в те часы было лазорево-синим, и под ним одиночество казалось не таким щемящим. После моего увольнения «Миражи» еще долго казались родными и было даже больно там появляться; потом место стало заурядным и выпало из моего поля зрения.

Лет десять спустя, гуляя по Пестеля, я встретила Любу. Она была на сносях, не узнала меня и прошла мимо, сверкнув глазами. Леся ушла еще до меня и завела семью. Нина поступила в магистратуру, окончила ее с отличием и стала работать с детьми. У техника Егора трое детей и мебельное производство. «Миражами» продолжают заниматься Демьян и Мила. Гульман писал мне довольно прилипчивые письма, и из одного моего на них ответа родился этот текст. Судьба Ларисы мне неизвестна.

Литературный конкурс «Иду на грозу»

Елена АХМЕРОВА

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ

Эссе

Вы верите в то, что желания, записанные на бумаге или произнесенные спонтанно, имеют свойство сбываться?

После окончания десятого, тогда выпускного класса, мы написали, кем себя и одноклассников видим через десять лет. Все эти записочки одноклассников хранились у меня, запечатанные в конверте. Мне было вовсе не интересно даже думать о предсказаниях — жизнь была ключом: университет, замужество, ребенок, работа... Через десять лет я буквально остолбенела, прочитав свое письмо себе: «Хочу учить детей литературе!» Именно так, с восклицательным знаком в конце одной-единственной фразы. На тот момент я уже пятилетку отработала в одном из лучших колледжей большого города преподавателем русского языка и литературы, точно по специальности моего диплома, вела клуб авангардного кино и литературный кружок.

И второй фокус. Тогда еще принято было, приступая к работе в новом коллективе, «проставляться», чтобы сразу познакомиться. Ничего дурного не подумайте, это было так: два салата, бутерброды с колбасой и торт; а еще проигрыватель «Вега» в моей лаборантской, виниловые пластинки из дома и с десяток женщин среднего возраста. И вот, кружась в вальсе под «Цветочницу Анюту», заместитель директора по воспитательной работе задает мне вопрос: кем я бы хотела стать в колледже? Смущенно отвечаю: «Наверное, вами». Она усмехнулась, до сих пор не знаю: то ли с гордостью за себя, то ли с недоверием ко мне.

И я стала: сначала заведующей отделением ЭВМ, потом руководителем системы менеджмента качества, а после заместителем директора по воспитательной работе. Сейчас я хочу быть... Да ладно, неважно.

В общем, работала я в образовании успешно и по призванию и ни разу не пожалела о своем выборе.

Как становятся учителями

Насчет педагогики как науки сомнения у меня серьезные. Науке можно научить, а педагогами от чтения книжек и выслушивания поучений никто на моем веку не стал, только уволились многие. Это не то пальто, которое можно снять с чужой вешалки, надеть и шагать в нем радостно. Если человека научить стихотворным размерам и рифмам, это не значит, что он станет поэтом. Так и с моей удивительной профессией.

В школе нас было четыре подруги, все стали преподавателями: две в школе работают, одна — в университете, я — в колледже всю жизнь. Нашей классной руководительницей была Ирина Л. — педагог от Бога. Мы ее не любили, как нечто чужеродное, вторгшееся в нашу жизнь: наша прежняя классная ушла в декрет, когда мы окончили пятый класс, и мы никак не могли смириться с утратой. Для детского неприятия этого вполне достаточно. Позже мы с Ириной Л. говорили об этом и я рассказала, что кличка у нее была Иринушка. Она удивилась — так ласкательное же. В старших классах мы ее понимали, ценили, уважали, но по-прежнему не любили. Однажды прочитали на форзаце ее записной книжки: «Их, даже умерев, нельзя отдать», — это было про наш класс, она нами дышала. Парни жалели, что у нее нет мужа, который бы ее отвлек от нас, девчонки сетовали, мол, собственных детей надо воспитывать и оставить нас в покое. И муж, и дочь появились в ее жизни позднее, когда она переехала в другой город, но сейчас не об этом.

Каждый урок Ирины Л. был высшим пилотажем по любым меркам. Литературу знали все. Однажды двое ребят повздорили и один троечник другому, рыжеволосому, кинул с вызовом: «Заговорила, роща золотая!» Вошедшая на этом моменте Ирина Л. с трудом сдерживала смех, мы хохотали всем своим литературным классом вместе с рыжим.

У нас была нежная, как цветок, ботаничка, подрабатывавшая в теплице; сильная и резкая математичка, ходившая всегда в белых сапогах; физичка, о которой говорили, что она на фигурных коньках выносит мусор; эрудированная историчка, завалившая всех претендентов на золотые медали четверками по обществузнанию, потому что даже она, по ее словам, не до конца понимала смысл материалов XXVII съезда КПСС. Да и все остальные были замечательные! Наша учительница начальных классов, которую мальчики на встрече выпускников называли уже просто Таня, на уроках рисования и труда тайно ставила нам новые, только что купленные пластинки Пугачевой и Леонтьева, вызывая в нас бесконечное доверие.

У учителей в прошлом обязательно должны быть хорошие учителя, иначе никто не захочет идти в профессию! И случайных людей в педагогике не бывает — совсем не та профессия, чтобы ринуться туда без убеждения и яростного желания сделать мир лучше.

Если бы вы знали, как стремятся выпускники нашего колледжа остаться в нем преподавать! Отличники, конечно, больше стремятся.

Кстати, из наших старых педагогов почти все медалисты и краснодипломники. Но троечники дольше остаются в профессии и объясняют материал доступнее.

Как меняются дети, а также их родители

...Истории услышать не хотите ли?

Год 1992-й. Шестнадцатилетний юноша на уроке литературы выходит в туалет, возвращается без кожаной куртки (которой неизменно гордился, поэтому не снимал даже в майскую жару) и со сколотым зубом. Охранников тогда еще в техникуме не было, видеокамер тоже; ключница баба Маша, ветеран Великой Отечественной войны, дремлет в подсобке. И вообще — суббота, последняя пара, никого из администрации уже нет. Несколько парней из группы решают догнать обидчиков товарища, чтобы вернуть ему куртку. Я отпускаю не раздумывая. Возвращаются грустные: догнали около гаражей, но ребята серьезные оказались, наши не справились. Досадуя, что не побежала с ними — задавила бы интеллектом. Всем жалко куртку больше, чем зуб. Продолжаем урок.

Год 2022-й. Утром звонит разъяренная мама второкурсника, угрожает полицией, министерством образования и репортерами. Вчера в колледже ее сыну порвали рубашку — в драке перед занятием по программированию. Требуется наказать обидчика. Приглашаю приехать в колледж, разобраться. Бросаю министерские отчеты, иду в группу вместе с классным руководителем. Да, конфликт, да, была драка. Все видели. Вызываю маму обидчика, которая требует предоставить запись камер видеонаблюдения, свидетельствующую, что ее сын порвал однокласснику рубашку. Сажу час с охранниками — находим и записываем на флешку момент драки. В кабинете заместителя директора по воспитательной работе места совсем немного: юноши, каждый со своей мамой, сидят друг напротив друга. Дети — на самом деле высоченные недоросли — виновато молчат, а мамы ругаются на чем свет стоит. В какой-то момент одна дергает другую за рукав, показывая, как была порвана рубашка. И тут начинается драка. Дети в ужасе, просто окаменели. Я стараюсь вытолкнуть разъяренных женщин в коридор под видеокамеру, всерьез опасаясь удара в глаз. Успокоились немного, требуют собрать свидетельские показания, так как камера без звука и непонятно, кто из детей что говорил в момент конфликта. Классный руководитель просит всех в группе написать объяснительные записки по поводу инцидента. Все пишут примерно одинаково: оба хороши, нет правого. Мамы, начиная конструктивно мыслить, настаивают на разведении детей по разным группам во избежание дальнейших ссор. Соглашаюсь, рекомендую поработать с психологом колледжа. На следующее утро приходят оба парня, просят никого из них не переводить в другую группу. Говорят, что вчера еще помирились, когда мам около моего кабинета ждали. Хочется смеяться, но нельзя — воспитательный процесс. Прошу написать заявления

о том, что хотят остаться в своей группе, обещают не конфликтовать, и настаиваю на ходатайствах матерей в поддержку заявлений. Все заканчивается хорошо.

Вот так дети за эти тридцать лет постепенно стали другими, меняясь вместе и с родителями, и с нами — педагогами, и со всем миром; не лучше, не хуже стали — просто другие.

Мальчики, девочки...

Прежде они через двадцать минут после начала занятия начинали болтать друг с другом, сейчас — утыкаются в телефоны (как, собственно, и преподаватели на педсоветах). Раньше неприличные слова про учителей и одноклассников писали на партах, теперь то же самое делают в соцсетях, придумывают разные мемы, постят видео, провоцируя конфликты и создавая неловкие ситуации. Раньше ребята сверяли все, что скажет учитель, с опытом своих друзей во дворе, сегодня — с информацией от ведущих блогеров. Раньше мы переживали из-за причастности наших детей к субкультурам готов, эмо и особенно скинхедов, сейчас все еще на повестке «Синий кит» и совсем непонятно, что делать с ребячьими поисками половой идентификации.

...Красивый юноша Ян: длинные черные волосы, стройный, модный, учится на дизайнера. Приходит с покрашенными синими ногтями, демонстративно подает мне свою практическую и пристально смотрит мне в лицо. «Красивый лак», — говорю бесстрастно и иду дальше между парт, собирая работы. На следующей неделе Ян приходит с покрашенными глазами и так же ждет реакции. На языке вертится слово «перебор», но страшно ошибиться и что-то — возможно, важное — испортить. Вспоминаю в этот момент один из первых больших концертов Вячеслава Бутусова в 1987 году — в свердловском Дворце молодежи, куда билеты раздавали через комсомольские организации. Семьдесят процентов зала — комсомольцы; они, оскорбленные внешним видом покрашенного по западному образцу Бутусова, в кулуарах долго и громко недоумевали... После пар иду к классному руководителю. Выясняется, что мальчик живет с папой. Мама два года назад уехала в Америку искать свою судьбу; папа, занятый личной жизнью, оплачивает учебу сына. Прошу уговорить отца пообщаться с психологом: ясно, что Ян прежде всего привлекает внимание папы. Не получается: отцу не до этого, да и сын хорошо же учится — что еще вам всем надо?

Ян хорошо сдал мой экзамен в зимнюю сессию, я забыла о нем и не видела больше месяца. И тут происходит нечто из ряда вон! Прибегает заведующая отделением: Ян в коротеньком платье и сетчатых колготках дефилирует по главному холлу колледжа, шокируя всех. Прибегаю в холл, не осознавая еще, кого надо спасать: Яна или публику вокруг. Но никого уже нет. Охранник говорит, что мальчика вывел руководитель нашего патриотического кружка. Довел за шкирку до автобусной остановки и отправил домой. Звоним папе. Тот вроде осознает

серьезность ситуации. Но в итоге он, оказывается, просто вызвал врачей и отправил сына в психушку, забрав документы из колледжа. Боль моя...

Другая история заканчивается хорошо, но я, думаю, по-настоящему не доросла до ее понимания. Милая умная девочка всегда тусуется с мальчиками и просит, чтобы ее называли Леша, потому что по сути она чувствует себя юношей. Очень хорошо учится, в коллективе ее уважают, из полной семьи. Иногородняя, постоянно где-то подрабатывает вечерами. На третьем курсе нашим ребятам исполняется всем по восемнадцать. После каникул девочка, заселяясь в общежитие, требует мужскую комнату. Говорит, что уже сделала операцию по смене пола. Во всех непонятных для меня ситуациях поступаю, следуя формальным правилам: будут документы с мужским именем — заселим в мужскую комнату. Через месяц документы готовы, Алексей переселен к мальчикам. Полколледжа, наверное, знали об этой истории и, что удивительно, на эту тему я не слышала ни сплетен, ни осуждающих слов. Даже преподаватели в этой ситуации тихо задумались и не высказывались.

Вот и в каком учебнике по педагогике есть технологии воспитания в таких ситуациях?

Кстати, педагоги тоже не всегда знают, как лучше поступить в отношении собственных детей.

Вспоминаю, как моя дочь попросила перевести ее в другую школу. Сказала, что ее обзывают в классе лохушкой. На родительских собраниях пожилая учительница в целях педагогического образования родителей очень хвалила одну девочку и домашнюю систему ее воспитания. Выступила перед нами мама этой девочки, рассказала: у них в семье все оплачивается. Получила пятерку — держи денежку, мусор вынесла, прибрала в квартире — еще заработала и тому подобное. Очень хотелось спросить эту маму, какие у нее расценки во взаимоотношениях с папой. Сдержалась. Но поняла, что дочь нужно точно переводить.

И жалею сейчас, что не устроила скандал в этой школе и не пообщалась с родителями этих крутых восьмилетних девчушек. Своих детей обязательно надо защищать! И на самом деле хорошо, что родители сейчас въедливые. Когда дети чувствуют поддержку, они увереннее идут по жизни. Быстро меняющейся жизни.

Подростки, как и каждый человек, хотят безусловного принятия себя другими, особенно родителями, и много-много-много любви. А проблемы у них не детские вовсе.

И как частенько говорила на педсоветах умница директор нашего колледжа, других детей у нас не будет.

Современные дети — это не проблема педагогики! Это ее наивысший смысл!

Учителя «с затеями» и «без затей»

Знаете, как бывает с начинающими педагогами: готовишься полночи к занятию и выдаешь все, что запланировал, задолго до звонка. И самый простой вариант в такой ситуации — дать выполнять практическую

работу или контрольную внеплановую. Потом полночи проверять — наставить кучу двоек, после разрабатывать завтрашний урок... А назавтра опять то же самое, даже хуже — нужно еще на консультации двойки как-то исправлять. Дети ничего не понимают, но инстинктивно требуют справедливости. А по справедливости — необходимо менять подход, но молодой учитель этого пока не знает.

Бенчмаркинг¹. Модное слово сегодня. Когда я после трех недель бессонных ночей и пропитанных самоуничижением дней пошла на урок к коллеге, это было не по осознанному желанию, а просто по требованию председателя цикловой методической комиссии гуманитарных дисциплин: раз в месяц необходимо было сдавать лист взаимопосещения. Выбрала педагога со стажем. В понедельник — иду.

Занятие по русскому языку. Педагог объявляет новую тему, но начинает с проверки домашнего задания. Материал самый сложный — суффиксы в причастиях, а упражнение больше. Вижу, что ребята отвечают не по тетради, а по учебнику: не готовились — выходные. Уже по первому ответу становится ясно, что правило студент не усвоил. Преподаватель по полочкам раскладывает вызвавший затруднение пример, практически заново повторяя часть пройденного материала. И так почти двадцать раз, до конца занятия. Каждый явно что-то понял наконец, горд собой и других слушает с явным интересом. Домашнее задание — по той же самой теме. Ни одной оценки не поставлено, новый материал не пройден. В листке взаимопосещения пишу, как есть: несоблюдение плана урока и так далее и тому подобное. Учительница подписывает не глядя: такие мелочи ее не интересуют даже. Выхожу в шоке, с чувством какого-то благоговения — вот оно как! А что, так можно было?

К черту планы уроков! Если хочешь получить результат, то необходимо двигаться в том ритме, который чувствуешь здесь и сейчас. Не бывает одинаковых групп, да и все понедельники разные.

Для себя понимаю две вещи: первое — детям нравится быть умнее, чем они были до этого; всем нравится. Второе — не все, что по правилам и по науке, работает на деле.

Взаимопосещения, кстати, бесспорно необходимое дело, причем важно посещение не только лучших педагогов, а разных, худших тоже — тем более худших! Приходишь на урок к учителю и видишь все его «косяки»: где не замотивировал, где поторопился, где сам ответил за студента или непонятно объяснил (простите, я сама ничего не поняла!), потратил время не на то, обидел ребенка мимоходом... Очень поучительно, скажу вам!

И дети всегда нас учат, особенно дети. Понимая, что у меня проблемы с дисциплиной на занятиях, как-то на первом году работы запустила анкету для студентов, где был и такой вопрос: «Почему вы нарушаете дисциплину на уроке?» Один ответ из сотни словно открыл мне глаза: «Вы сами позволяете нам это». На этом месте, кажется,

¹ Бенчмаркинг — способ оптимизации: сопоставительный анализ на основе эталонных показателей.

я поняла, что сама виновата во всем, что происходит на занятиях: задаю массу риторических вопросов, неверно рассчитываю время, много шучу... Главное, я осознала, что только сама ответственна за все происходящее. Сейчас я понимаю, что это значит — руководить процессом. Безусловно, преподаватель просто обязан быть руководителем, это и есть его работа.

Еще очень хорошо помню одно повлиявшее на меня в начале профессионального пути родительское собрание. Моя группа училась уже на четвертом курсе. К слову сказать, кураторство в колледже предполагает ответственность педагога за три группы. Получается, что у меня есть первокурсники, которые отнимают почти все время, второкурсники, захапшие на сложных спецпредметах, и старшенькие — выпускаются в этом году. Уроки в старшей группе уже не веду: ребята на переменах прибегают, еще ходим в театр и в походы. Но надо проводить плановое родительское собрание. Явка обязательна, а что говорить родителям, даже не знаю: процесс идет своим чередом, дети адекватные, сессию почти все сдали. С родителями «должников» отдельно уже встречались. Что делать?

Приглашаю на родительское собрание ведущего педагога по спецпредметам — стаж тридцать лет, бывший производственник, руководитель преддипломной практики и просто замечательная женщина. Студенты ее уважают безумно и страшно боятся. И тут я испытываю потрясение: она садится за стол и спокойно, по списку присутствующих, начинает рассказывать родителям про их детей. Примерно так: «Василий в этом семестре посещал плохо, но зато, хоть со второго раза, на права сдал; молодец, что не бросил, долгов — море, но разберемся; хорошо, что девочка у него постоянная появилась, замечательная девочка, тоже у меня учится, спуску ему не даст; Иван...» Родители слушают со слезами на глазах, некоторые понимают, что нечто важное и неожиданно-хорошее узнали о своих детях сегодня впервые... А я? Мне двадцать три года, я пока так не могу... и строчу ведомость успеваемости ребят первого курса.

Мы же все хотим, чтобы наш работодатель учитывал наши личные проблемы? Безусловно! А дети тоже люди, и, помимо учебы, перед ними весь мир. Велик тот учитель, который видит в ученике человека!

Меня порой, конечно, напрягали и даже пугали некоторые наши педагоги. То я вижу, как дети минут пять стоят, вытянувшись в струнку, рядочками между парт (дисциплину так нарабатывали), то слышу от учительницы литературы, что ей после рождения детей совсем читать некогда, уже три года как ничего не читала; то дети жалуются, что их тупыми назвал преподаватель на занятии... Но знаете, что вам скажу — эти мои коллеги тоже замечательные: первая литературный клуб после меня подхватила и детей не растеряла, вторая каждого ребенка берегла от отчисления, как своего собственного, за руку по консультациям водила; а третья такие проводила замечательные внеучебные мероприятия по специальности, что дети после уроков до ночи засиживались у нее в кабинете. Еще была у нас одна: по мне, так скучная, злая, классного

руководства не брала... А потом кто-то из ребят мне сказал, что это его любимый учитель, потому что преподает предмет, не поучая и не нарушая личное пространство. Вот так! Другая моя коллега запоем читала биографии поэтов и писателей, транслировала каждый урок свои знания и впечатления, но выпускники ее больше помнят и благодарят за то, что она научила их... чистить обувь.

И я поняла: очень здорово, что мы такие разные все — ведь дети тоже все разные. А всем понравиться невозможно. И чем более мы разные, тем больше шансов у детей найти своего близкого взрослого и тоже реализоваться в жизни. Мы все — отражение разных сторон того большого мира, к вхождению в который мы и готовим наших детей. А у них не будет ни идеальных руководителей, ни идеальных коллег, ни идеальных подчиненных...

Позднее услышала по этому поводу фразу одного мудрого преподавателя-производственника: «Пусть на нас тренируются пока».

Идеального учителя не существует, каждый учитель уникален!

Педагогическое сообщество: метаморфозы

Вы когда-нибудь ели салат из одного репчатого лука? После моего первого педсовета в техникуме меня чуть ли не насильно увезли на трамвае полужнакомые отважные женщины из нашей цикловой комиссии в гости к председателю. Хозяйка предупредила, что на закуску есть только лук, но лука много — дочь из сада привезла. Не помню: выпивали ли, ели ли лук? Но свежесрезанные головки лежали рядом вдоль окна на газетах. Мы обсуждали книги, кино, спектакли, урожай на даче, рабочие программы и проблемы в техникуме. Так я познакомилась с коллегами и бесповоротно влюбилась в них. Я скучаю по ним. Все уже давно на пенсии, многие уже не в этом мире вообще. Думаю, половина моих высказываний и не моя вовсе, а им принадлежит.

Я поражалась преподавателям математики, которые читают больше, чем я, преподавателям физики, знающим наизусть репертуар всех театров нашего города... Я была молода и неопытна, ко мне относились бережно и нежно. И я чувствовала себя своей среди своих.

Раз в неделю был методический день. О нет, друзья, это не выходной, как сейчас думают преподаватели. Это был замечательный день знакомства с коллегами из других техникумов. Каждую неделю мы, преподаватели русского языка и литературы, собирались где-то, чтобы посмотреть открытый урок, внеклассное мероприятие или обсудить какой-то вопрос. Ощущение собственной важности переполняло: мы совместно творили гуманитарное образование города.

Сама даже не помню, как и когда это закончилось. Наверное, тогда, когда мы с мужем закупали «быстрорастворимую» лапшу коробками и радовались колбасе, презентованной педколлективу нашим бывшим начальником по хозяйственной части, в то время уже успешным бизнесменом. Весьма душевный человек, кстати, был, пока проблемы

с законом не возникли. Праздники нам устраивал с приглашением звезд. Но это другая история.

Все постепенно менялось. Мы долго привыкали к тому, что теперь оказываем «образовательные услуги» и родитель — «заказчик». Поначалу эти слова коробили слух, на педсоветах преподаватели бурно возмущались унижительной новой ролью: прежде мы старались Служить, именно так — с большой буквы. Коммерческих групп набирать стали все больше и больше: это деньги. И учить таких ребят надо, и специальность сложную давать, а двойки ставить и отчислять экономически невыгодно. И вступительные испытания исчезли, и училища, где можно было просто рабочую профессию получить, тоже почти все закрылись. Для бюджетных групп стали вводить дополнительные платные образовательные услуги. На педсоветах постоянно вставал главный вопрос: кто добился полной оплаты от родителей, а кто плохо поработал. Классные руководители поначалу стеснялись напоминать о деньгах, но в итоге смирились с этой обязанностью, а кто-то и отказался навсегда от классного руководства.

Администрация выискивала новые способы заработка в образовании. И непонятно было порой, как язык поворачивается озвучивать новые суммы и откуда берутся такие расчеты. Должность новая появилась — заместитель директора по развитию. Один из таких заместителей сдал на металлолом старое оборудование, которое преподаватели показывали студентам как раритет. Развитие!

Все грустнее и грустнее становились преподаватели. Ведь именно они, один на один оставаясь с группой, вынуждены были отвечать на все вопросы. И объяснять непростые вещи так, чтоб и корпоративная этика была соблюдена, и собственная совесть не замучила.

Прибавьте к этому бесконечно меняющиеся образовательные стандарты и требования к аттестации, ежегодное переписывание программ, ежемесячное заполнение индивидуальных отчетов, родительские собрания, еженедельные консультации и сдача долгов по предметам, посещение проживающих в общежитии, почти ежедневный контроль учебных групп, что под классным руководством, выдачу характеристик... Курсы повышения квалификации, семинары, конференции, ВПР², всероссийские диктанты, форумы, конкурсы... На переменах каждый день то заседания, то совещания, то двоечники, то акции в холле. А еще дома репетиторство ждет.

Кто-нибудь сейчас обязательно вспомнит: зато отпуск два месяца. Но, поверьте, я не знаю ни одного учителя, кроме педагогов-пенсионеров, который в отпуске бы не подрабатывал. Мои знакомые учителя торгуют овощами в ларьке, работают в загородных лагерях, организуют поездки для групп школьников и тому подобное.

Все загружены по уши, измотаны до предела. У меня в воспитательном отделе девочки и мальчики — то есть педагоги мои молодые, — наверное, никогда и семью не создадут. Нет времени у них на себя! Берегу

² ВПР — всероссийские проверочные работы.

их как могу, вместе с ними все делаю — до ночи, если надо. Все равно не успеваем.

Еще важно отрабатывать заявленные гранты, потому что это субсидии, на которые можно материальную базу обновлять хоть чуть-чуть. А потом приплывают «сверху» новые и новые задачи. Обязательные к выполнению. Такое ощущение, что все ведомства и организации города свои планы реализуют за счет нас, преподавателей, и наших студентов. Мы им отчет, а они свой великий отчет составляют — молодцы. Министерство образования десятки писем ежедневно шлет, и что ни письмо, то требование — помимо дела — тысячу бумажек написать, ссылки на сайт и социальные сети указать, фото и видео прикрепить к отчету. И постоянно чувствуешь себя двоичницей. Когда, к какому числу, нужно отчитаться? Ответ: вчера. Так говорят все в нашем колледже сейчас.

Утвердили все программы по воспитанию на каждую специальность, согласовали со студенческим советом, родительским комитетом, на сайте разместили. А ничего, что любое дополнение в программу должно проходить тот же самый путь? И любой родитель вправе задать вопрос: на каком основании несовершеннолетнего ребенка привлекли к мероприятию без моего ведома? Белиберда получается, однако.

Никто не хочет плохо работать. Но чтобы хорошо отчитаться, важно правильно и вовремя писать бумажки и количественные показатели указывать нужные. Иначе при проверке (а они почему-то никогда не заканчиваются) в сотни раз больше придется времени потратить. И задаешься вопросом: для чего вся эта писанина, когда не остается сил со студентами поговорить?

Студенты тоже перегружены. Дисциплин за тридцать лет стало в три раза больше. Многие тратят на дорогу до колледжа час-полтора, ходят по вечерам на тренировки или в кружки, кто-то подрабатывает курьером. Когда наставники-старшекурсники приходят к первокурсникам поделиться опытом, то говорят открытым текстом: на четыре года можете забыть про личную жизнь.

И не хотят уже ребята ни дискотек по вечерам, ни дней именинника, ни в театры, ни в кино. Это раньше я покупала билеты в Оперный сразу на всю группу и потом пару не востребовавших друзьям продавала. Сегодня — сначала деньги соберешь с пяти человек, потом двое из них скажут, что не смогут пойти. А трое, что пошли, домашнее задание не выполняют и просят меня предупредить об этом преподавателей. Вот такой культпоход.

Возможностей для самореализации, для хороших дел — тьма тьмущая. Но все больше мы делаем наспех, без глубинного смысла, без души. И остается только усталость. И листки взаимопосещения теперь нужны только перед аттестацией. Получается, раз в пять лет к тебе приходит на занятие целая толпа серьезных коллег; дети всё знают — пробный урок был накануне. Не идеально, конечно, но на первую категорию хватит, и так работать некому.

У нас нехватка педагогических кадров с каждым сентябрем все более ощутима. И ничего, что у наших будущих программистов на выпускном курсе каждый день физкультура — замены занятий, нет нужного «предметника». Смеются ребята, ругаются родители, ищем преподавателя.

Не модно нынче быть учителем. Не идут умные, активные и амбициозные в учителя — либо задерживаются ненадолго. Средняя зарплата учителя в нашем городе за 2023 год — 30 363 рубля, а продавца-кассира — 37 416 рублей. Это нормально? Честь, конечно, дороже денег, но как эту честь-то почувствовать, когда собственное руководство устанавливает диктат, манипулирует нами в непонятных целях и ценит безропотных. Говорит, незаменимых работников нет. Не нравится — увольняйся. «Я устал бороться», — сказал мне один замечательный педагог, написав заявление об уходе.

Не должны учителя быть вымотанными, безмолвными, вечно недовольными, не уважающими сами себя. Ребята это считают мгновенно, и нет доверия такому человеку.

А профессия-то лучшая! И трудиться хочется по призванию и с радостью. И с гордостью говорить: «Я — учитель».

Вячеслав ЛЮТЫЙ

«Я ПРОБЫЛ НА ПЕРЕДОВОЙ ОКОЛО ТРЕХ ЛЕТ...»

Некоторые особенности прозы Владимира Богомолова

Среди авторов так называемой лейтенантской прозы имя Владимира Осиповича Богомолова кажется каким-то отдельным, не принадлежащим в полной мере этому литературному течению. Хотя первая повесть писателя «Иван» хронологически совпала с появлением многих произведений фронтовиков, заявивших о себе в литературе спустя десятилетие после окончания Великой Отечественной войны. Последующие книги Богомолова всё в большей степени оказывались особенными и представлялись неким творческим феноменом, непохожим на прозу его фронтовых сверстников или современников.

Для литературного письма Владимира Богомолова характерно привлечение внимания читателя к двум сферам: лирической и отчетливо документальной. В подобном соединении стилистических и интонационных начал писатель достаточно одинок, хотя в определенной мере оно содержится в романах и повестях, скажем, Юрия Бондарева или Константина Воробьёва. Однако у этих авторов нет почти дневникового оттенка письма и властного присутствия документа в развитии сюжетной линии. Примечательно, что документальное свидетельство появляется у Богомолова уже в «Иване», а впоследствии оказывается одним из столпов, на которых держится художественный мир его произведений. Принимая это обстоятельство со всей серьезностью, можно охарактеризовать Владимира Богомолова как художника стилистически чуткого и чрезвычайно внимательного к форме и интонации своего повествования. Он обладает острым зрением и умением сделать детали происходящего почти вещественными — так, что читатель не только видит их во всей отчетливости, но и осязает фактуру предметов, как будто приблизившихся к нему волшебным образом настолько, что можно различить их мельчайшие детали. С подобной пристальностью Богомолов изображает в разных, взаимно не сходных сюжетах не только реальность, но и пространство чувств, гамма которых может быть самой широкой. Есть эта пристальность и в описании профессионального восприятия действительности контрразведчиком. И в лирических рассказах,

которые могут быть охарактеризованы не иначе как стихотворения в прозе. Для последней литературной формы важен точный выбор слов, их единственность. В поэзии это изначальное условие ее существования.

Примечательно, что взвешенность речи Богомолова, ее выверенная точность и понимание, что сказанная по-иному фраза не только теряет собственную выразительность, но и разрушает достоверность изображения, стали притчей во языцех. Известна история противостояния Владимира Осиповича с высшими партийными и военными инстанциями, сопутствовавшая журнальной публикации романа «Момент истины» («В августе сорок четвертого...»). Впоследствии писатель отметил, что ни одного слова в тексте своего произведения не изменил, хотя нападки и нелепые замечания ведомственных рецензентов были крайне жесткими.

Так же непросто складывалась и судьба двух экранизаций этого произведения. Работа В. Жалакявичуса не была доведена до конца, поскольку писатель, отсмотрев снятый материал, не позволил режиссеру выкроить из первоначального сюжета собственную экранную версию — и тем самым снижал себе репутацию несговорчивого, порой невыносимого автора. В свою очередь, последующий фильм М. Пташука оказался облегченным вариантом литературного первоисточника, из-за чего Богомолов снял в титрах упоминание о себе как о сценаристе: кино не соответствовало пунктуальной точности романа.

Между тем фильмы 1960-х годов «Иваново детство» Андрея Тарковского и «Зоя» Михаила Богина были приняты писателем. Первый хотя и выходил в жанровом отношении за рамки первоисточника, но был дополнен лирическими сценами. Второй, снятый по одноименной повести, был насыщен поэзией, в избытке присутствующей в первоначальном произведении. И хотя Богомолов роняет в своих заметках мысль о невозможности адекватного перенесения на кинолентку практически любой литературной вещи, мы не найдем у него резкого отрицания этих двух работ. Напротив, к Тарковскому он относился с большим уважением, а с Богиним поддерживал дружеские отношения. Единственное объяснение такого полярного восприятия Богомоловым фильмов по его книгам, пожалуй, заключается в том, что лиризм был от природы в числе важных составляющих таланта писателя. И если перенос на экран литературного произведения сопровождался очень точными лирическими акцентами при отчетливом следовании интонации и деталям изначального текста — здесь режиссер и прозаик становились единомышленниками. Повесть «Зоя» расширяет пространство рассказа Владимира Богомолова «Первая любовь», который по праву назовем стихотворением в прозе, и воспринимается как лирическая поэма. И потому дает киноискусству дополнительные возможности перенести литературное произведение на экран, не вступая в противоречия с тем поэтическим образом, который владеет писателем.

Говоря о сочетании строгой документальности и элементов лирического дневника в прозе Богомолова, нетрудно заметить, что в подобных художественных позициях присутствует вполне различимый контраст.

Причем это свойство, в самых разных прочтениях, присуще литературному письму Богомолова практически в любой его работе — от небольших рассказов, повестей до романов «Момент истины» и «Жизнь моя, иль ты приснилась мне...». Придавая повествованию эмоциональную и интеллектуальную напряженность, документ соседствует с размышлениями героя, жестокость реальности — с трепетной нежностью любви, а рутинность военного быта — с трагизмом ухода фронтовых друзей и однополчан. Наконец, директивы советского командования накладываются на установки фашистского руководящего звена, которые дополнены личными письмами немцев с передовой — чудовищными еще и оттого, что многие расистские, бесчеловечные сентенции в них прописаны очень обыденно, как что-то уже привычное и само собою разумеющееся.

Такая контрастность литературной речи, несомненно, берет начало в личном характере писателя. Он различал понятия государства, страны и Родины, не терпел глупости и чиновной самовлюбленности, стремился рассказать о войне правдиво, не теряя самого высокого смысла происходящих событий, но и не скрадывая их низовую повседневную изнанку — ту, что на земле, а не в далеких штабах или прифронтовых газетах. Во многом личность героя последнего романа Владимира Богомолова «Жизнь моя, иль ты приснилась мне...» автобиографична.

Книга начинается с форсирования Одера в середине апреля 1945 года и завершается девятью месяцами службы лейтенанта Василия Федотова на Чукотке после победы над Японией. Многие главы этого произведения — собственно художественные страницы, иные — это подобранные и порой адаптированные к сюжету циклы документов, которые сопровождают и часто исподволь комментируют все, что происходит с главным героем. Пожалуй, нет в отечественной литературе другого произведения, в котором столь подробно и достоверно были бы описаны будни Советской армии в первые недели после окончания войны с фашистской Германией.

Взаимоотношения с местным немецким населением, гибель наших солдат и офицеров от алкогольных суррогатов, доступные немки, высокий уровень бытовой культуры и зажиточность горожан-бюргеров и сельских гроссбауэров... Для армии победителей оказалось слишком много искушений, тем более что родная страна была в развалинах, военная дисциплина стала слабее, а жены и невесты — далеко, за тридевять европейских земель. В повествовании Богомолова присутствует огромное число образов грубых и простых людей, пошедших на войну за родную землю, — тех людей, которые чувства свои к Отечеству порой даже выразить внятно не могли, но держали удар, ходили в атаку, а потом иной раз — пропадали ни за что...

По населенности героями: и маленькими, и мимолетными, и яркими армейскими фигурами, и фронтовыми друзьями, такими разными и родными, и женщинами, чьи души исковеркала война, однако совсем в ничто превратить их не смогла, — по всему этому человеческому многообразию роман Богомолова сопоставим, пожалуй, с «Войной

и миром» Льва Толстого. Здесь также отображена эпоха в ее подробностях, связавшая детали в единое целое и таким образом представшая перед читателем.

Два боевых товарища лейтенанта Федотова, отправленные вместе с ним на японский фронт, погибли в Маньчжурии. Один был убит в атаке на огневую точку противника, второй подорвался на вражеской mine и лишился ног. Прежде веселый и деятельный, он недолго тосковал в госпитале и выбросился из окна многоэтажки. В эпилоге романа автор от имени главного героя корит себя за то, что не спас от смерти не только друзей, но и подчиненных, которых как командир должен был уберечь от яда — метилового спирта.

В 1963 году Богомоллов написал маленький рассказ «Сердца моего боль».

Как-то вечером вскоре после войны в шумном, ярко освещенном гастрономе я встретился с матерью Лёньки Зайцева. Стоя в очереди, она задумчиво глядела в мою сторону, и не поздороваться с ней я просто не мог. Тогда она присмотрелась и, узнав меня, выронила от неожиданности сумку и вдруг разрыдалась.

Я стоял, не в силах двинуться или вымолвить хоть слово...

В тот вечер я ходил словно пришибленный. И хотя Лёнька, как я слышал, погиб в первом же бою, возможно, не успев убить и одного немца, а я пробыл на передовой около трех лет и участвовал во многих боях, я ощущал себя чем-то виноватым и бесконечно должным и этой старой женщине, и всем, кто погиб — знакомым и незнакомым, — их матерям, отцам, детям и вдовам...

Эта вещь создана за три года до появления горького стихотворения Александра Твардовского «Я знаю, никакой моей вины...».

Владимир Богомоллов остается до конца не познанным автором. Не проявлена поэтика его произведений, а сам писатель кажется отдельно стоящей литературной фигурой, которая как будто не связана с яркими прозрениями и ассоциируется только с филигранным литературным мастерством.

Однако в его прозе высокая достоверность исторических и художественных событий столь отчетлива на фоне сегодняшней лжи, окутавшей наше прошлое, что он видится писателем, завершающим «лейтенантский» период современной русской литературы и вновь открывающим беспощадно честное и неподкупное творческое отношение к недавней истории России.

Геннадий ПРАШКЕВИЧ

СЧАСТЛИВЫЙ СКАЗОЧНИК

Фрагменты из книги о Юрии Магалифе¹

Я половину хлеба съел,
и стал я тем, чем стать успел,
и над моею головой
не веет грозный рок.
Но об одном печаль моя:
из дел земного бытия
лишь половину сделал я
того, что сделать мог.

Антал Гидаш²

Концепция выживания

1.

Юрий Михайлович Магалиф — актер-чтец (член Союза театральных деятелей), прозаик, поэт, драматург (член Союза писателей СССР), лауреат литературной премии им. Н. Г. Гарина-Михайловского, называл себя сибиряком, хотя родился в Петрограде — 16 июля 1918 года.

«Родился, как уверяла моя мама, в тот самый день и час, когда (в далеком Екатеринбурге) убивали семью Николая Романова. Отец мой занимался фармакологией, работал провизором в аптеке. Мама никакого специального образования не имела, но, как и подобало дворянке, она была прекрасно воспитана — знала несколько языков, неплохо играла на рояле. В моей крови слились четыре ручья — русский, еврейский, цыганский и польский. Мой отец наполовину еврей. Магалиф — это еврейская фамилия. А мама была незаконной дочерью цыганской певицы и польского графа»³.

Софья, мать писателя Юрия Магалифа, была дочерью польского графа Александра Миткевича, учившегося в Петербургском университете, и цыганской певицы Федосьи Дудецкой. Это ей («бесподобный

¹ Публикуется в авторской редакции. — *Примеч. ред.*

² Перевод Д. Самойлова.

³ Полозова Влада. «Я счастлив, что стал сибиряком». Интервью к 80-летию писателя / В. Полозова // Ведомости Новосибирского областного Совета депутатов. — 1998. — № 28 (17 июля). — С. 12.

Феничкин носик») посвящали стихи известные русские поэты Алексей Плещеев и Алексей Апухтин.

В десять лет Софью из Петрограда увезли к бабушке в Варшаву. Там, у бабушки, она и воспитывалась.

Только в 1927 году, узнав о бедственной жизни матери, оставшейся в Петрограде, Софья вернулась — уже не в Петроград, а в Ленинград, получивший свое новое имя в суровом январе 1924 года после смерти Владимира Ильича Ленина.

Специальности у Софьи не было. Зато знала языки. Устроилась переводчицей. Сначала в банк. Затем в страховое общество «Саламандра». Затем в какую-то фармацевтическую службу, где (судьба) познакомилась с фармакологом Михаилом Яковлевичем Магалифом. Жили они в «гражданском» браке. Жили весело, дом всегда был открыт для друзей.

Совсем не обязательно верить всем и всяческим слухам об известных людях — в конечном счете, все эти слухи чаще всего произрастают из чистых выдумок, но Юрий Михайлович от слухов, даже самых невероятных, никогда не отрекся, такой характер. Да и зачем? Юмор помогает жить.

Софья Александровна была хозяйка приветливая, разговорчивая, так же, как и ее муж, ничуть не чуравшийся юмора; в этом их сын Юра пошел в родителей.

Впоследствии даже из времени, когда Софья Александровна работала уже в Смольном (переводчицей и секретаршей), Юрий Михайлович извлек множество веселых историй о своей якобы дружбе с партийным вождем Ленинграда Сергеем Мироновичем Кировым. К примеру, он и охотничьих собак вождя выгуливал по Невскому, и всякие интересные разговоры вел с партийным вождем города о модной тогда евгенике. В конце концов, почему бы и не поговорить им о создании совершенно Нового человека — советского! никем никогда прежде не виданного!

Широкая гладь Невы. Летом синяя, зимой — белая.

Фонари на разводных мостах — газовые, керосиновые. Кое-где, правда, уже подрагивали огоньки фонарей электрических.

Впрочем, по известному выражению писателя Виктора Шкловского, электричество того времени было еще «молодо и ходило на четвереньках». Зато люди вставали на ноги.

Все в стране перевернулось с ног на голову.

«В моей детской комнате, — через много лет вспоминал Юрий Михайлович Магалиф в разговоре с журналисткой Владой Полозовой, — мама оборудовала “красный уголок” с портретами Ленина, Троцкого, Дзержинского и еще какого-то Зильбертага. Кроме того, там висели плакаты и стяги. Это было своего рода наглядное пособие по новой жизни, которой она восхищалась».

К сожалению, жизнь никогда не течет так, как нам хочется.

«Когда мне было семь лет, родители разошлись, начались материальные трудности, — рассказывал Юрий Михайлович. — Друг отца Самуил Яковлевич Маршак посоветовал маме отдать меня в цирк. Я очень рано стал профессиональным артистом». Первая запись в его трудовой

книжке, утверждал Юрий Михайлович, это «приказ от 20 октября 1929 г.: принять на работу в Ленинградский государственный цирк артистом разговорного жанра (клоуном)».

Вот и выступал — сперва как клоун. Потом стал чтецом. Как оказалось, на всю жизнь.

«Мне необыкновенно повезло. Я совершенно случайно познакомился с племянницей писателя Гарина-Михайловского — Марией Николаевной Слободзинской, — рассказывал Юрий Михайлович. — Только и слышал от нее: эти вот книги — дяди Ники, эта чернильница — дяди Ники, а в этом кресле любил сидеть дядя Ника. Все самое ценное в моем воспитании и образовании дала мне Мария Николаевна. Это была красивая, необыкновенно приятная женщина, педагог по профессии. Я называл ее второй матерью. Именно Мария Николаевна приучила меня к симфонической музыке, чтению русской и древнерусской литературы. Она первая привела меня в Эрмитаж и в Русский музей».

Короче, жизнь начала налаживаться.

Но так только казалось.

2.

В декабре 1934 года в Смольном был убит Сергей Миронович Киров.

Буквально через несколько часов было официально объявлено, что партийный вождь города пал жертвой заговорщиков. В тот же день Президиум ЦИК СССР принял постановление о внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы всех союзных республик. Главное в этом постановлении было определено просто: «Следственным властям — вести дела обвиняемых в подготовке или совершении террористических актов ускоренным порядком». Соответственно, судебным органам — следовало исполнение приговоров не задерживать.

Потянулся из Ленинграда «кировский поток». Несколько тысяч ленинградцев были высланы из города. Осуждена была и Софья Александровна — как «бывшая». Пять лет лагерей. На сборы — сорок восемь часов. Сына разрешили взять с собой. Путь предстоял неблизкий — в Восточный Казахстан, в глухое село Иргиз. Впрочем, до обозначенного в предписании места мать и сын не доехали, добрались только до Челкара.

«Это между Актюбинском и Аральским морем, — вспоминал Юрий Михайлович свое первое суровое путешествие. — Отсюда (из Челкара) надо было на лошадях или на верблюдах добираться до Иргиза. Но оказалось, что Иргиз уже до отказа забит ссыльными, и Софье Александровне велено было остаться в Челкаре. Через день она и ее сын являлись в местный отдел НКВД для контрольной отметки»⁴.

Один из спутников Софьи Александровны, тоже высланный, кстати, известный специалист по Кватроченто, очень мило шутил по этому поводу: «У нас удостоверения-билеты желтого цвета — совсем как у до-революционных проституток».

⁴ Магалиф Юрий. История одной женщины / Ю. Магалиф // Дворянское собрание. — 1996. — № 4. — С. 130—136.

Но проституткам платят. А у ссыльных работы не было.

Два пожилых (высланных, понятно) питерских академика, присоединившиеся к ним Софья Александровна с сыном и еще одно бывшее питерское светило — очень известный врач — организовали трудовую бригаду по сооружению отхожих мест, с которыми в Челкаре всегда было туго. <...> За работу получали пресными лепешками.

Иногда удавалось подработать на местной опытной станции Института прикладной ботаники и новых культур. Была там такая. Но, несмотря на все это, Софья Александровна верила, очень верила, всегда верила, что случившееся с ними — всего лишь нелепая ошибка, знающие люди во всем разберутся, скоро все мы вернемся в Ленинград! В ожидании такого близкого и счастливого возвращения ссыльные хватались за любое подвернувшееся под руку дело: развозили местную почту... копали какие-то нескончаемые канавы... даже разрисовывали киноафиши...

Исправят, исправят ошибку! Домой вернемся!

Но вернуться домой удалось только сыну. «Дети за родителей не отвечают». Иногда срабатывали и такие формулировки.

Вернувшись в Ленинград, бесконечно счастливый Юрий Магалиф все прекрасное лето 1940 года провел в городе Пушкине. Не мог надышаться, нагуляться, нарадоваться. Знал, был уверен: и мама скоро вернется. Очень удачно устроился на работу в Екатерининский дворец-музей, сдружился с молодыми, влюбленными в свое дело искусствоведами, композиторами, художниками-реставраторами. Иногда даже печатался в местной газете «Большевицкое слово» — писал для них небольшие заметки о всяких текущих делах.

В редакции этой газеты юный Юрий Магалиф познакомился с известным писателем Вячеславом Яковлевичем Шишковым, автором знаменитого романа «Угрюм-река».

«По заданию редакции, — вспоминал позже Юрий Михайлович, — настроил я солидный очерк о том, что делают ленинградские писатели в своем Доме творчества. Я подробно и живописно изобразил, как известнейшие литераторы играют в крокет и волейбол, как гуляют по эпическим липовым аллеям Екатерининского парка, какое обширное меню за их табльдотом. Очерк был опубликован, а на другой день разъяренные поэты и прозаики явились в редакцию, требуя выдать меня им на растерзание. “Да, мы играем в крокет! — кричал Михаил Козаков. — Да, мы гуляем и обедаем! Но, главным образом, мы здесь работаем. Трудимся! Пишем книги! Вот Решетов сборник стихов закончил! Каверин — пять глав нового романа! Слонимский! Тихонов!” Он давил на редактора знаменитыми фамилиями. И под таким мощным напором редактор с треском выгнал бы меня из редакции, но за юного очеркиста неожиданно вступился Вячеслав Шишков. “Молодой человек не очень-то виновен, — сказал Вячеслав Яковлевич. — Он ведь честно описал то, что видел — игры, прогулки. А наблюдать за писателем во время работы редко кому удается. Да и что интересного в таком наблюдении! Сидит себе человек за столом, водит перышком по бумаге.

Наш труд — это дело потаенное, запершись от постороннего взгляда, строчим помаленьку»⁵.

С восторгом вчитывался юный Магалиф в стихи современных (не только революционных) поэтов, внимательно изучал томики популярного «Чтеца-декламатора», штудировал стенографические отчеты Первого съезда советских писателей, проведенного в Москве еще в августе-сентябре 1934 года. После невеселого Челкара, после убогих голых песков, пыльных улиц, неулыбчивых усталых людей — всей душой, всем телом радовался жизни. Это же счастье, это же великое счастье — свободно встречаться с интересными тебе людьми, читать нужные книги, строить планы на будущее!

А Софья Александровна не вернулась...

К концу ссылки, к концу назначенного ей срока она добилась все-таки встречи с начальником лагеря. Полная самых радужных надежд (ведь срок заканчивается, скоро увидит сына! родной город увидит!), не сдерживая тревожного и счастливого нетерпения, спросила: «Когда же мне можно будет вернуться в Питер?» И услышала холодный ответ: «Ваша ссылка бессрочна».

Пережить «бессрочную» ссылку вряд ли возможно.

Кухонным ножом вскрыла вены. Умерла от заражения крови.

Впоследствии Юрий Михайлович даже могилу матери не смог отыскать в голых, пыльных, серых песках Челкара.

3.

В Ленинграде Юрий Магалиф поступил в Театральный институт. Конечно, вольнослушателем. Сын репрессированной, он даже документа об окончании института не смог получить, просто выдали на руки справку: «Артист-чтец... окончил четыре курса...»

С 1937 года — работа в Ленинградской областной филармонии.

Там встретился с Людмилой Эрнестовной Гиттерман — немкой по происхождению.

Упорная, волевая Людмила Эрнестовна в свое время училась балетному искусству и хореографии у замечательного балетмейстера-педагога Агриппины Яковлевны Вагановой. Это Ваганову тогда называли царицей вариаций, лучшей солисткой времен Петипа! О танце ее писали, как о шедевре классической пластики.

Людмила была старше Юрия почти на десять лет, но для них тогда это не имело никакого значения. Магалиф искренне, всегда радостно восхищался ею. Старался бывать рядом с нею как можно чаще. Конечно, ведущей в этой влюбленной паре была Людмила. Ее воля, казалось, все могла победить. Даже через много лет Юрий Михайлович утверждал (и не только в шутку), что, сложись их судьбы иначе, Людмила Эрнестовна его самого вывела бы в академики.

А жили в какой-то ленинградской каморке, как все.

⁵ Магалиф Юрий // Писатели о себе: сборник. — Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1973. — С. 137—139.

На браке Людмила Эрнестовна не настаивала, даже когда забеременела. Возмущенный ее отказом от брака, Юрий Михайлович пришел жаловаться к Вере — сестре Людмилы Эрнестовны — и услышал от нее удивленное: «Брак? О чем ты? Какой брак? Ты же еще мальчишка!»

Но «мальчишка» настаивал.

Так и получилось, что после ареста мужа Людмила Эрнестовна осталась одна. Одна на всю жизнь. Были у нее очень хорошие партии, как принято было говорить, но Людмила Эрнестовна на всю жизнь осталось верной Юрию Михайловичу; всю свою любовь, так жестоко прерванную арестом мужа, перенесла на сына...

Студента Юрия Магалифа арестовали в июле тяжелого 1941 года (уже шла война) — по известной 58-й статье Уголовного кодекса СССР. Основание для ареста: хранение (и чтение) запрещенной литературы, прежде всего — толстого (под семьсот страниц) тома стенограмм Первого съезда советских писателей. Кстати, злополучный этот том Магалиф взял почитать у Вячеслава Яковлевича Шишкова.

<...>

4.

Вон стоит у меня на полке экземпляр стенограмм. Дружески подарен московским писателем-историком. Многие листы в этом экземпляре аккуратно (бритвой) вырезаны.

И все же странно: вырезав листы с выступлениями Карла Радека, В. М. Киршона, Н. И. Бухарина и других, саму эту толстую солидную книгу (пусть даже так сурово искалеченную) все-таки не выбросили. Понимали, наверное, что вырезанные листы с именами «врагов народа» — это все-таки подтверждение некоторой лояльности, даже законопослушности, а вот целиком *выброшенная* книга...

Юрий Михайлович свой экземпляр не выбросил.

А ведь знал, прекрасно знал молодой студент Театрального института, не мог не знать о некоей «ущербности» этой книги. Всякие высокие разговоры о священной свободе слова и печати в те годы уже перешли в разряд разговоров чисто кухонных.

<...>

6.

Юрий Михайлович не любил рассказывать о пережитом. А если вдруг начинал рассказывать, то непременно с оговорками.

«Вполне может быть, что мои заметки, — признавался он в своих воспоминаниях, — могут показаться кому-то странными из-за того, что в них нет кошмарных лагерных сцен, описанных Солженицыным, Шаламовым, Жженовым. Что поделать. Уж, видно, так устроена память сердца моего, что ужасные картины запомнились плоховато. Конечно, изуверы и палачи были не только на Колыме, но и на Печоре, в Акмолинске, в Сибири. Возможно, кто-нибудь еще напишет про страшный

лагерь уничтожения в Искитиме (на известковом карьере), куда я чуть не угодил перед самым своим освобождением. Но сейчас мне хочется подчеркнуть, что свет не без добрых людей, что даже среди лагерного начальства мне посчастливилось встретить порядочных граждан: и, в общем, их было не так уж мало в Новосибирске военного времени»⁶.

Много в чем «посчастливилось» Юрию Михайловичу.

Уже на второй день пути из Ленинграда в Сибирь, вспоминал он, эшелон с заключенными попал под обстрел неожиданно налетевших фашистских самолетов. Поезд остановился прямо посреди поля, охрана разбежалась под защиту недалеких густых деревьев, только заключенные, конечно, остались в запертых вагонах.

Повезло, никто не погиб. Но память о случившемся осталась. Даже в «Приключениях Жакони» нет-нет, да мелькнет некая тень.

«Иногда Жаконя просыпался и слушал разговор людей в поезде. Люди беседовали между собой. В Сибири, конечно, хорошо жить. Только холодно очень. Это что и говорить. Морозы там бывают очень сильные. А мне нужно обязательно жить в тепле. Ой, погибну я там, в Сибири»⁷.

Счастливчик Магалиф не раз утверждал: везло ему.

К примеру, в арестантском вагоне соседом по нарам оказался некто Будагов. Тогда эта фамилия ничего Юрию Михайловичу не говорила. Ну Будагов и Будагов, мало ли людей живет и с такой фамилией. Не молод, срок — десять лет; по сравнению со сроком Магалифа (шесть лет) и его возрастом («в лагере лучше трубить молодым») это поддерживало.

Фамилия Будагов всплыла в памяти з/к Магалифа позже, гораздо позже, уже после освобождения. Оказывается, Георгий Григорьевич Будагов был сыном того знаменитого инженера, что построил первый железнодорожный мост через реку Обь, — Григория Моисеевича Будагова. Даже одна из улиц Новосибирска носила тогда имя Будагова. Уже в пятидесятых годах известный актер-чтец Юрий Михайлович Магалиф (разумеется, уже освободившийся) выступал в Кыштовском районе; вот там афишу с его легко запоминающейся фамилией случайно заметил тот самый Будагов-младший, бывший его сосед по нарам в арестантском вагоне.

Понятно, увиделись.

Вспомнили.

7.

К счастью, до Магадана (как многие з/к боялись) Магалиф не доехал. Высадили его в Новосибирске. Не одного, конечно.

В холодный сибирский город шли и шли составы с эвакуированным из разных городов страны тяжелым заводским оборудованием. Катастрофически не хватало специалистов, катастрофически не хватало просто рабочих рук. Прямо под открытым небом ставили бетонные фундаменты,

⁶ Магалиф Ю. М. Далекий взлет / Ю. М. Магалиф // Мой Новосибирск. Книга воспоминаний [авт.-сост. Т. Иванова]. — Новосибирск, 1999. — С. 149—158.

⁷ Магалиф Ю. М. Приключения Жакони. Любое издание.

на них — станки. Крышу и стены — это потом! Пока можно работать и под открытым небом.

Фронту нужно оружие! Всё для фронта. Всё для победы!

«Каждое утро по городу тянулись длинные колонны плохо одетых людей. Мужчины и женщины, старики и подростки: в рваных телогрейках, в замызганных бушлатах, в дырявых кирзачах, в уродливых бахилах под названием “четезе” они шли и шли из лагпунктов на объекты, — вспоминал позже Юрий Михайлович. — По бокам этих скорбных колонн шли солдаты с винтовками наперевес, злобно лаяли собаки, то и дело раздавались окрики: “Подтянись! Шире шаг!” и угрозы: “Шаг влево, шаг вправо — конвой стреляет без предупреждения!” В любую погоду — в жуткую непролазную грязь, в пятидесятиградусный мороз, в зной и в грозу, в дождь и в пургу — плелись по “второму Чикаго” сиблаговцы-сибулонцы — заключенные новосибирских лагерей...»

«И все-таки, — говорил Юрий Михайлович, — Новосибирск я воспринимаю как подарок судьбы. Меня ведь могли отправить в тот же Магадан на Колыму. А я попал в молодой, быстро растущий город».

«Юрий Михайлович, — рассказывала Надежда Константиновна Герасимова, редактор сказочных книг Магалифа, — не раз вспоминал те места своей жизни, с которыми когда-то был связан. Наш город, наш Новосибирск — он его точно любил.

И ничто любви этой не мешало.

Одна история из его жизни связана со встречей актера-чтеца Юрия Магалифа с детьми 36-й школы, которая находилась на улице Авиастроителей, называвшейся тогда еще улицей Жданова. Когда мы проходили с ним по этой улице, Юрий Михайлович непременно вспоминал о лагере, о пережитом там. В тот раз, о котором я рассказываю, встреча в школе уже закончилась, мы уже прощались с детьми, когда вдруг к нам подошла совсем незнакомая девочка. “Юрий Михайлович! — сказала она. — Я хочу передать вам привет от моего дедушки. Он говорит, что сидел с вами в одном лагере”. И назвала имя. Юрий Михайлович обнял девочку: “Конечно, я помню твоего дедушку. Передай ему от меня привет”. Когда мы уже ехали домой, я спросила: “Юрий Михайлович, вы действительно помните дедушку этой девочки?” Он улыбнулся. “Понятия не имею, о ком шла речь, но не мог же я обидеть ребенка”».

«Высокий забор, окутанный колючкой, приземистые бараки лагпункта, площадь для утренних разводов. Кормили плохо, — вспоминал сам Юрий Михайлович. — Нет, не плохо. Кормили омерзительно и унижительно. Пустая несоленая баланда, в которой в лучшем случае плавала косточка от вонючей наваги, жидкая, как слизь, каша из какого-то неведомого “магара”, вот и весь обед... И в наступление пошел смертельный авитаминоз, жуткая болезнь пеллагра, косившая тысячи людей... Но потом вдруг неожиданно, прямо как в сказке, все переменялось... Черпак раздавальщика плескал в ржавую миску суп, который уже нельзя было называть баландой, и каша была как каша — синеватая, конечно, но довольно густая, с рыжиковым маслом. Видно, кто-то сообразил, что строителей выгоднее кормить, чем хоронить с голодухи...»

8.

Однажды (в далекие семидесятые) в Свердловске в редакции журнала «Уральский следопыт» писатель Сергей Александрович Снегов, сам бывший «сиделец», рассказал мне и моему другу писателю Виталию Бугрову о некоем эксперименте, проведенном в тридцатые годы сразу в нескольких советских исправительных лагерях.

Всем понятно, что чем больше лагерей, тем больше бесплатных рабочих рук. Но также понятно и то, что работа из-под бича никогда не отличалась, да и не может отличаться высокой производительностью. Для решения этой проблемы и были созданы специальные команды.

В одних — з/к работали, как и прежде, по принуждению, в других — за поощрения (прибавки к пайкам, денежные премии, даже срок могли скостить за ударный труд). Команды, и те, и другие, формировались из разных людей — из крестьян, чернорабочих, инженеров, ученых, технической и прочей интеллигенции. Впоследствии почти все они (вместе с чинами, проводившими эксперимент) были ликвидированы, зато организаторы необычного эксперимента раз и навсегда утвердились в той простой истине, что чем ниже культура человека, чем хуже он ориентируется в общественной жизни, тем легче заставить его работать, всего лишь, скажем, пообещав... премию.

Совсем другое дело — техническая и творческая интеллигенция.

Этих «сволочей» непременно надо *заинтересовать*, пояснил нам Сергей Александрович, только тогда они смогут по-настоящему показать себя. То есть поручать важное и нужное для страны дело следует, прежде всего, именно тем, кто сам, по своему хотению тянется к созиданию, именно тем, кто сам, несмотря ни на что, ни на какие условия и ограничения, хочет *создавать* — самолеты, танки, сложные ирригационные системы, необычные жилые и промышленные здания, писать книги, научные статьи, да неважно что, лишь бы *самому!* лишь бы *по своей воле!*

Знаменитые «шарашки», в которых увлеченно трудились з/к Туполев, з/к Королев, з/к Чижевский и многие другие им подобные (позже знаменитые) деятели, возникали как результат таких экспериментов. В конце концов, даже «ленивых», не желающих работать доходяг все равно приходится кормить-поить, а типичный «враг народа» интеллигент Чижевский, к примеру, даже освободившись, будет сам просить, упрашивать оставить его в лагере ну еще хотя бы на полгода, ну еще хотя бы на пару месяцев, чтобы завершить начатое им дело.

Так что какой смысл морить нужных стране людей? Пусть стараются, пусть вырабатывают назначенную норму.

Вот и выживали в разных лагерях. По-разному. Иногда — просто по везению.

В первый, самый тяжелый год Юрия Михайловича из чистой жалости взял на работу в морг начальник местной медсанчасти.

В низком, холодном подвале работал в паре с з/к Магалифом венгерский поэт з/к Антал Гидаш.

«Он сапожным ножом, — позже вспоминал Юрий Михайлович, — вырезал фанерные бирки, руки его всегда были в кровотокающих мозолях. А я на этих бирках писал фамилию умершего и привязывал к левой ноге покойника...»

9.

Но даже самое плохое когда-то кончается.

В 1946 году истек лагерный срок з/к Магалифа.

И счастливчику (таким он себя считал) опять посчастливилось.

При запрете на проживание более чем в ста сорока крупных городах Советского Союза (посмотреть бы на этот список), бывшему з/к Ю. М. Магалифу было разрешено остаться в городе Новосибирске.

Узнав об освобождении мужа, в далекий Новосибирск приехала Людмила Эрнестовна с сыном.

К сожалению, годы разлук (да еще таких) не всегда сплывают.

Расстались...

Новое место, обстановка.

Где найти друзей, поддержку?

Ноги сами привели к местной филармонии.

«Выжил в лагере, значит, на воле выживу!» — думал упрямый счастливчик.

Подумаешь, запрещены для проживания крупные города! Люди везде живут. Даже в самой глухой провинции. Главное ведь, живут! Чем плох, скажем, разъезд с красивым названием Пихтач? Или пыльный шахтерский городок Судженск, с его черными угольными отвалами, по которым в ночи пробегают тусклые огненные змеи самовозгораний? Или далекое (действительно далекое) село Северное?

Куда ни глянь, везде люди живут.

В Татарске, в Кыштовке, в Чанах, Искитиме, Сокуре...

Вчера еще бесправный з/к Магалиф 27 апреля 1946 года (на всю жизнь этот день останется для него праздничным) был принят актером-чтецом в Новосибирскую филармонию!

Сбылась несбыточная мечта. Он — артист! Он — настоящий артист!

«Теперь я все время находился в движении. В Новосибирске, по моему, нет ни одной конторы, в которой бы я не выступил хотя бы раз. Нет такой деревни в Новосибирской области и ни одной области в Сибири, на Дальнем Востоке и Крайнем Севере, где бы я не побывал»⁸.

Новые места... Все интересно, все прекрасно...

«Однажды, в 50-е годы, осенью, в дождливую погоду мы ехали с артистами, со знаменитым баянистом Иваном Ивановичем Маланиным по полям Новосибирской области. Подъехали к какой-то сушилке, возле которой работали промокшие, утомленные люди. Мы там им дали

⁸ Полозова Влада. «Я счастлив, что стал сибиряком». Интервью к 80-летию писателя / В. Полозова // Ведомости Новосибирского областного Совета депутатов. — 1998. — № 28 (17 июля). — С. 12.

концерт, и эти люди поверить не могли, что перед ними выступают настоящие артисты. Они слушали нас и плакали от восторга»⁹.

Иногда актер-чтец Юрий Магалиф за месяц давал до семидесяти концертов.

Вот она свобода! Читал Льва Толстого и Николая Гоголя, Александра Пушкина и Александра Блока, Бориса Пастернака и Марию Петровых, современных поэтов, несть им числа. Бывали у него и спектакли-гиганты, такие, к примеру, как «Молодая гвардия» по роману Александра Фадеева или «Хаджи-Мурат» по повести Льва Толстого — каждый такой спектакль длился часа три!

И ведь слушали. И всегда готовы были слушать.

Тесные клубы, открытые полевые станы... Актер-чтец Юрий Магалиф мог выступить где угодно.

Бывало даже, что со спортивным комментатором Константином Брыкиным вел настоящие футбольные радиорепортажи. Ведь людям действительно интересно все: и победа «Спартака», и поэма «Сын» Павла Антокольского. Актер-чтец Магалиф гордился тем, что тысячи и тысячи людей, самых разных, благополучных и не очень, счастливых, усталых — разных! — знакомятся с лучшими образцами советской и зарубежной литературы именно с его помощью.

Радиовыступления в те годы были очень популярны.

Многие из встреченных надолго, а то и навсегда становились друзьями Юрия Михайловича. Вот с каким удовольствием в 1997 году, выступая уже даже не на радио, а на телевидении (телекомпания НТН-4, программа «Здравствуйте»), Юрий Михайлович представил одного из них.

«Вот сейчас вы встретитесь с моим другом. Сорок лет я дружу с этим человеком. Сорок лет, а может, и больше. Мы с ним и ругались, мы с ним и обнимались. Это прекрасный друг, прекрасный человек. Это человек, который прославляет наш город по всему миру. Этот человек — выдающийся артист, выдающийся музыкант. Он лауреат Государственной премии, он народный артист Советского Союза, он профессор Новосибирской консерватории, он главный дирижер Новосибирского академического симфонического оркестра. Ну, вы, наверное, уже понимаете, о ком я говорю. Это знаменитый Арнольд Михайлович Кац!»

И переходил на доверительный тон: «Вот, Арнольд Михайлович, у нас тут недавно выступал сам академик Велихов...»

«Это какой Велихов? Неужели тот, который атомщик?»

«Да, атомщик. Физик. Очень хороший человек.»

«Очень приятно, что пригласили меня в такую компанию.»

Еще бы! У актера-чтеца Магалифа плохих компаний никогда не было.

«Я тут расспрашивал некоторых наших гостей. Концепция выживания у всех складывалась практически одинаково.»

«И как же?» — спрашивал Арнольд Михайлович.

«Работать, работать, всегда работать!»

⁹ Подистов Андрей. Сказки рождаются, как и стихи. Загадочно / А. Подистов // Западно-сибирский железнодорожник. — 1996, 25 июня.

«Что ж. Они совершенно правы!»¹⁰

С годами даже о ссылке своей, о мрачном лагере, о работе в лагерьном морге Юрий Михайлович начал отзываться без ужаса.

Ну, Сибирь, ну, лагерь.

Но теперь-то — Новосибирск!

«Публика ломилась на мои литературные вечера. Вечер стихов С. Есенина, вечер стихов Б. Пастернака. Люди ахали. Тогда невозможно было слышать это где-либо еще. Мой век — это век резко континентального социального климата. И все-таки я счастлив, что жил именно в этот период. Какие прекрасные писатели и художники жили в нашем городе — Елизавета Стюарт, Леонид Решетников, Николай Грицюк! Да, мы нелегко, тяжело жили, возмущались и страдали. Однако папанинцы высадились на Северном полюсе в мое время и в моей стране! И грандиозный чкаловский перелет был у нас! Это мы стояли на тротуарах, когда пролетал над нами первый спутник! И что было с нами, когда полетел в космос Юрий Гагарин!»

Как актер-чтец Новосибирской (с 1946 года), Хабаровской (с 1957-го) и Кемеровской (с 1969-го) филармоний Юрий Магалиф объездил множество городов, станций, поселков, деревень. В его репертуаре (а значит, в памяти) значилось (хранилось) более девятисот (по факту, наверное, больше) художественных произведений. Жаль, что многих и многих его концертных записей не сохранилось.

Жизнь и сказки

1.

В Новосибирске вчерашний з/к Юрий Магалиф нашел не только работу.

Он спутницу там себе нашел. Прекрасную умную спутницу на многие-многие годы, почти на всю жизнь. Звали ее Ирина Михайловна, фамилия — Николаева. Самые обычные имя и фамилия. Но Магалиф горел! Он был счастлив. Он на полном серьезе утверждал, что в жилах его избранницы течет настоящая царская кровь!

Не голубая, а именно царская.

Я переспрашивал.

Ирина Михайловна была старше мужа на восемь лет, и вместе они прожили чуть ли не полвека — сорок семь лет. Работала концертмейстером в той же филармонии и попала в Сибирь тоже из Ленинграда — блокадного. Пережила там голод и холод, а вот родители и старшая сестра не выдержали чудовищных тягот блокады; и старший брат погиб в первый день войны.

В общем, всё как у всех. Даже поднадзорный муж не пугал Ирину Михайловну.

¹⁰ Магалиф Юрий. Интервью с А. М. Кацем / Ю. Магалиф // Помним таким. Арнольд Кац: воспоминания. — Новосибирск: Сибирский успех, 2014.

Да, пережито много. Но ведь не только они одни такое пережили. Вот и не было в Ирине Михайловне ничего трагического. Темные волосы, темные глаза, светлая улыбка. Любила посмеяться, поговорить. При этом — слушать умела. «Всегда царило хорошее настроение в их семье, — вспоминала художница Любовь Павловна Лазарева. — Я приносила Юрию Михайловичу картинки, сделанные к “Приключениям Жакони”, но их первой оценивала Ирина Михайловна — остро, умно, дружелюбно. Сам Юрий Михайлович ни в какие обсуждения не вдавался. А на вопросы отвечал веселой улыбкой».

Как бережно, заботливо и точно
соотнесен с природой наш язык.
Не говорят — «состарился источник»,
нельзя сказать, что «одряхлел родник».

Ты — воплощенье сущности природы.
И, словно родниковая вода,
прозрачней, тоньше станешь через годы,
но старую не будешь никогда...

Так писал Юрий Михайлович о своей жене.

«Я человек не рационалистичный, — признавался он. — Для меня огромное значение имеет первое впечатление, чисто эмоциональное восприятие. Женщины, вопросы любви, симпатии и самой обыкновенной физической страсти всегда играли в моей жизни важную роль, иногда даже руководили мной. — И особенно подчеркивал: — Я никогда не встречался с женской изменой. Но и не отдавался желанию без страстной влюбленности»¹¹.

Были ли у него комплексы?

Ну и вопрос! Как бывшему з/к без комплексов?

В том же интервью (посвященном, кстати, его восьмидесятилетию) Юрий Михайлович охотно признался:

«Комплексов у меня даже не один — а целых три. Бери немножечко меньше, чем дают, давай немножечко больше, чем просят. Никому не завидуй. И — всегда будь готов к неожиданной встрече с прекрасной женщиной».

Встреча с Ириной Михайловной подтолкнула Магалифа к творчеству.

В пятидесятые годы он снова начал печататься. Сперва в альманахе для детей — «Золотые искорки» (небольшой очерк — «Героическая профессия»), затем в более солидном сборнике — «Сибирская новь» (тоже очерк — «Приметы времени»).

Но все это — подступы.

Он будто ждал какого-то знака.

И дождался. Ведь он — счастливчик!

У Ирины Михайловны с детства бережно хранилась тряпичная игрушечная обезьянка по имени Жаконя. Мама сшила ее для маленькой

¹¹ Белоусов Сергей. Юрий Магалиф всегда готов к неожиданной встрече с прекрасной женщиной / С. Белоусов // Новая Сибирь. — 1988, 4 сентября.

Иры. Удивленный и растроганный Юрий Михайлович быстро (он утверждал, что очень быстро) написал и в 1957 году издал первую свою книжку — «Приключения Жакони».

Андрею Подистову, журналисту, Юрий Михайлович рассказывал:

«Как-то я съездил на Чукотку и рассказал об этой своей поездке на радио. Мой рассказ очень понравился детям, и ко мне стали приставать работники радио, чтобы я что-нибудь сочинил для детей. Я отказывался, потому что никогда ничего такого не писал, тем более для детей. Но все-таки сочинил. Это была первая моя сказка — “Приключения Жакони”, про тряпичную обезьянку. Она ведь действительно существует. Она ведь действительно до сих пор живет в моем шкафу. — И добавил со своей замечательной улыбкой: — Сейчас ей уже восемьдесят пять лет»¹².

Книжка сразу понравилась читателям.

<...>

«...Я тогда была студенткой, — вспоминала художница Любовь Павловна Лазарева, иллюстрировавшая чуть ли не все сказки Магалифа. — И мне очень хотелось рисовать. При этом очень хотелось рисовать именно книжки.

<...>

Видимо, я так сильно хотела рисовать детские книжки, что мой запрос, несомненно, был услышан. Писатель Юрий Магалиф готовил к изданию сборник своих сказок, вот наши общие друзья и подсказали мне — а ты нарисуй.

Конечно, я попробовала.

И старалась. Очень-очень старалась.

И — о чудо! — Юрию Михайловичу рисунки понравились.

<...>

...В конце концов все мои иллюстрации были приняты, и книга Юрия Михайловича “Сказки” вышла в свет — огромным стотысячным тиражом! До сих пор встречаю людей, удивляющихся: “Как? Это ты рисовала «Сказки» Юрия Магалифа?” И опять, и опять выясняется, что почитателей у писателя Юрия Магалифа всегда было очень и очень много».

2.

Книжкой о славной тряпичной обезьянке Жаконе Юрий Михайлович, несомненно, освободил себя от некоторых своих невеселых воспоминаний. От природы он был человеком жизнерадостным и всегда тянулся к празднику. Приученный всей своей прошлой жизнью к постоянной тревоге и осторожности, он сильнее многих тянулся к праздничности.

И вот Жаконя.

Настоящая тряпичная обезьянка.

Красная курточка, синие штанишки, хвост из коричневого шнурка.

¹² Подистов Андрей. Сказки рождаются, как и стихи. Загадочно / А. Подистов // Западно-сибирский железнодорожник. — 1996, 25 июня.

Ну, понятно, еще вязаная шапочка, ватные башмачки. Девочка Ира (Ирина Михайловна) всегда, всю свою жизнь тщательно следила за одеждой своей любимой игрушки.

«Юрий Михайлович жил тогда на улице Блюхера в самой обыкновенной хрущевке, — вспоминала Любовь Павловна Лазарева. — Запомнилось много книг на стеллажах. Запомнилась картина на стене, написанная, кстати, самим Юрием Михайловичем. Уверенно была написана, без тени любительства...»

Почему-то в те годы по самым разным поводам (отсутствие поводов тоже не сильно мешало) наша компания собирались в доме Гнедковых. Там было шумно и весело. Юрий Михайлович умел (и любил) не только удивлять, но и удивляться. «Любочка, — к примеру, говорил он мне. — Вы художница, а художники, я знаю, пьют водку. А вы почему водку не пьете?» И смеялся, искренне смеялся моему ответу: «Я ведь, Юрий Михайлович, детская художница!»»

На детей Юрий Михайлович смотрел как на героев вечной сказки.

В «Приключениях Жакони» это сразу чувствуется, с самых первых страниц.

Папа шестилетнего Мальчика собирается строить в Сибири большой завод.

Провожая Папу, Мальчик на прощанье отдал ему Жаконю.

То есть Мальчик отдал Папе свою самую любимую игрушку, а сам с Мамой (ну, сами понимаете, временно) остался в родном городе. Ведь все равно скоро увидимся! (Ах, какой знакомый мотив.) В итоге Папа и Жаконя устроились в далекой Сибири у какой-то местной Старушки, очень правильной, очень умной, но слишком уж занятой своей личной коровой. Корова эта умом была не сильно богата, зато умела чудесно моргать длинными своими ресницами.

А Папу Сибирь удивила.

Сперва он думал совсем как Жаконя. «Ой, я ведь там замерзну... Ой, мне обязательно нужно жить в тепле... Ой, погибну я в этой Сибири...» Но быстро, очень быстро, даже быстрее, чем он сам думал, убедился Папа в том, что в далекой Сибири не так уж страшно. (Никаких этих «четезе» на ногах... серых бушлатов... заплатанных телогреек...) Зимой, понятно, снег, метели, зато летом — деревья в зеленой листве. И веселые в небе птицы. И сильные, мощные — на полях — комбайны.

Все красиво, все удобно.

Изба правильной Старушки сложена из сосновых бревен, даже запах смолы еще не выветрился. Утром Папа уходил на работу, никогда не пропускал ни одного рабочего дня, никогда не опаздывал, хотя еще в апреле 1956 года отменили в СССР суровый Указ о судебной ответственности рабочих и служащих за самовольный уход с рабочего места, за любой прогул без уважительной причины.

Но Жаконю с собой на работу Папа не брал.

Оставаясь один, Жаконя сильно скучал. Чем заняться?

Ну, радио есть. Только что толку? Вечно все одно и то же, одно и то же.

Подумаешь, построили умелые инженеры, ну, такие, как Папа, железную дорогу из самой Москвы до китайского Пекина. Новость, конечно, хорошая. Но Мальчик и Мама все равно никак не приезжают в Сибирь... Или вот, в каком-то итальянском городе, название не запомнить, советские спортсмены впервые в истории получили кучу золотых наград. Ну, получили и получили. С Мальчиком было бы интересно обсудить такую новость, но где наш Мальчик? был ли Мальчик? Кстати, ревниво думал Жаконя, он лично сам мог заработать самые дорогие, самые олимпийские, самые золотые медали — например, за прыжки со стула на стол, со стола на книжный шкаф, со шкафа на абажур, да, в конце концов, за художественное кусание переплетов самых толстых, самых умных Папиных книг.

Разве не интересный вид спорта?

А знают о нем только хитрые и недалекие коты Васька, Фомка и Дымка.

Коты эти — совсем подлые, совсем наглые. Когда впервые познакомились, Жаконя страшно радовался, вот друзей нашел! Постарался каждому понравиться. Вежливо и красиво приподнимал кончиком хвоста свою удобную шапочку, крепко пожимал сразу двумя руками и одной ногой три протянутые к нему мягкие кошачьи лапы, а они, эти наглые коты, оказывается, только и умеют — воровать у Старушки сметану и распевать страшные песни.

Мы крадемся по темным чуланам,
мы гуляем в сырых погребах,
где в горшочках белеет сметана
и где мясо висит на крюках!

<...>

Сделают что-нибудь плохое и радуются. При этом все свои проделки сваливают на безответного Жаконю, да еще как бы даже жалеют его. «Эх, Жаконя ты, Жаконя, — удалая голова!»

Ну что с такими сделаешь? Ведь он, Жаконя, простая тряпичная игрушка. Особенным умом не блещет, да и не блистал никогда. Только когда честно (как вот сейчас) о себе думает, становится немного умнее. Это болтливая Сорока, да важные Ворона и Дятел, красивые Чижи со Снегирем, даже суетливые Воробьи относятся к нему, к тряпичной обезьянке, как бы снисходительно. Сорока вообще унесла его без спросу в свое гнездо, утроенное на высокой березе. Не драться же с нею! Она, кстати, умеет за себя постоять, и клюв у нее будто железный. Высокая береза так сильно раскачивается под ветром, что запросто можно вывалиться из гнезда. Но Сороке всё нипочем. Болтливая, она мечтой своей заветной делится с полюбившимся ей Жаконей.

«Я очень хочу, чтобы ты научился беззаботно порхать. — Вот какая у нее мечта. — Порхать — это так чудесно!»

И стыдит, стыдит игрушечную обезьянку.

«Ну, чего ты у меня опять задумался? — стыдит. — Ну, чего ты опять задумался, мой деточка? Не должен ты теперь задумываться! Задумываются пусть совсем другие птицы, а ты, мой деточка, должен жить без всяких мыслей!»

И трещит, не отстает: «Я сделаю тебя самой важной птицей в лесу!»

А как Жаконе, тряпичной обезьянке, научиться порхать? Он же бескрылый.

<...>

Хорошо, что автор книжки писатель Юрий Михайлович Магалиф все-все-все наперед знает про своих героев. Он, писатель Юрий Михайлович Магалиф, все-все-все, абсолютно все знает и про Папу, и про Мальчика, и про Старушку, и про Сороку, и даже про хитрых и подлых котов. Писатель этот всего в жизни посмотрелся. Его никакая Сорока не обманула бы. Он даже радио слушает как-то по-другому, не как Жаконя. Почему-то страх как интересно ему узнать и о первой советской полярной станции в Антарктиде, и о первых советских золотых олимпийских медалях, и про то, что даже у самого первого красного Председателя большой соседней страны Китай — Мао Цзэдуна — тоже есть грандиозная мечта. Этот Председатель тоже мечтает сделать свою большую, но бедную и отсталую страну великой державой. Так что не до сплетен сорочьих писателю Магалифу. Писателю Магалифу стенограмм Первого съезда советских писателей надолго хватило.

И вообще, это только в сказках на улицах и в полях — всегда весна.

Там, в сказках, на улицах и в полях снег растаял, ходят по черной пашне черные важные грачи, ну прям вылитые агрономы! Скворцы по-свистывают возле деревянных скворечников. А на бревенчатой стене большой и веселой советской школы высыпавшие во двор после веселого советского звонка веселые советские ребятишки шумно и весело вывешивают над входом веселый, яркий, ими же нарисованный плакат «Да здравствует 1 Мая!».

Короче, у Старушки скучно, а у Сороки страшно.

Страдает Жаконя от всего этого, не может не страдать.

И понимает его только писатель Магалиф Юрий Михайлович.

Он, этот писатель (не зря у него такая необыкновенная, такая волшебная фамилия), никакой работы не боится. У него в запасе много интересных, всем понятных слов. У него и взгляд внимательный и веселый. И усики веселые. А на голове — мягкая береточка коричневая. По виду — самый обыкновенный человек, и водолазка на нем самая обыкновенная, а присмотришься — нет, человек он совершенно необыкновенный. И веселые книжки для детей пишет, и чудесные акварели рисует, и прямо со сцены читает для людей интересные стихи, он даже умеет из обычных сухих древесных корней вырезать такую необычную всячину, что залюбуешься...

3.

С концертами актер-чтец Юрий Магалиф выступал в самых разных городках и поселках Новосибирской области. Там красивых мест много, но больше всего понравилось Юрию Михайловичу село Юрт-Акбалык.

Это — в Кольванском районе, на берегах реки Уень. Населения там всего-то человек триста, почти все татары. Везде, куда ни глянь, роскошные кедры, темные сосны, луга зеленые.

Не случайно Юрт-Акбалык издавна облюбовали новосибирские писатели: поэты — Елизавета Стюарт и Леонид Решетников, прозаик Елена Коронатова, а с ними художник Владимир Колесников.

Там и Магалиф поселился.

Сам ходил в гости, к нему ходили.

Учительница Халима Мухамадшеевна Сатышева оставила такое воспоминание.

«Помню, как Юрий Михайлович улыбался, склонившись над тетрадкой за столом у нас в доме. Вдруг громко рассмеялся, как ребенок, и, весело мне подмигнув, сказал, что очень скоро познакомит меня с Жаконей. — (Именно в Юрт-Акбалыке Юрий Михайлович писал о приключениях своей тряпичной обезьянки.) — Мне даже показалось, что человек с таким загадочным именем “Магалиф” сам должен быть волшебником...»

Колокольчик местной славы
упоительно звенел!
И казалось, что по праву
этой славой я владел.

Отравлялся сладким ядом,
когда шепотом вослед
лепетали: «Вот он, рядом —
наш артист и наш поэт!»

Эти стихи тоже были написаны в Юрт-Акбалыке.

Там трава, деревья. Там тишина. Юрий Михайлович работал, Ирина Михайловна занималась домом и садом. Бывшая блокадница, она, к сожалению, часто болела, но небольшой сад под ее присмотром цвел и разрастался. Глядя в открытое окно на деревья и траву, Юрий Михайлович писал: «Осень кончилась, наступила зима. Затрещали морозы. Все вокруг занесло снегом: и лес, и поля, и Старушкину избу, и хлев, где стояла Зоренька, и будку, где жил Черныш...»

4.

В Юрт-Акбалыке, кроме «Приключений Жакони», Юрий Михайлович написал еще и повесть «Что в сердце твоём?».

Герой этой повести актер-чтец (дело знакомое) Макар Петрович Касаткин приезжает в отдаленное село Березово. Там у него всего один

концерт, мог бы и не ехать, но попросил его по старой дружбе заехать в это село старый добрый знакомый Ржанский, кстати, народный артист, не просто так. В Березове, оказывается, живет и работает Тоня, дочь бывшего его учителя. Конечно, она уже давно не девочка Тоня, а взрослая красивая девушка по имени Антонина Захарченко. Работает в местной школе и — такой вот характер! — почему-то возник у нее конфликт с известным писателем Шайдуровым, который сам уже давно в это село переселился.

<...>

Касаткин... с Антониной встречается.

«Надо же! — изумленно всплескивает она руками. — Какая я стала несообразительная! Ведь не раз слышала по радио: “Стихи читает артист Макар Касаткин”, а сама думала, он, наверное, из Москвы. А ты, оказывается, обретаешься у нас в Сибири! Я тут, — совсем разоткровенничалась, — редко вспоминаю и тебя, и всех наших ребят. Вы ведь для меня принадлежали к миру отца, своего учителя, к миру взрослых людей. А мне сколько было? Ну, от силы тринадцать... Может, четырнадцать... Тебе-то тогда двадцать пятый шел... Иногда вспоминаю детство... Актюбинск... Но чаще — Ленинград, куда нас отец перевез. Вы ведь у нас именно в Ленинграде появились — лихой студент Коля Ржанский и с ним Макарушка Касаткин».

Вот и всплывает прошлое.

Актюбинск... Ленинград родной...

О чем бы писатели ни рассказывали, они рассказывают о себе.

Писатели любят прятаться в глубине своих текстов, свое личное прячут за обычными, казалось бы, словами. Неважно, о чем идет рассказ — о сельских жителях, о тряпичной игрушке, о сорочьем гнезде, — все равно каждый писатель пишет о себе...

<...>

«Макар Петрович, — рассказывал в своей повести Юрий Михайлович, — уставший после дневного путешествия, сидел в маленькой комнатке за кулисами. Тошнотворно пахло казеиновым клеем: возле батареи стояли банки с плакатными красками. Медный позеленевший геликон, как Змей Горыныч, висел на согнутом гвозде. За окном в сумерках орали ребята...»

Звучит не сильно весело.

Но вы читайте, дальше читайте.

«Касаткин любил сцену, особенно дорожил своей профессией за то, что, выступая, он как бы забывал про все на свете, и даже про самого себя. На сцене он всегда был здоров (а ведь не раз ему приходилось выступать даже с высокой температурой), не испытывал никаких обид. Все оставалось там — в пяти шагах от него, за серой пыльной кулисой...»

Конечно, Магалиф писал это о себе.

«Что может рассказать о тюрьме человек, если он там не был! — откровенничает в той же повести Промтов, бывший священник. — А вот вообразите себя посреди стен одиночества, которые сами воздвигли. Кончалась война. Кончалось кровопролитие. Радоваться бы, ликовать.

А у меня после войны — ни родных, ни близких, ни дома, ни пристанища — отец убит, мать умерла. Куда ни обернусь — как огненное знамение на Валтасаровом пиру, начертано: “Горе, горе тебе, одинокому!” И приятель-сослуживец посмеивается, спрашивает: “Желаешь свежий анекдотик?” Слушаю, улыбаюсь, но — через силу. Улыбаюсь, а сам думаю — да как же так? как такое возможно? анекдотик! Ведь у нас позади река крови, гибель любимых...»

Конечно же, это мысли самого Юрия Михайловича.

А Промтов что? Ну, не утвердился в вере бывший священник.

Подсказок в этом деле нет. Утверждаются в вере только наедине с собой. А подталкивать человека, подсказывать ему что-то — к хорошему не всегда приводит.

<...>

Сказки и жизнь

1.

Частые, иногда долгие поездки многому научили Юрия Михайловича.

В автобиографии, написанной в начале шестидесятых для сборника «Писатели о себе», он честно признавался: «Писателем я стал недавно». И специально подчеркивал: «А артистом работаю, можно сказать, с самого раннего детства — всю свою сознательную жизнь».

К сожалению, прошлое — это не только детство.

Мне снился сон. Как будто снова я
помолодел и восседаю снова
с законной пайкой хлебушка ржаного
на смрадной гряде рваного белья...

Мы здесь его стираем. А потом,
где можно, ставим новые заплатки.
А дальше — в установленном порядке —
белье в эвакогоспиталь сдаем...

Вода в корыте — с кровью пополам.
Мир пахнет потом и зеленым мылом.
Нет передышки нашим бедным силам
и нет скончанья горестным делам...

2.

Конечно, известность писателю Магалифу принесли сказки.

«Приключения Жакони» издавали и переиздавали, на ленинградском телевидении одно время шла веселая программа «Тяпа, Ляпа и Жаконя», — ну как оставить такого обаятельного героя без компании?

Вот в 1960 году и присоединился к Жаконе еще один необычный герой — грузовичок Бибишка.

Самый настоящий грузовичок.

Конечно, игрушечный, но — грузовичок!

Прозвище у него было соответственное — Славный Дружок.

И жизнь понимал этот грузовичок ничуть не хуже людей.

Да и как могло быть иначе? Ведь собирали Бибишку самые что ни на есть живые люди — металлурги, слесари, токари, строгальщики, электрики, инструментальщики, в общем, все, кто имел хоть какое-то отношение к делу.

Потому и соображал Бибишка лучше, чем какая-то там тряпичная обезьянка.

Вообще, людям, своим прямым создателям, Бибишка — Славный Дружок готов был помогать всегда и везде, особенно осенью, когда уже холодает, когда земля от первых дождей уже размокла, размякла, а урожай еще не убран!

Тут, разумеется, многое зависит от сидящего за рулем шофера.

«Но какой бы шофер ни сидел за моим рулем, — думал про себя склонный к таким размышлениям Бибишка — Славный Дружок, — я-то уж точно должен работать как полагается...»

3.

Актер-чтец всегда в пути.

В отдаленных городках, в глухих деревеньках, в просторных селах, на железнодорожных станциях, даже на каких-то совсем уж забытых таежных полустанках, в тесных прокуренных клубах, и на открытых площадках, и в школах, даже на полевых станах известный актер-чтец читает людям стихи.

Кстати, и свои собственные тоже.

Моя бабка Федосья Трофимовна
(«бесподобный Феничкин носик»,
как писал Алексей Плещеев)
была барышням не в пример:
то драгун ее песни слушал,
то голодный студент-христосик.
Возносило ее на галерку,
опускало ее в партер...

Мне от бабки Федосьи Трофимовны
по наследству досталось цыганство:
безразлично, что в изголовье, —
лишь нашлось бы место, где лечь;
и хотя пел я песни многим,
но всегда ценил постоянство;
и хотя обитаю в Сибири,
но люблю ленинградскую речь...

Я, как бабка Федосья Трофимовна,
если вдруг приходится лихо,
говорю: «Ерунда все это,

мимо кладбища не пронесут!»
Если счастлив — живу я громко,
а несчастлив — живу я тихо.
И по солнышку начинаю
свой веселый нелегкий труд...

«Мимо кладбища не пронесут!» — такое не придумаешь; это из жизни.

Помню, как шумно восхищался стихами Юрия Михайловича наезжавший в Новосибирск то из Барнаула, то из Омска поэт Вильям Озолин. «Над вами, Юрий Михайлович, — вскидывал он сильные руки над головой, — какие-никакие Арины Родионовны пели, а нас, — качал головой, оглядывал собравшихся, — в основном Пугачиха пугает...»

Конечно, делились своими планами.

Для чего, собственно, писатели собираются?

<...>

5.

Проза, сказки.

И еще — акварели!

В семьдесят четвертом году — первая выставка. В семьдесят шестом — вторая. Затем — в семьдесят восьмом, в восемьдесят втором, в девяносто втором.

Зимний лес... речная гладь... скошенные луга... уютная деревенская окраина... такой же уютный дворик... простые деревянные ворота... заснеженный город... арочный мост... цветы...

Художник — это взгляд внимательный. Художник — это терпение.

Отсюда этот низкий нежный туман, пустынная щетина покоса, темный, наклонившийся над водой тальник, лодка, мокрые сети, растянутые на кольях, песок — влажный, убитый, зато не пыльный... как когда-то в Челкаре.

Так что ж нам поделаться со Временем этим?
Вернуться домой, поумерив желанья?
Иль с криком лететь, уподобившись детям,
на утренний праздник купанья, купанья?!

Написано в сентябре 1976 года.

Надежда Константиновна Герасимова вспоминала: «На новоселье Юрий Михайлович подарил мне одну из своих художественных работ... и когда потом приходил ко мне, то всегда непременно останавливался перед нею и как бы замирал в немом восхищении. Так постояв несколько минут, спрашивал: “Да чьей же кисти принадлежит этот несомненный шедевр?” И я, будто небрежно, отвечала: “Да так... кисти какого-то Магалифа...” Он возмущенно вскидывал руки: “Зря! Зря! Ох, зря я подарил тебе эту картину. Чтобы понимать настоящее искусство, тоже надо иметь талант!” Поддерживая веселую игру, я начинала как бы растерянно

доказывать Юрию Михайловичу, что я всего лишь пошутила, а он упирался, делал вид, что сердится, очень-очень сердится, что он страшно расстроен, так расстроен, что вот прямо сейчас снимет со стены эту превосходную, мною не оцененную работу... В юности ему пришлось столкнуться с очень жестокой, даже страшной несправедливостью, но вот сумел он остаться все тем же веселым, живым, все понимающим человеком — в самом высоком смысле этого слова...»

6.

Для писателя очень важен первый успех.

Для писателя первый успех многое определяет.

Начинал Юрий Магалиф с очень успешных «Приключений Жакони», так что не случайно в 1968 году (понятно, в надежде на новый успех) появилась еще одна сказочная повесть — «Необычные приключения одного мальчика и его говорящего ворона». (Переиздания ее выходили под несколько измененным названием — «Типтик, или Приключения одного мальчика, великолепной Бабушки и говорящего Ворона».)

Описывались в повести приключения Тимофея Птахина.

На этот раз читатели увидели настоящего мальчика, а не игрушечную обезьянку.

Правда, жил этот Тимофей Птахин, он же Типтик, в каком-то странном стеклянном городе, настолько набитом всякими маленькими, но умными машинами и механизмами, что самим людям уже не к чему приложить руки.

Чем же занимаются свободные от дел горожане? Где работают? К чему стремятся?

А ничем они не занимаются, ничего не делают, не работают, — к чему им стремиться? Со всем в городе справляются умные машины и механизмы, а свободные от дел жители стеклянного города сонно бродят по улицам и по своим квартирам, будто что-то потеряли, а найти не могут. Выглядывают в открытые окна, подремывают на открытых балконах, иногда, задрвав головы к синему небу, лениво и сонно к чему-то прислушиваются.

Куда им идти и зачем?

На всех проспектах, площадях, улицах, даже во всяких закоулках холодно шуршат, позвякивают, поблескивают одинаковые цветы из бумаги, жести, стекла, а вокруг них все время суетятся бесчисленные крохотные машины и механизмы. Обдают стеклянное царство распыленной водой. Красивые радужные капли скатываются со стеклянных лепестков на стеклянные листья.

Живи в свое удовольствие. Ни дел тебе никаких, ни учебников. В стеклянном загадочном городе даже любимым делом заниматься запрещено.

Ну хоть беги прочь из этого стеклянного царства!

Только куда бежать? Где найти город, еще не захваченный крохотными, но умными машинами и механизмами?

Есть ли на свете такой город?

Да есть, есть, конечно! Некоторые его даже видели!

Видели, видели. Правда, не прямо перед собой, а на совершенно замечательной картине, которую написал в давние-давние времена один Знаменитый Художник. К несчастью для всех, художник этот погиб в мрачной царской тюрьме (сказка Магалифа писалась в середине прошлого века, отсюда и такой несколько архаичный антураж), а та совершенно замечательная картина, которую некоторые видели, находится сейчас неизвестно где, неизвестно у кого.

Вот бы разыскать замечательную картину!

Впрочем, слухи о ней ходят разные. «Было такое дело, — вспоминал, например, Дядя Ловушка. — Полез я однажды на старый чердачок: думал парочку голубей отловить. Вижу, на чердаке картина валяется — вся в пыли да в паутине. Чего ж добру пропадать? Взял я картину, принес домой, вымыл чисто, с мылом. Гляжу и глазам не верю: не картина это, а просто голый холст! Ничего там не нарисовано: золоченая рама, а в середке голый холст!» — «Вррранье!» — возразил на это Дяде Ловушке некий Воронуша. — «А вы кому хотите верить? — обозлился Дядя Ловушка. — Мне, человеку разумному, или этой дурацкой птице?»

Прочитав это, я с удовольствием рассказал Юрию Михайловичу об известных биологических исследованиях академика Ольги Борисовны Лепешинской. Беззаветная большевичка, активная участница революции 1905 года и Октябрьской революции 1917 года, непреклонная последовательница известного академика Лысенко, в результате некоторых проведенных ею исследований пришла к твердому убеждению, что все живое на нашей планете возникло (и продолжает возникать) из самой обыкновенной грязи под нашими ногами. Да, да, той самой, по которой мы ходим, как бы уже не замечая ее. А если непреклонной исследовательнице кто-то осмеливался на ее такие слова возразить, она тем же твердым и непреклонным голосом заявляла: «Вы монаху Менделю хотите верить или мне, члену РСДРП с 1898 года?»

Юрий Михайлович в общем не любил таких разговоров.

Как писатель он, конечно, был уверен в том, что рано или поздно потерянную художником совершенно замечательную картину отыщут. Не могут не отыскать! Ведь сказка же! Потому и доверил поиск совсем юному и веселому мальчику Тимофею Птахину.

На вид это совсем обычный мальчишка, ну, вроде вас, уверял Юрий Михайлович своих юных читателей. Глаза у этого Тимофея Птахина серые, нос курносый. Такие ребята, как Тимофей Птахин, он же Типтик, всегда раскрывают самые сложные тайны, а значит, и потерянную совершенно замечательную картину найдут! В конце концов, кто, как не Типтик, он же Тимофей Птахин (глаза серые, нос курносый) может по-настоящему помочь жителям стеклянного города? Кто поможет людям из скучного города бесчисленных маленьких, но умных машин и организмов перебраться в город живой, в город летающих птиц, расцветающих растений, ярких красок?

7.

В семидесятые годы к частым выступлениям актера-чтеца Юрия Магалифа (по командировкам от филармонии, по путевкам от Бюро пропаганды Союза писателей) добавилась еще увлекательная работа в «Обществе книголюбов».

«Недели детской книги», бесчисленные выступления в институтах, школах, библиотеках, научных организациях и рабочих предприятиях Новосибирска, Кемерово, Томска, области.

Особенно — в школах.

Встреч с юными читателями бывало так много, они всегда так были востребованы, что в 1985 году в Новосибирске был создан отдельный клуб для читателей... скажем так... младшего возраста.

«Книжная шкатулка». Так клуб назывался.

Президентом «шкатулки» избрали Юрия Михайловича.

«1985, 3 февраля, — записывал он в своем дневнике. — Сегодня, в 11 часов, в магазине “Детская книга” я открыл (в качестве президента) детский клуб “Книжная шкатулка”. Все было очень славно: много детей, рисунки к сказкам, корреспонденты из “Советской Сибири”, из радио и телевидения»¹³.

Кстати, дневники Магалифа — это не просто фиксация фактов.

Это постоянные размышления писателя, постоянное подведение итогов.

«1985, 29 апреля. Вчера утром и сегодня (филиал в Криводановке) клуб “Книжная шкатулка”. Мне становится все интереснее работать с детьми и для детей. Очевидно — я много сейчас об этом размышляю — мною была совершена крупная ошибка, когда после “Жакони” и “Бибишки” я ушел во взрослые рассказы и повести. Надо было не бросаться в разные стороны».

К этой записи мы еще вернемся.

«1986, 19 января. Утром — очередное заседание клуба “Книжная шкатулка”. Говорили о сказках Пушкина в связи с выходом в свет прекрасно изданной книги этих сказок с замечательными иллюстрациями Виктора Ник. Лагуны».

Выступая в школах, библиотеках, в сельских и городских клубах, в различных творческих организациях, Юрий Михайлович внимательно прислушивался к суждениям своих юных читателей.

Чего они хотят от книжек?

Что их особенно интересует?

Да сказки, конечно! Сказки — само собой.

Вот и появилась в 1981 году в журнале «Сибирские огни» еще одна сказка Юрия Магалифа — «Нежно-зеленый Котькин». Отдельное издание, впрочем, он назвал проще — «Кот Котькин». Красивая сказка.

<...>

¹³ Магалиф Т. Ф. Ю. М. Магалиф и «Общество книголюбов» / Т. Ф. Магалиф // Новосибирскому «Обществу книголюбов» 45 лет: народный альманах творческих работ новосибирских книголюбов. — Вып. 8. — Новосибирск: Светоч, 2019.

8.

Но, думая о сказках, создавая их, писатель Юрий Магалиф думал и о других своих произведениях.

И не только думал, — писал!

В 1975 году вышла его книжка «Караярские рассказы».

На самом деле — это книжка о людях веселого села Юрт-Акбалык.

Это место многим новосибирским писателям нравилось. Каждое лето там жил известный поэт Леонид Решетников. С удовольствием обживала свой дом Елизавета Константиновна Стюарт. Тоже поэт. И, кстати, именно в Юрт-Акбалыке написала она красивый поэтический портрет своего друга — Юрия Магалифа.

Он похож на человека
с четверговой свечкой тонкой.
Вот он вышел в непогоду
и туманный путь далек.
Но, прикрыв свечу от ветра,
словно малого ребенка,
он шагает, сберегая
ненадежный огонек...

«Неподалеку от Оби, а то прямо на ее берегах, — рассказывал в предисловии Юрий Михайлович, — стоит несколько старинных деревень, где живут сибирские татары. Я, кажется, достаточно хорошо знаю теперь жизнь этих таежников — животноводов и землепашцев — жизнь, которая меняется так стремительно, что иногда даже перо не поспевает за нею». И тут же охотно признавался: «Название Караяр мною придумано, но лица, выведенные здесь, действительно существуют — работают и учатся в своих совхозах...»

<...>

9.

Как это ни странно, о прозе Юрия Магалифа писали немного.

Даже на его популярные сказки критики не слишком часто обращали внимание.

Появлялись, конечно, время от времени заметки Ю. М. Мосткова, предисловия к сборникам, мелкие статьи.

А писателю без внимания — трудно.

Отсюда, видимо, сомнения и метания.

Отсюда и такие записи в дневнике писателя: «Очевидно... мною была совершена крупная ошибка, когда после “Жакони” и “Бибишки” я ушел во взрослые рассказы и повести. Надо было не бросаться в разные стороны».

Но в 1988 году вышла в свет новая сказка.

Называлась она «Успех-трава», и действовала в ней очередная ведьма, правда, на этот раз ни на кого не похожая.

<...>

10.

Только вот странно.

Сказки пишут и пишут, зло наказывают, а этого зла на земле не убывает.

Кикимор и ведьм гоняют по всем уголкам города, побеждают их, возвращают людям совершенно замечательные картины, волшебные свирели, а кикиморы и ведьмы снова возрождаются.

Как отделаться от них?

Люди, вообще-то говоря, стараются.

Владимир Викторович Шамов, к примеру, в бытность свою зам-председателя новосибирского горисполкома — к столетию всеми нами любимого города (в 1993 году) взял и придумал Городовичка, который должен был, наконец, по-настоящему украсить нашу с вами жизнь.

<...>

Но придумать Городовичка — это одно.

А написать о нем сказку — совсем другое.

Пришлось обратиться к известному сказочнику Юрию Магалифу.

«Вот вы держите в руках книжку, — напоминал Владимир Викторович в предисловии к книжке¹⁴, — с любовью написанную Юрием Михайловичем. Городовичка он назвал, вопреки воле его родителей, Никошей. Честно признаюсь, я сначала сердился, а потом смирился, ведь появившийся на свет по твоему желанию сын не всегда следует твоим советам — у него своя, самостоятельная жизнь».

Понятно, в сказке о Городовичке тоже все непросто.

Уже не привычная всем ведьма-кикимора, а самый настоящий злобный ведьмак по прозвищу (или по имени) Дымокур действует в этой сказке. Прозвали (или назвали) его так не потому, что он старался помочь людям отбиваться от злых комаров и от совсем уже распоясавшейся мошкары, а потому, что дымом своим едким, душным, густым, вонючим этот ведьмак Дымокур везде, где только мог, отравлял и душил жителей большого сибирского города.

Ох, надо помочь сибирякам!

Ох, нужна настоящая волшебная дудка!

Ведь только настоящей волшебной дудкой можно остановить, поставить на место, выдворить вон злобного Дымокура.

Так что пришлось постараться сказочнику Магалифу.

Ну а дальше — проще. В один праздничной летний день на набережной реки Оби находчивые герои повести-сказки Юрия Магалифа «Волшебный рожок, или Приключения Городовичка» весело и торжественно перевели городские часы с одного столетия на другое.

¹⁴ Предисловие В. В. Шамова к книге: Магалиф Ю. М. Волшебный рожок, или Приключения Городовичка. — Новосибирск: Новосибирское книжное издательство; Фонд 100-летия Новосибирска, 1993.

11.

«Есть удивительная страна, население которой прирастает на одного гражданина раз в пятьдесят лет, или в сто лет, или в пять лет...» — написал в газете «Вечерний Новосибирск» поэт Александр Плитченко, *читатель сказок Магалифа с 1959 года.*

Так он сам подписался.

«Удивительна эта страна еще тем, что жители ее могут родиться в Норвегии или Сибири, в Америке или Германии, Италии или Дании, зато сразу же становятся гражданами удивительной страны».

И спрашивал: а что же это за страна такая?

И сам отвечал: да ладно! все вы про нее слышали.

Страна эта — сказка! А герои ее — это и Гулливер, и Буратино, и Кот в сапогах, и Дюймовочка, и Баба-яга, и Жар-птица, и черепаха Тортилла, и всякие водяные, лешие, домовые, Карлсон, конечно, и Винни Пух, и Маша со всеми ее медведями, даже Кощей Бессмертный, и непослушный Колобок, и пакостливая Кикимора, и тут же веселый Незнайка, ну и, это само собой, Жаконя!

«...Вот почему писатели Новосибирска назвали Юрия Михайловича Магалифа своим кандидатом на соискание самой высокой литературной премии Новосибирска — премии имени Гарина-Михайловского за 1995 год»¹⁵.

Юрий Михайлович Магалиф стал первым лауреатом этой премии.

Случилось это в Новосибирске в теплый солнечный день 25 июня 1995 года.

В интервью журналисту Сергею Белоусову на вопрос: «А какое воспоминание греет писателя Магалифа больше всего?» — Юрий Михайлович с большим удовольствием ответил: «Три минуты проезда в открытом автомобиле по площади Ленина (для получения премии). Ехали через толпу, люди тянулись ко мне, выкрикивали приветствия. У меня в жизни много было выступлений, артистических успехов, но это — главное!»

(Окончание в следующем номере.)

¹⁵ Плитченко Александр. Добрый сказочник из Н-ска / А. Плитченко // Вечерний Новосибирск. — 1995, 3 июня.

ИЗДАНО В СИБИРИ

Новосибирск

Фликей Лена. Разрешите нам быть счастливыми (цикл «Одарённые»): [роман]. — Кн. 1. — Новосибирск: ИРГА, 2021. — 356 с.

Кто не мечтал жить бесконечно долго и всегда оставаться молодым? Лизе исполнилось девятнадцать, когда она узнала, что обладает наследным Даром, дающим ей сверхспособности и позволяющим никогда не стареть. Почему же родная мать всю жизнь скрывала это от нее? Кто на самом деле ее отец, какие тайны скрывают его родственники, и почему так опасно влюбиться в одного из них? Лизе предстоит пройти нелегкий путь взросления и найти для себя ответы, дорога к которым будет густо усыпана битым стеклом.

Фликей Лена. Я знаю, ты вернешься (цикл «Одарённые»): [роман]. — Кн. 2. — Новосибирск: ИРГА, 2022. — 316 с.

С момента, когда Лиза узнала, что принадлежит к семье Херишей, прошло не так много времени, но моральная дилемма всех Одарённых: верность любимому или отказ от способностей, — коснулась ее напрямую. Романтический отпуск в Индии оказался ничуть не похожим на медовый месяц и едва не закончился трагедией, а в Москве ждало страшное: одного из членов семьи убили. Без того шаткий мир в особняке Херишей нарушен, и Лизе понадобится время чтобы разобраться, кто друг, а кто враг.

Перкова Анастасия. Стережущие золото грифы: [роман]. — Новосибирск: ИРГА, 2023. — 252 с.

Алтайская принцесса — загадочная девушка, найденная во льдах. С ее именем связано множество пророчеств и проклятий, но ученые до сих пор спорят, кем она была на самом деле. Чтобы узнать, кто она, придется пройти среди заснеженных вершин, строптивых рек, опасных перевалов и бескрайних лесов, где живут отважные кочевники, мудрые шаманы, справедливый Дух Тайги, таинственные слезы солнца и люди со звезд...

Лаптев Дмитрий. Анна-Мария: [повесть]. — Новосибирск: ИРГА, 2023. — 192 с.

Франция. Середина восемнадцатого века. Смутное и мрачное время, когда всюду процветают нищета и хаос. Такие времена порождают темных личностей и ужасные события. Люди боятся прогневать Бога. Но так ли крепка их вера, или они просто страшатся Церкви и Огненной палаты? Эта история расскажет о молодом камерарии папы римского Андре Дювале. Он отправляется во французскую глубинку, чтобы распутать очередную тайну и развеять по ветру людские предрассудки.

Ветрова Яна. Птичья песня: [роман]. — Новосибирск: ИРГА, 2022. — 392 с.

Лентяйка и лежебока Екатерина, сама того не желая, попадает в услужение к колдуну. Мало того, что в чужом мире ей приходится выполнять работу по дому и бегать по поручениям, так еще и характер колдуна день ото дня становится все невыносимее.

Город на берегу реки, домики среди цветущих садов. Будничная магия и оживающие статуи. Запах старых книг, кофе и свежих булочек. Разве не сказка? Только не для того, кто отчаянно хочет вернуться домой.

Так ли дружелюбен город, как кажется на первый взгляд? Что таит заросшая мхом тень мира? О чем шепчут алые бабочки? Можно ли доверять незнакомцам? А главное, можно ли доверять себе? Все это предстоит выяснить героине.

Звонцова Екатерина. Пока смерть не приведет нас домой: [повесть]. — Новосибирск: ИРГА, 2023. — 192 с.

Трое ищут того, кто спасет их умирающий мир — чародейством или хотя бы советом. Черный всадник ищет тех, кто отсрочит неминуемое, хотя сердце его пусто, как ледяной космос. Великий герой сожжен на костре, и отныне о нем помнят только темное и злое. А сотни городов спят под багровым песком, превратившись в мертвую пустыню.

Я обману любого, кто придет ко мне. Назначу цену, которую никто не заплатит. И буду смеяться.

Пока смерть не приведет вас всех домой.

Некрасова Анастасия. Круговорот леторожденных: [роман]. — Новосибирск: ИРГА, 2022. — 244 с.

Раньше землян не принимали в Межзвездный Флот Союза, считая их ненадежным, эмоционально нестабильным народом, не способным посвятить жизнь служению высоким гуманистическим идеалам. Курсант Асия Муратова стала одной из первых, кому представился шанс доказать, что это не так. Став членом команды межзвездного корабля «Шаман», она знакомится с помощником капитана, инопланетянином не известной ей расы. Выучить его язык — самое меньшее, чего может захотеть юный лингвист. А вот девушка с душой, стремящейся к звездам, может пожелать гораздо большего...

Вальс Евгений. Только не эта миссия! [роман]. — Новосибирск: ИРГА, 2023. — 268 с.

Конец XXI века. Давно запущен космический лифт, человечество охладило Венеру, заселяет Красную планету и добывает рыбу на спутнике Юпитера. Но Карине все это неинтересно, ведь ее жизнь дала трещину. Еще бы: лучший друг навсегда улетел на Марс, очередной воздыхатель выискивает в ней недостатки, а шеф грозит увольнением, если Карина откажется от опасной командировки на Луну. Нет защиты даже у родного деда, который наверняка отошлет ее еще дальше — освещать ход археологических раскопок за орбитой Земли. В отчаянии Карина пожелала себе смерти. Но что, если ее тихие слова кто-то услышал?..

Яковлева Александра. Сказки со дна озера: [сборник]. — Новосибирск: ИРГА, 2023. — 62 с.

Тайной тропой да по крутому берегу меж плетей-кореньев пройди, не оступившись, и тогда откроется тебе озеро. Вода в нем мутна, со стороны и не поймешь — болото. А ты примечай. Сядет на берег утица, станет грудку купать, значит, верное место. Тут уж поздно поворачивать. Каким тебе озеро глянется, такова и душа твоя.

Некрасова Анастасия. Хождение за Асфальтовую пустошь: [сборник]. — Новосибирск: ИРГА, 2023. — 79 с.

Асфальтовая пустошь — то, что мы видим вокруг себя каждый день. Что в суете становится преградой на пути к красоте и смыслу, к пониманию того, кто мы и зачем живем. Чтобы вернуть смысл, нужно решиться на путешествие. В нем вы встретитесь с героями из других времен, с существами мифическими и вполне реальными, дружелюбными и не очень. Посетите затерянную в лесу деревню, покрытый льдами город и даже замок, что стоит на границе измерений. Постарайтесь остаться собой в мире, который сошел с ума. А потом вернетесь домой, взяв с собой нечто важное. Ну что, вы готовы пересечь Пустошь?

Ненашев Александр. Другая кожа: [сборник]. — Новосибирск: ИРГА, 2023. — 93 с.

Во дворе панельной девятиэтажки пропадает кот, неизвестная пенсионерка заманивает людей в несуществующий кинотеатр, а в квартире одного из жителей начинает двоиться пространство. Это звучит как безумная фантазия, но в данном случае — это возможность взглянуть под другим углом на эпоху девяностых, которую принято изображать через разгул бандитизма, наркотики и безнадежность.

«Другая кожа» — сборник историй, которые больше об идеалах, чем об их утрате, и о преодолении, чем о боли.

Андрианова Анастасия. Кукла упыря: [сборник]. — Новосибирск: ИРГА, 2023. — 137 с.

Остерегайтесь теней, незнакомцев и... самих себя. Что, если в постапокалиптическом мире наравне с людьми по земле будут ходить

воплощения эмоций и чувств? Поддашься ли ты Страху? А если, вернувшись в места своей юности, наконец встретишься с чудовищем, разрушившим твою жизнь? И сможешь ли не попасть в лапы городским вампирам? Обо всем этом сборник рассказов Анастасии Андриановой, в которых встречаются ведьмы, упыри, волколаки и городские легенды.

Валерий КОПНИНОВ

ПРИВЫЧКА СОЧИНЯТЬ

Заметки о художнике Петре Кудинове

Ни один великий художник никогда не видит вещи такими, какие они есть на самом деле. Если бы он это сделал, он перестал бы быть художником.

Оскар Уайльд

Многие художники говорят о себе, что еще в детстве их тянуло к холсту и краскам. То же самое о собственной тяге к рисованию, возникшей в далеком послевоенном детстве, может сказать Петр Андреевич Кудинов: это чистая правда. Впрочем, многих в детстве тянет к рисованию, но подавляющее число людей со временем остывает. Выбирают для себя профессию художника и остаются ей преданными на всю жизнь единицы.

Причины? Они разные. От ощущения утраты собственного предназначения до более приземленных.

— Сейчас время сложное для художников, — делится своими наблюдениями Петр Андреевич. — Хотя почему сейчас, вот уже лет тридцать это сложное время тянется. И сложность его в том, что надо как-то зарабатывать для семьи, а я занимаюсь живописью, которая не приносит никакого дохода, и, может, некоторые на меня смотрят как на чудака, но меня совершенно не интересует их мнение. Я знаю, при «разумном» отношении к такой ситуации другой бы давно бросил это дело на моем месте, а я пишу. И я не один такой...

У подобной преданности живописи тоже есть свои причины. Одна из них — умение увидеть и глубоко почувствовать красоту, разглядеть ее во всем, там, где другие видят обыденное. Умению этому научить трудно, почти невозможно. Большое благо — с ним родиться.

— Мы жили на краю деревни Шимолино — это Благовещенский район Алтайского края, — вспоминает Петр Кудинов. — Послевоенное время, нас, детей, много было у родителей, и я помню, недалеко от нас жил хромой мужик, бывший военный, покалеченный на войне. Работал он заготовителем — шкуры принимал, еще что-то такое; он, кстати, насколько я помню, при своей работе не бедствовал. Так вот, как-то мы зашли к нему в дом и я увидел висящую на стене картину — там

русский богатырь сошелся в поединке с чужеземцем. Я тогда не знал, что это картина Михаила Авилова «Поединок Пересвета с Челубеем», на которой изображен тот самый бой, что предварял Куликовскую битву, между присланным из Свято-Троицкой Сергиевой лавры монахом-воином Пересветом и опытным монголо-татарским богатырем Челубеем. Я увидел эту картину и обалдел — настолько поразила она мое воображение силой, энергией, а главное, реалистичностью происходящего. Как будто ударило по мне мощной энергетической волной и пронизало насквозь. А было мне тогда всего-то лет пять-шесть... И вот еще одно детское воспоминание. Был раньше такой промысел — рисование ковров краской по ткани, заменяли они ковры тканые. В один из обычных дней мы, ребяташки, бегали вокруг соседского дома, играли в прятки, и я увидел в открытое окно на стене такой рисованный ковер. Увидел и замер — он показался мне таким красивым, что я встал у окна и не мог оторваться, разглядывая его. Остальные ребяташки по-прежнему бегали, играли, на ковер ноль внимания — им он сто лет не нужен, а я замер надолго. Ну вот такая вроде бы дурь, если со стороны смотреть, а для меня — интерес.

Из этих детских впечатлений и возникло желание всецело принадлежать к большому художественному миру, ставшее впоследствии судьбою; желание, позволяющее не просто красоту созерцать, а уметь создавать нечто подобное. И возможность реализовать это желание пришла у Петра Кудинова вместе с взрослением. А взрослеют на селе да при крестьянском труде рано.

— У нас в семнадцати километрах от села раскинулось большое Кулундинское озеро, — рассказывает Петр Андреевич, — и там, на острове, наши сельские мужики косили сено, ставили стога, а зимой свозили на корм животным. А мне интересно было поехать с мужиками туда и там поработать. И однажды я сговорился и поехал на сенозаготовки — работал там с мужиками, ночевал, с лошадьми управлялся. Романтика. В то лето я закончил девятый класс. И вот в этой работе наравне со взрослыми мужиками — когда уставал страшно, а выказать свою усталость, испросить себе по молодости лет передышку было стыдно, было недопустимо — я и сам почувствовал себя мужиком. И домой приехал в таком настроении.

И в этом настроении будущий десятиклассник Петя Кудинов встретил на улице свою школьную учительницу Веру Павловну Черняеву. Она хорошо знала Петю, знала о его тяге к рисованию, интересе к художникам и даже о том, что любимый из них — Валентин Серов. И посоветовала не в десятый класс идти, а поступать в Бийское педагогическое училище — там открылось художественно-графическое отделение.

— Я подумал, решил, поехал, сдал экзамены и поступил, — с улыбкой говорит о своем, можно сказать, судьбоносном решении Петр Андреевич. — Учиться мне нравилось, учился я с великим интересом, тем более в училище уровень обучения был намного выше школьного. Правда, на два года пришлось прерваться для службы в армии. После училища преподавал в Благовещенской школе рисование и черчение. И на своем

опыте могу сказать, что у детей рисование не самый любимый предмет. Далеко не все склонны к творчеству, а без такой склонности этот предмет кажется бесполезным. Тогда уже начал понемногу писать. Работал, добывая хлеб насущный — рисовал плакаты, занимался наглядной агитацией, делал копии. Однажды для одной воинской части с какой-то картинкой срисовал портрет Суворова, и моя копия так понравилась комбату, что он сказал: «Знаешь, еще лучше получился, чем магазинный». Смешно, конечно. Хотя не все было смешно, и жизнь помотала по разным местам, но все равно, если в тебе есть тяга к творчеству, никуда ее не денешь. Поэтому время находил, чтобы писать, как говорится, для души. И развиваться хотелось, учиться. Поступил в Дальневосточный институт искусств. Но, к сожалению, не закончил его — болел часто, там настолько неподходящий для меня климат оказался.

Жизнь действительно помотала, но, сделав круг, обязательно возвращала на родной Алтай и, проведя длинным путем-дорогой, привела в Барнаул, где Петр Андреевич окончательно состоялся как художник — с выходом на профессиональный уровень. Что повлекло за собой и вступление в Союз художников России, и участие во всероссийских выставках, и обретение собственной мастерской — маленькой, но уютной и, кроме того, с деревьями за окном, которые летом закрывают от назойливого солнца, так мешающего писать.

— Была осенняя выставка, — вспоминает Петр Кудинов события 2012 года, — я тогда еще не был членом Союза художников, а на осеннюю выставку всегда берут в основном работы членов Союза. Я привез картины показать, думаю себе, мечтаю — может, кто-нибудь из художников посмотрит. И встретился мне Юра Чулюков. Я говорю ему: «Ты же член Союза, не посмотришь мои картины?» Он согласился — стоим мы, смотрим. И проходит мимо Николай Зайков, остановился возле моей картины «Прогулка», присмотрелся и выдал: «Это Фризен», посмотрел еще и поправил сам себя: «Нет, не Фризен». А Фризен Альфред Петрович — живописец известный, большой. Чулюков на меня показывает и говорит: «Да вот он автор...» А после того как Зайков ушел, недолго думая, посоветовал мне: «Знаешь что, ты подавай заявление, чтобы тебя в Союз художников приняли». Я удивился, говорю: «Я как-то не рассчитывал на это, так сразу...» Ладно, переборол свои сомнения, пришел к Юрию Борисовичу Кабанову, работы ему показал, а после того, как он картины увидел, оценил, дело пошло к рассмотрению моих работ да принятию в Союз. А когда я стал членом Союза художников, совсем осмелел и такие вот мысли мне стали в голову приходиться — я уже художник, настоящий, раз меня в Союз приняли, и я имею право на поиск, чтобы рисовать не то, что умею, а нечто большее, требующее превзойти самого себя. Как говорил Поль Гоген: «Художник должен иметь право отважиться на эксперимент». Может, я воспроизвел слова Гогена не совсем точно, но по смыслу все так и есть, и фраза эта мне страшно нравится.

И Петр Кудинов на эксперимент отважился. Нет, это выразилось не в рисовании геометрических фигур или создании цветowych пятен — на полотнах Петра Кудинова жизнь в ее самых что ни на есть

реальных проявлениях. Но жизнь не скопированная, а осмысленная художником, прочувствованная и, как итог, представленная зрителю через определенный образ, чаще всего простой, без излишней зауми, но очень точный и впечатляющий.

Что, как видится мне, и есть собственный стиль Петра Андреевича.

А один из элементов стиля — это сферическая перспектива, названная так известным художником Кузьмой Петровым-Водкиным, который использовал этот прием в некоторых своих картинах. Изображение картины словно отражается в некоей округлой зеркальной поверхности, создавая эффект «вогнутости» к геометрическому центру композиции. Возникает взгляд на мир как будто с большой высоты, что придает идее картины «планетарный масштаб». Это, можно сказать, видение Земли глазами Бога с небес.

У Петра Кудинова сферическая перспектива более человеческого свойства, она приземлена и, несмотря на явную художественность, выглядит естественной геометрией пейзажа, преимущественно городского. Именно город с его горизонтальным размахом и вертикальным устремлением вверх требует пространственного масштабирования, проще говоря, требует расстояния, чтобы быть увиденным в законченном, цельном фрагменте. Поэтому в живописном варианте Кудинова и сам художник, и зритель не вознесены на особую высоту — они расположены вплотную к изображению. Восприятие субъективно, и, следовательно, вполне возможно некоторое зрительское непонимание такого изобразительного приема, но оно ни в коей мере не приводит к отторжению картины, а лишь служит важным поводом для размышления.

Показательны работы, выполненные с использованием видоизмененной сферической перспективы: «Прогулка», «Летний вечер в нашем городке», «Вечер».

— Такая вот история приключилась на выставке с картиной «Прогулка», — рассказывает Петр Андреевич. — Один известный алтайский художник, когда увидел эту работу, спросил: «А что у тебя дом вроде как завалился? Что это такое?» А почему я это сделал? Да потому что я хотел движение придать — вот колесо обозрения крутится и под себя своим движением дом подминает, оттого он и накренился, подхватывая движение колеса. А если он прямо будет стоять, не получится согласованности по динамике между объектами в картине. И расстраиваться от подобных вопросов нельзя. Конечно, можно хорошо все сделать, с правильными пропорциями, но ведь это искусство. Художник должен искать, пробовать и так и сяк, тем более если у него интерес к этому есть. А уж там получилось или нет — это зритель должен решить.

И в картине «Прогулка» — несомненно получилось. Барнаул (а барнаульцы увидят на полотне именно его, бийчане — Бийск: дома со схожей архитектурой найдутся не в одной сотне городов) словно воплощенное в материю время — текучий, гибкий, пластичный. Он не монументальный, особенно центр, где почти без эклектики, почти гармонично перемешано все, что построено за долгое время существования города — в XVIII, XIX и XX веках. И то самое колесо обозрения, упомянутое

Петром Андреевичем, что раньше возвышалось над площадью Сахарова и было знакомо каждому барнаульцу, — это и образ циферблата часов, отсчитывающих вечное время, и символ диалектичности развития мира в целом, а равно и его составных частей.

И стало быть, городское здание вполне может иметь угол наклона, что возник благодаря неминуемому попаданию любого здания в водоворот времени. Любого здания, в любом городе (желательно насчитывающем хотя бы столетнюю историю), потому что, предполагая, будто бы на картине «Прогулка» изображен Барнаул, мы все же понимаем — образ города собирательный.

Уход от прямого копирования и конкретики в пользу сочинительства, в пользу именно собирательного образа — это тоже собственный стиль Петра Кудинова.

Город в картинах «Летний вечер в нашем городке» и «Вечер» — это город без названия, без прототипа, без заимствованных элементов. Это просто город, с его духом, его ритмом, его жизненным укладом.

Вот «Летний вечер в нашем городке». Сочиненный Петром Андреевичем городок расположен вокруг округлого озера («вокруг округлого» — это не тавтология, это кольца пружины, обеспечивающей движение, та же сферическая перспектива). А само озеро — словно уложенные горизонтально часы, задающие ход городской жизни. На них время будто замкнуто в круг: каждые двадцать четыре часа наступает очередной летний вечер. Формально городок собран из стандартных деталей — нескольких многоэтажек, разрозненных фигур отдыхающих горожан, парковой скамейки, автомобиля, спортплощадки... Но все эти узнаваемые, привычные — и составляющие основу простого человеческого счастья — детали совместного жития людей, будучи сведенными воедино, являют собой законченный рассказ о городке в один из его летних вечеров. Придуманное художником место наполнено добротой и оттого становится желанным. И впечатление целостности и замкнутости настолько сильное, что кажется — за холмом (на всей большой Земле) другой жизни нет, а есть только этот идеальный в своей позитивности городок, тихо живущий в круговороте душевного спокойствия и добра. Но взмывший над холмом в небо воздушный шар говорит и о существовании иных просторов.

— В картине «Летний вечер в нашем городке», — комментирует свою работу Петр Кудинов, — я закрутил движение, мне показалось, что город — он всегда в движении, даже если что-то в нем находится в состоянии покоя. Я взял и объединил домики, людей... Это не сам город, это образ города. У меня такая есть привычка — я люблю сочинять. Даже если есть отправная точка и она реальна — в данном случае определенный город, но на холсте это будет образ города.

Художник создает иной мир, предлагая вместо реальности жизни художественную реальность. Иногда достаточно простую, как в картинах «Летний вечер в нашем городке», «Деревенский футбол» или «Семья». Иногда более сложную по содержанию, тематике и драматургии, как в картинах «Вечер», «9 Мая — наш праздник» или «Марафон»

(предощущением общечеловеческой беды она перекликается с картиной Кузьмы Петрова-Водкина «Ураган», написанной в 1914 году перед началом Первой мировой войны).

Картина «Вечер» и внешне работа тонкая, с точно найденным цветом, передающим особое состояние сумерек — стадию вечернего часа, когда постепенный уход солнца преображает свет в темноту и основными тонами делает сиреневый и фиолетовый. Возможно, и этого пойманного на кончик кисти и воссозданного на холсте ощущения вечера было бы достаточно, но художник пошел дальше, придав картине внутреннее содержание, философскую глубину. И ты как зритель, погружаясь в эту глубину, невольно обращаешь внимание на определенные детали — на окна в большом доме, на то, что они разных цветов и размеров. На фоне сиреневых сумерек они особо заметны и считаются как отображение разных характеров, судеб людей и целых семей, живущих за этими окнами. Притягивает твой взгляд стоящий у подножия большого дома одинокий маленький домик. И чистый свет, что горит в его окошке, и снег, что сползает с его крыши, дерево, качелька за домом, даже то, что какие-то доски в заборе отсутствуют, — это все человеческое, все живое, и о человеке его дом или даже окно его дома рассказывает не менее откровенно и подробно, чем если бы сам человек взялся за это дело. Следует заметить, что на картине нет ни единой фигуры человека, нет даже ее контура, тени, но мы знаем про обитателей этих домов нечто личное и сокровенное. Образный ряд картины поведал нам о людях.

Умение рассказать о человеке без человека, через образ, требует от художника внутренней сосредоточенности в соединении с большим мастерством. И Петр Андреевич этим мастерством владеет. Вот еще одна его работа — «Пейзаж с колокольней». Условно картина делится на две части — землю и небо. Расстояние между ними велико, а подчеркнутое приземистостью домов — кажется непреодолимым. Но землю и небо соединяет колокольня. Белый цвет колокольни, заостренность ее купола, устремленного в небо, говорят про особую роль, отведенную ей. По восходящей колокольне, как по лестнице, уходят в небо молитвы, возносятся души... А внизу, в домах, под крышами, — там земная жизнь. А внизу — на улицах люди. И ничего особенного не происходит в том нарисованном мире людей, но образным соединением земного и небесного картина рассказывает о человеческом бытии...

Надо сказать, что приходит это понимание не в один миг. Есть такое ощущение от картин Петра Андреевича: смысл, заложенный в них, дается не сразу, не открытым текстом, требуется время, чтобы его понять. Проще говоря, у картин Кудинова нужно немного постоять, нужно побыть немного внутри, и только войдя в пространство картины, причем не сторонним наблюдателем, а участником события, начинаешь считывать образ. Художник как будто оставляет на картине символическое место для зрителя, приглашая того войти в свой мир.

— Самое правильное состояние, — делится опытом Петр Кудинов, — это когда ты не боишься экспериментировать. Я много сочиняю, мне нравится сочинять, собираются постепенно впечатления, даже

не впечатления, а обрывки увиденного, и складываются постепенно в идею. Я природу тоже рисую по памяти. Хожу, присматриваюсь, а потом рисую, но как-то иначе, соединяя увиденное с мыслями, чувствами, образами... Овладение мастерством живописи — это процесс бесконечный. На каждой картине художник чему-то учится, а раз процесс продолжается, то художник не «засыхает». Как говорится, главное — набраться наглости и добиваться своего, задуманного, того, что в конечном итоге увидит зритель. Что ни говори, а зритель — он ведь подспудно придает смысл работе художника. Когда в Третьяковке была выставка Валентина Серова — люди шли и шли. Так ведь и положено: картина оживает в зале, на выставке, в галерее, в музее — там, где ее видят, где ее понимают и чувствуют. Пришлось организаторам выставку продлить. А люди продолжали идти. И я подумал: может быть, они заражаются там некой благостью, что поможет им в жизни. Кстати, картина, купленная и пристроенная в чьих-то личных покоях, и картина, принадлежащая галерее, живут разной жизнью. Я никогда даже и не интересовался продажами. Тем более частными. Если музей купит, ты хотя бы знаешь, куда картина ушла и где ее люди увидят...

Петр Кудинов открыт в своем творчестве, открыт он и в жизни. Есть у художника очень искренний «Автопортрет» — в нем и легкая ирония, и вместе с тем доверительность. Мол, здравствуйте, люди хорошие, я вот такой, как есть, — весь перед вами, может, в чем-то несовершенен, но уж точно без камня за пазухой. На том автопортрете Петр Андреевич спину держит прямо, стоит подбоченясь: хоть и с юмором, но дает явный намек, что внутренний стержень у него имеется.

— Встречаться с Петром мне всегда интересно. Это человек нестандартный, творческий, талантливый! — так отзывается о Петре Кудинове его товарищ по профессии, член Союза художников России Валентин Шипило. — Свои картины он сочиняет по наблюдениям. Бывает, что долго вынашивает идею и совсем не боится экспериментировать. Он может наклонять дома, расставлять, двигать в композиции все так, как считает необходимым для большей выразительности. И поэтому каждый образ в его картинах выстрадан. Для своих работ он обязательно делает первоначальные наброски, зарисовки к будущему холсту, разрабатывает зачастую картон, которому придает немаловажное значение. Бывает, что на него уходит достаточно много времени. А приступая к работе на холсте, большую роль отдает колориту, пластике. Композицию неизменно строит, чтобы основной действующей силой работала и линия, и цвет. Зная его, скажу так: любовь к жизни, людям, искусству и делает Петра Кудинова в творчестве по-хорошему одержимым!

АВТОРЫ НОМЕРА

Александров Николай Александрович родился в 1955 году в г. Болотное Новосибирской области. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. С 2003 года возглавляет Издательский дом «Историческое наследие Сибири». Публиковался в различных журналах и периодических изданиях России. Автор нескольких книг прозы. Член Союза писателей России и Союза журналистов России. Проживает в рабочем поселке Колывань Новосибирской области.

Ахмерова Елена Алексеевна родилась и живет в Екатеринбурге. В 1992 году окончила Уральский государственный университет им. А. М. Горького по специальности «русский язык и литература». Педагогической деятельности посвятила более 30 лет. Почетный работник среднего профессионального образования РФ. Стихи публиковались в альманахе «День поэзии», журнале «Аврора».

Голованова Екатерина Алексеевна родилась в 1969 году в Горьком. Окончила Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина. Выпускница литературной резиденции «Мастерская Захара Прилепина». Работает репетитором, занимается общественной деятельностью. Ранее нигде не публиковалась. Живет в Нижнем Новгороде.

Копнинов Валерий Павлович родился в 1963 году в Барнауле. Окончил Алтайский институт культуры и ГИТИС. Автор книг «Сукны дети», «Двенадцать затмений луны», «День чистой воды». Публиковался в журналах «Север», «Огни Кузбасса», «Сибирские огни». Работает режиссером телевидения. Член Союза писателей России и Союза театральных деятелей РФ. Живет в Барнауле.

Лютый Вячеслав Дмитриевич родился в 1954 году в Легнице (Польша). Окончил Воронежский политехнический институт, Литературный институт им. А. М. Горького. Работал радиоинженером, звукооператором театра драмы, заведующим московской редакцией журнала «Континент». В настоящее время — заместитель главного редактора журнала «Подъем». Публиковался в журналах «Подъем», «Наш современник», «Москва», «Сибирские огни» и др. Автор нескольких книг о современной литературе. Лауреат ряда литературных премий. Председатель Совета по критике Союза писателей России. Живет в Воронеже.

Макаров Андрей Викторович родился в 1976 году в Екатеринбурге. Образование высшее финансово-экономическое, второе образование — Высшая школа международного бизнеса при Правительстве РФ. Автор романа «Дорога к Белому берегу» (2020). Публиковался в литературных журналах «Нева», «Север» и ряде других изданий. Живет в Москве.

Матонин Василий Николаевич родился в 1957 году в Архангельске. Доктор культурологии, профессор Северного

(Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова, главный редактор альманаха «Соловецкое море». Автор десяти поэтических сборников. Лауреат литературных премий им. Н. Рубцова и им. Б. Шергина. Член Союза писателей России. Живет в Архангельске.

Молчанов Вячеслав Сергеевич родился в 1989 году. Учился в Уральском государственном горном университете. Пишет поэзию и прозу. Публиковался в литературном журнале «Вторник», в сборнике стихов поэтов группы LITTEPA (2023). Проживает в Екатеринбурге.

Прашкевич Геннадий Мартович родился в 1941 году в с. Пировском Красноярского края. Прозаик, поэт, переводчик. Автор романов «Секретный дьяк», «Носорукий», «Теория прогресса», биографических книг о Жюль Верне, Уэллсе, Брэдли и др. Заслуженный работник культуры РФ, лауреат ряда литературных премий. Живет в новосибирском Академгородке.

Радашкевич Александр Павлович родился в 1950 году в Оренбурге, вырос в Уфе. В 70-е годы жил и работал в Ленинграде. Эмигрировал в 1978 г. в США, работал в библиотеке Йельского университета (Нью-Хейвен). В 1984 г. переехал в Париж, где работал редактором в еженедельнике «Русская мысль». В 1991—1997 гг. был личным секретарем Великого князя Владимира Кирилловича и его семьи. Автор двенадцати книг поэзии, прозы и переводов, выходящих в Санкт-Петербурге, Москве, Нью-Йорке и Белграде. Член Союза российских писателей и Союза писателей XXI века, официальный представитель Международной федерации русскоязычных писателей во Франции. Участник фестивалей поэзии во многих странах. Стихи переведены на английский, французский, немецкий, сербский, болгарский и арабский языки. Живет в Париже.

Сорокин Михаил Юрьевич родился в 1979 году. Окончил ВоГТУ, ВЛК при Литературном институте им. Горького. Работает архитектором. Ранее не публиковался. Живет в Ярославле.

Теплякова Мария Сергеевна родилась в 1982 году в Калининграде. Окончила исторический факультет Калининградского университета. Работает регентом и звонарем в храме Успения Божьей Матери на Княжем дворе (Суздаль). Автор трех поэтических сборников. Лауреат премии журнала «Сибирские огни». Живет в Суздале.

Ульянова Ольга Андреевна родилась в 1988 году в Челябинске. Выпускница журфака ЧелГУ и факультета свободных искусств и наук СПбГУ. С 2023 года — аспирантка Школы искусств и культурного наследия Европейского университета в Санкт-Петербурге. Участвовала в качестве редактора, автора и переводчика в ряде издательских проектов о культуре и искусстве. Соавтор книг «Станция Россия», Cars and Sneakers.

Частные лица и организации в Российской Федерации
и в странах СНГ могут подписаться
на журнал **«СИБИРСКИЕ ОГНИ»** в любом отделении связи —
красный Объединенный каталог, подписной индекс — 46587.

ДЛЯ ДЕТЕЙ СТАРШЕ 16 ЛЕТ

Учредители:

Союз писателей России,
Администрация Новосибирской области.
Журнал зарегистрирован в Государственном комитете
Российской Федерации по печати.
Свидетельство о регистрации № 01302 от 27 ноября 1998 г.

Адрес редакции и издателя:
630099, г. Новосибирск, ул. Чаплыгина, 25, тел. (383) 223-10-15
E-mail: sibogni@sibogni.ru Сайт: сибирскиеогни.рф

Адрес типографии:

ООО «Новосибирский издательский дом»
630048, г. Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, 104
<http://книгосибирск.рф>

Сдано в набор 28.06.2024.
Дата выхода № 7 за 2024 г. в свет 24.07.2024.

Формат 70x108/16. Печать офсетная. Уч.-изд. л. 11,61.
Тираж 1500 экз.

Во всех случаях полиграфического брака
просим обращаться в типографию.

Петр Кудинов.
Прогулка.
2014

Петр Кудинов.
Вечер.
2012

